

Дагестанский филиал Академии наук СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

С. АБДУЛЛАЕВ

ГРАММАТИКА
ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА
(ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГИЯ)

МАХАЧКАЛА 1954

Дагестанский филиал Академии наук СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

С. АБДУЛЛАЕВ

**ГРАММАТИКА
ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА**

(фонетика и морфология)

МАХАЧКАЛА 1954.

ОТ РЕДАКТОРА

Составленная покойным С. Н. Абдуллаевым грамматика даргинского языка отличается от всех предшествовавших научных работ по этому языку, во-первых, полнотой описанного автором материала и, во-вторых, широтой охвата сведений, сообщаемых в грамматике по многочисленным даргинским диалектам.

Все прежние исследователи и составители научных грамматик этого исключительно многодиалектного языка касались в своих работах или одного диалекта, или даже лишь одной какой-либо стороны изучавшегося ими диалекта. П. К. Услар в свое время описал урахинский диалект даргинского языка, оставив нам работу, которая является классической по полноте и научной точности: А. И. Жирков, использовав богатый материал Услара, стремился дать краткую грамматику, уясняющую грамматический строй этого теоретически весьма интересного языка. С. А. Выховская, изучавшая даргинский язык, и между прочим — его кайтагский диалект, подробно описала по материалам литературного даргинского языка систему словоизменения даргинских существительных. Ш. Г. Гаприндашвили дал нам ценное исследование в области фонетики цудахарского диалекта — одного из наиболее обособленных наречий даргинского языка.

Покойный С. Н. Абдуллаев дал нам в 1952 году грамматику даргинского языка — фонетику и морфологию — с указанием главнейших синтаксических правил, касающихся отдельных грамматических категорий.

Грамматика эта составлена на основе литературного диалекта даргинского языка с указанием грамматических форм других диалектов. Как известно, даргинский литературный язык строится на базе акушинского диалекта с устранением, однако, слишком специфических акушинских особенностей (например, литературный язык не допускает выпадения классного показателя *d*, что встречается в акушинской речи, и проч.). С другой стороны, как всякий младописьменный литературный язык, он должен, естественно, обогащаться и некоторыми формами и, в особенности, лексикой других наречий; он не должен и не может замыкаться в рамках основного литературного наречия. Вполне понятно, что при этих условиях некоторое время нормы литературной речи остаются неустойчивыми, что сильно осложняет деятельность переводчиков на даргинский язык, работу редакторов и порою затрудняет самих читателей даргинской литературы. Грамматика С. Н. Абдуллаева, следовательно, будет полезна в особенности тем, что она указывает и нормы литературной речи и в то же время приводит отклоняющиеся грамматические формы по отдельным диалектам; переводчики и редакторы найдут в этой книге полезное для себя пособие.

Надо сказать, что именно этот тип изложения грамматики, где требовалось всегда стоять на почве языковой нормы и в то же время осветить все диалектное богатство описываемого языка, создавал и для автора, и для редактора особые трудности. Последовательность изложения материала могла при этом местами нарушаться; иногда требовалось повторение уже ранее сказанного в связи с другими сторонами грамматического строя. В этом отношении редактор приложил большие старания, стремясь насколько возможно достичь в работе необходимую стройность изложения, но при условии — сохранить по возможности весь тот богатый фактический материал, который составляет с научной точки зрения неоспоримую ценность работы С. Н. Абдуллаева.

К сожалению, покойный автор не успел оставить окончательно исправленной рукописи своей работы, и поэтому в отдельных местах редактору пришлось опустить некоторые абзацы и страницы, незаконченные автором; восстановить их и исправить могли бы только сам покойный автор, ибо только он один обладал нужными для этого знаниями в области всех даргинских диалектов.

Читатели и научная критика будут судить о недостатках данной грамматики, которых, конечно, в таком сложном труде немало; недостатки и промахи, которые заметят читатели, в дальнейших изданиях этой грамматики, несомненно, должны быть устранены. Надо помнить, какое важное значение признал за грамматикой языка в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин: «...именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку».

Профессор Л. И. ЖИРКОВ,

В В Е Д Е Н И Е

В многоязычном Дагестане вряд ли можно отыскать язык, столь же богатый диалектами, как даргинский. В республике гор, как известно, насчитывается более двадцати пяти языков (из них шесть — литературные) с громадным количеством диалектов в них. Даргинский язык имеет более тридцати диалектов (наречий). Все даргинские диалекты являются местными (территориальными) диалектами, они обслуживают народные массы — каждый диалект на своей небольшой территории — имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд.

Следовательно, перед народными местными даргинскими диалектами может быть открыта, при известных условиях, перспектива дальнейшего развития. Несомненно, однако, что даргинский народ должен иметь единый литературный язык. Поэтому среди множества даргинских диалектов сделаться базой литературного языка было суждено, конечно, лишь одному.

Этот вопрос должны были решить сами даргинцы, достоянием которых является даргинский язык, они должны были наметить перспективы развития своего языка до степени литературного языка, языка — в полном смысле этого слова, обладающего богатыми возможностями в разнообразных жанрах литературы — художественном, политическом и научном.

Следовательно, прежде всего, нужно было определить диалектную базу литературной речи. Как увидит читатель в настоящей работе дальше, задача выбора диалектной базы для даргинского литературного языка уже разрешена: в основу положено акушинское наречие, как самое понятное и легкое для значительного большинства носителей даргинских диалектов.

Но литературный язык даргинского народа, имеющий свою основу в одном диалекте, конечно, не замыкается и не замкнется в пределах одного только этого диалекта. Слова из словарного состава других диалектов принимались и принимаются в состав литературного языка; грамматические формы других диалектов в нужных случаях, обогащают и будут обогащать литературную речь. Вот почему, между прочим, автор

настоящей работы счел необходимым повсюду во всех разделах грамматики, указывая формы даргинского литературного языка, вместе с тем сопоставлять их с особенностями иных диалектов; для многодиалектного даргинского языка такое условие изложения его грамматического строя представляется, несомненно, необходимым.

Прежде чем приступить к самому изложению грамматики даргинского языка, мы считаем целесообразным предпослать несколько слов о языке и его диалектах.

В даргинском языке насчитывают (с кайтагским и кубачинским) не меньше 38 диалектов и говоров, иногда резко отличающихся друг от друга.

Перечислим эти диалекты и говоры:

Акушинский — селения: Акуша, Урхучи, Бургимак, Дубримахи, Уллуая, Наскент, Эбдалаая, Лапку, Левашаи, Какамахи и много мелких хуторов Акушинского и Левашинского районов.

Акушинский диалект характеризуется: отсутствием усиленных согласных; отсутствием лабиализации и долготы гласных; слабостью ударения; наличием глоттизованных *и, о*, сохранением в известных условиях перед гласным *и* классного показателя *в*; выпадением классного показателя *д* после приставок и др. Говорящие на акушинском диалекте составляют самую большую группу среди даргинцев. Внутри самого акушинского диалекта существуют очень незначительные и мало заметные различия.

Урахинский — селения: Урахи, Ванашаи-Махи, Махарги и много хуторов Сергокалинского района.

Характеризуется развитой лабиализацией; наличием долгих гласных; прогрессивной и регрессивной ассимиляции, даже на расстоянии; отсутствием усиленных согласных; слабым ударением (как в акушинском) префиксацией и др.

Бурдекский — сел. Бурдек Сергокалинского района (говор Урахинского диалекта).

Кичигамринский — сел. Кичигамри и Маммаул Сергокалинского района (говор урахинского диалекта).

Мугринский — сел. Мугри того же района (близкий к урахинскому).

Канасирагинский — сел. Канасираги Сергокалинского района (близкий к Мугринскому).

Мургукский — сел. Мургук того же района (близкий к двум предыдущим).

Мекегинский — сел. Мекеге, Верх.-Лапку, Нижн.-Лапку и хутора Левашинского района.

Дегвинский — сел. Дегва Сергокалинского района (говор мекегинского диалекта).

Губденский — сел. Губден и Гурбуки, Карабудахкентского района; и другие населенные пункты;

Мюрегинский — сел. Мюрего Сергокалинского района (очень близкий к губденскому).

Кадарский — сел. Кадар с хуторами, Буйнакского района (ближе всего к губденскому диалекту).

Мекегинский диалект почти не изучен. Он характеризуется: неподвижным стоящим преимущественно на втором слоге с начала слова ударением; отсутствием усиленных согласных и согласного звука *хь*; гласным *е* в окончании наречий и деепричастий (вместо акушинского и урахинского *и*), что характерно и для цудахарского диалекта; гласным *у* вместо *и* других диалектов в глаголе *у-кӀес* «говорить» (акуш. *в-икӀес*, урах. *и-кӀвис*) и др. Мекегинский диалект вместе с наречиями или говорами селений Дегва, Губден, Мюрего и Кадар ближе к акушинскому и урахинскому диалектам, чем к цудахарскому.

Из особенностей губденского диалекта, отличающих его от всех других диалектов даргинского языка, надо отметить, что он не допускает стечения звуков *лл*, *рл*, *рр* и ассимиляции. В положении перед *л* корневые согласные *р* и *л* в нем выпадают; два *рр* переходят в *ж*; среди суффиксов глагола прошедшего времени суффикс *ур* отсутствует, его заменяет *уб* (акуш. *б-агьур* «узнал» — губд. *б-агьуб*; *ахI-б-изур* «понравился» — губд. *ахI-б-изуб*; в отличие от всех других диалектов, в этом диалекте *б* в суффиксе *уб* в 1 и 2 лице выпадает (*б-агьура* «я узнал»; *ахIуб* «он родился» — *ахIура* «я родился»). Вместо акушино-урахинских окончаний эргатива *ли*, *ни*, *й*, *а*, *ан*, *ани* и др. в губденском диалекте мы везде имеем *ни*; вместо суффиксов деепричастия *ли*, *уй*, *й* здесь мы имеем *ле* и *а*.

Цудахарский диалект — на нем говорят селения: Цудахар, Хаджалмахи, Куппа, Аметерк, Гуладди, Верх.-Убеки, Нижн.-Убеки и др. населенные пункты Цудахарского и части Шурагатского районов.

Цудахарский диалект характеризуется наличием глоттизованных гласных *и*, *о* и усиленных согласных; лабиализацией согласных даже перед согласным и в конце слова (чем и отличается лабиализация в этом диалекте от лабиализации в урахинском и некоторых других диалектах; ярко выраженным, весьма заметным подвижным ударением, играющим роль в словоизменении, словообразовании и различении слов; упрощением парадигмы склонения и спряжения и др.

Бутринский говор — одного селения Акушинского района;

Усишинский — сел. Усиша, Гермахи и Зирмук того же района;

Гебинский говор — селения Геба (говор усишинского диалекта);

Гинтинский говор — селения Гинта того же района.

Куркинский говор — селения Курки того же района (близкий к гинтинскому).

Эти диалекты (бутринский, усишинский, гебинский, гинтинский и куркинский) расположенные юго-западнее селения Акуша, имеют большое сходство с цудахарским диалектом, но от других цудахарских селений они отделены селением Акуша, оказавшим на них видное языковое влияние. Их можно считать говорами цудахарского диалекта.

Сургинский — селение Урари, Гуладди (одноименное с вышеуказанным), Дуакари, Наци, Нахки, Цугни, ХудуцI, Мирзитта, Урагы, Хуршни и др. (Дахадаевского и Акушинского районов).

Внутри сургинского диалекта имеется много говоров, о которых пока мы не можем говорить детально.

Кайтагский диалект — большинство селений Кайтагского района. Кайтагский диалект распадается на пять говоров: шурккантский (селения: Лица, Жирабачи, Дакнисса и др.); нижнекайтагский (Баршамай, Гарадан, Джавгат и др.); Ирчамульский (Кирки, Гирцик, Варсит и др.); Каттагинский (Шилаги, Тама и др.) и говор селений Ахмедкент и Санчи.

Мугинский диалект — сел. Муги Акушинского района, часть селения Бачиюрт Шурагатского района (находился под сильным влиянием акушинского и урахинского диалектов). В нем обнаруживаются моменты, общие с кайтагским и муиринским диалектами.

Верхнемулёбкинский — сел. Верхн.-Мулёбки (очень близкий к мугинскому).

Нижнемулёбкинский — сел. Нижн.-Мулёбки Сергокалинского района (подвергшийся сильному влиянию урахинского).

Гергинский — сел. Герга, ныне Шурагатского района (очень близкий к нижнемулёбкинскому);

Муиринский диалект — селения: Уркарах, Урцаки, Дибгаши, Унакари, Викри, Цизгари, Цураи, Дирбаги, Бускри, Дзилёбки, Дибгалик, Ираки, Калкни, Зильбачи, Ираги, Сутбук, Трисанчи, Зубанчи, Верхн.-Уркарах, Чишили, Цурхачи, Чахдикна и др.

Кишинский — сел. Киша (Верхнее и Нижнее) Дахадаевского района (говор Муиринского диалекта).

Гуллинский — сел. Гулли Кайтагского района (говор Муиринского диалекта).

Меусишинский — сел. Меусиша Дахадаевского района (говор Муиринского диалекта).

Тантинский — сел. Танти (бывш. Акушинского района, ныне Шурагатского района).

Гапшиминский говор — селения Гапшима Акушинского района.

Шукдинский — сел. Шукди Акушинского района (говор гапшиминского диалекта).

Мегвинский — сел. Мегва Акушинского района (говор гапшиминского диалекта).

Дибукский — сел. Дибук Дахадаевского района.

Карбукский — говор селения Карбук Дахадаевского района.

Кубачинский диалект — селения Кубачи, Ашты (Дахадаевского района) и Сулерки, Амузги (ныне Шурагатского района).

Кубачинский диалект характеризуется заменой в исконно кубачинских словах *р* и частично *л* (наличествующих в других диалектах даргинского языка), долгой предыдущего гласного, обязательным удвоением основы или части основы глагола при отрицании в то время, как в других диалектах даргинского языка такое повторение не обязательно, а факультативно.

Кункинский — сел. Кунки Дахадаевского района.

Амухский — сел. Амух Агульского района.

Мемугинский — сел. Мугоб Гунибского района.

Как видно из вышеизложенного, цудахарский, сургинский, муиринский, акушинский, урахинский и мекегинский диалекты охватывают целые районы даргинских селений. В то же время мы имеем диалекты (или говоры), на которых говорят лишь жители одного или двух селений. Более крупной подгруппой даргинцев является акушинская, за ней идут мекегинская и цудахарская подгруппы.

Семь диалектов и говоров: цудахарский, сургинский, муиринский, бутринский, гинтинский с куркинским, гебинский, усишинский — близки друг к другу. Мугинский диалект очень близок к верхнемулебкинскому, так что их можно даже считать говорами одного диалекта. Близки к урахинскому диалекту говоры: бурдекский, кичигамринский, мугринский и, частично, мургукский, канасирагинский и нижнемулебкинский. Одну диалектную группу составляют говоры: мекегинский, дегвинский и губденский, мурегинский. К этой группе близок диалект селения Кадар.

Все эти даргинские диалекты можно разбить на две большие группы: диалекты с наличием геминированных согласных (мы эту группу условно назовем цудахарской) и диалекты без таких согласных (эту группу мы назовем акушино-урахинской).

К цудахарской группе относятся семь диалектов, перечисленных нами только что: собственно цудахарский, сургинский, бутринский, усишинский (с говором селения Геба), гинтинский (с говором Курки), мугинский (вместе с верхнемулебкинским), муиринский и некоторые другие. Эта группа даргинских диалектов располагается полосой, граничащей с аварцами (частично с северо-запада) и с лаццами (с запада и с юго-запада), что дает нам возможность допустить влияние

лакской и, частично, аварской фонетических систем на диалекты этой полосы даргинского языка. За это говорит и тот факт, что в этой группе диалектов чередуются согласные основы (*к-ч*, *кI-чI* и др., как в лакском языке), чего не наблюдается в других диалектах.

К акушино-урахинской группе относятся все остальные диалекты: акушинский, урахинский, мекегицский, кадарский, губденский и др.

Для классификации даргинских диалектов мы здесь взяли только один яркий признак — наличие геминированных согласных. Но цудахарская группа диалектов отличается от акушино-урахинской и рядом других признаков (не общих для всей группы):

— в цудахарской группе вместо акушино-урахинского *ну* «я» мы имеем *ду*;

— в цудахарской группе корень местоимения I-го лица один *ду*, но в акушино-урахинской группе их два: *ну* «я», *дила* «мой», *дизи* «мне»;

— вместо акушино-урахинских личных окончаний *ра*, *ри* в цудахарском мы имеем *да*, *де* (*тта*, *тте*);

— в цудахарской группе диалектов, как мы указали выше, согласные *к-ч*, *кI-чI* чередуются между собой.

— наконец, одним из самых характерных признаков цудахарской группы диалектов, общих для всей группы, нужно считать ясно выраженное подвижное ударение с грамматическими функциями, как было сказано выше.

Отдельные диалекты цудахарского типа долгое время находились под сильным влиянием акушино-урахинской группы диалектов, например, мугинский, муиринский и другие. Эти диалекты во многих отношениях уподобились диалектам акушино-урахинской группы, но все же они остаются диалектами цудахарской группы, судя по наличию в них геминированных согласных и сильного ударения.

Цудахарская группа диалектов характеризуется и тем, что в ней наблюдается стремление к уравниванию морфологических форм, к устранению исключений и архаизмов в склонении и спряжении, в то время, как акушино-урахинская группа (помимо диалектов селений: Губден, Кадар и Мюрего, которые находились и находятся под сильным влиянием кумыкского языка) изобилует исключениями и отклонениями в формах склонения и спряжения.

Как было сказано выше, цудахарская и акушино-урахинская группа диалектов в свою очередь делятся еще на подгруппы. Однако, деление даргинских диалектов на две группы, принятое в свое время Быховской¹, будет более правиль-

¹ С. Быховская. «Пережитки эксклюзива и инклюзива в даргинских диалектах». Сборник «Язык и мышление» 1940 г. IX, стр. 85.

ным, чем деление их с самого начала на три группы (цудахарскую, акушинскую и урахинскую), которое мы видим в работе Гаприндашвили «Фонетические особенности цудахарского диалекта»¹, по следующим причинам:

1) диалекты акушино-урахинской группы гораздо ближе друг к другу, чем каждый из этих диалектов к диалектам цудахарской группы;

2) фонетические признаки, отличающие акушинский диалект от урахинской группы диалектов, в числе которых основными являются лабиализация согласных и долгота гласных (в урахинской группе) и отсутствие их (в акушинском диалекте), говорят лишь о том, что акушино-урахинская группа имеет внутри себя диалектные подгруппы, но отнюдь не говорят о том, что акушинский диалект вместе с группой диалектов урахинского типа не противопоставляется цудахарской группе. Кроме того, по принципу лабиализации и её отсутствия можно делить на подгруппы не только акушино-урахинскую, но и цудахарскую группу диалектов;

3) при делении даргинских диалектов сразу на три группы ряд диалектов остается вне этого деления в то время, как деление их на две группы на основании лишь одного более яркого принципа (наличия геминирования согласных) — с последующим делением этих групп на подгруппы, охватывает все диалекты даргинского языка.

Мы говорили выше, что даргинские диалекты иногда между собой отличаются очень резко, так что даргинцу одного диалекта иногда трудно понять даргинца другого диалекта. Если аварец или лакец без каких-либо значительных затруднений может писать и говорить каждый на своем литературном языке, то не все даргинцы могут не испытывать затруднений, когда они пишут на языке, в основу которого взят акушинский диалект, хотя этот диалект является наиболее доступным для всех и простым фонетически и морфологически. Отсюда и те большие трудности, которые испытывались и доньше частично ощущаются даргинцами в деле создания единого даргинского письменного языка с устойчивой однообразной орфографией. При составлении свода орфографических правил даргинцам приходится включать в него и такие параграфы, которые нормируют не орфографию, а сам по себе литературный язык и некоторые его морфологические формы.

Ввиду этого даргинцу трудно судить, скажем, о кайтагском или кубачинском диалекте. Являются ли они самостоятельными языками, близкими к даргинскому, или они являются лишь обособленными диалектами даргинского языка?

¹ Сборник «Дагестанские языки». Изд. Дагестанской Базы Академии наук СССР, 1948 год.

Сравнивая кайтагский с акушинским диалектом, мы убедемся в том, что между ними существует большая разница. Но если мы сравним его с диалектами цудахарской группы, например, с сургинским диалектом, то увидим, что разница между ними незначительна, она меньше, чем разница между акушинским и цудахарским диалектами.

Такое состояние даргинского языка объясняется тем, что в прошлом даргинский народ не имел единого центра, вокруг которого могло бы складываться языковое единство. В недавнем прошлом даргинцы жили отдельными группами. Каждая группа имела свои языковые (или диалектные) особенности. Границы современных диалектов даргинского языка в общем совпадают с границами бывших объединений даргинцев.

Селения Губден (Карабудахкентского района) и Кадар (Буйнакского района) всегда держались вместе с кумыками, составляя с ними общие административные деления и мало общались с другими даргинцами. Отсюда такое различие между этими диалектами, с одной стороны, и мекегинским диалектом, к которому они примыкают, с другой. В диалектах этих двух селений мы обнаруживаем большое влияние кумыкского языка не только лексического, но и фонетического и морфологического порядка.

Такой же причиной объясняется разница между кайтагским и даргинским. Кайтагцы с давних времен находились под властью удмия и неизвестно, жили они когда-нибудь вместе с даргинцами, или нет.

Селение Кубачи с рядом других селений (некоторых из которых сейчас уже нет, а остальные говорят на диалектах, напоминающих кубачинский язык) составляли в прошлом отдельную от других даргинцев административную единицу.

Селения Муири (Дахадаевский район) долгое время находились под властью казикумухских ханов. На границе этого района имеется лакское селение Шадни. По всей вероятности, шаднинцы в прошлом были «пограничниками» хана, охранявшими его земельные владения или его заложниками.

Сургинцы, соседи муиринцев и лакцев, составляли свою самостоятельную административную группу и временами находились под властью казикумухского хана.

Цудахарцы иногда административно присоединялись к акушинцам, но иногда отделялись от них. Они, и часть остальных даргинцев, одно время находились под властью хунзахского хана. За это говорит (кроме устных преданий) существование аварского селения Чуни, очутившегося после освобождения даргинцев от ханского ига, между акушинцами и цудахарцами. По преданиям жителей, чунинцы — из Хунзаха. Они стерегли здесь ханских коней и границы ханских земель.

В Цудахарском диалекте наблюдается большое влияние аварского языка — фонетического, лексического даже морфологического порядка. Можно говорить и о влиянии лакского языка, которое, впрочем, незначительно.

Урахинцы, с прилегающими к ним селениями, и мекегинцы большей частью находились в союзе с акушинцами, но урахинцы иногда отделялись от них, или кумыкские ханы отторгали их и присоединяли к своей территории.

В прошлом и эти объединения внутри себя не были спаяны, каждое селение держало себя автономно, свои внутренние дела разбирало само селение без вмешательства главы объединения или союза. В недалеком прошлом слово «даргала» не обозначало языковую группу, а обозначало группу селений, входящих в тот или иной союз. Сюда могли входить не только даргинцы, но и лакцы (Улучара, Цуликана, Балкар, Кули) и аварцы (Кутиша, Чоглы, Хахита).

Акушинцы и примыкающие к ним селения не признавали в составе «даргала» ни сургинцев, ни муиринцев; не считались даргинцами и катарцы, губденцы, мурегинцы, кайтагцы. И сами они не считали себя даргинцами. Это означало, что они не входят в объединение, называемое «даргала». Подчас и цудахарец противопоставлял себя даргинцу, говорил, что «он не даргинец, а цудахарец».

Таким образом, в недалеком еще прошлом даргинцы, как народ, не имели своего общего для всех их названия. Тогда в ходу были названия их племен: цудахарцы, акушинцы, усинцы, урахинцы и т. д. Потом к этим названиям племен стали прибавлять слово — «дарга»; «ахьуша дарга», «хьар дарга», «кьяба дарга», и т. д.; даргинцы начали сознавать, что они один народ.

Соседи даргинцев — аварцы, лакцы, кумыки, табасаранцы вплоть до Октябрьской революции не называли даргинцев этим именем, а называли их по названию отдельных племен; аварцы, лакцы и кумыки знали цудахарцев, акушинцев и урахинцев. Катарцы и губденцы других даргинцев, живущих выше их в горах, называли и называют лакцами (булеги). Табасаранцы даргинцев называют названием двух даргинских аулов, которые граничат с их пределами: аштикьибкьи — соединения названий: Ашти, Кунки.

Следовательно, когда мы говорим: Даргинский язык — нужно иметь в виду или даргинский литературный язык, контуры которого сейчас уже более или менее ясны, или какой-либо его диалект. Грамматика одного из диалектов, или грамматика даргинского литературного языка — отнюдь не есть грамматика даргинского языка в целом.

Мы в своей работе за основу возьмём акушинский диалект, как признанную базу нашего литературного языка. Однако, это не значит, что мы ограничимся здесь материалом одного лишь акушинского диалекта. Как средство для познания акушинского диалекта мы привлечем много материалов и из других диалектов многодиалектного даргинского языка.

ИЗ ИСТОРИИ ДАРГИНСКОГО ПИСЬМА

До Великой Октябрьской революции даргинцы своей письменности не имели и почти все были неграмотными, если не считать горсти арабистов и некоторых лиц, получивших образование на русском языке. До революции на даргинском языке были изданы менее десятка различных небольших духовных книг и только. В этом отношении даргинцы были далеко позади своих соседей кумыков и аварцев, у которых тогда уже выходили кое-какие светские произведения.

Характерно, что и духовная литература, выходящая до революции по даргински не представляла единого языка: каждый мулла, задумавший написать какие-либо наставления, писал на своем родном диалекте — цудахарском, урахинском, губденском, акушинском, мекегинском. Была издана одна объемистая книга на цудахарском диалекте, полная различных духовных наставлений и религиозных правил поведения, которая называлась: «Сад цудахарца». Как видно из названия, автор книги, выпуская ее, рассчитывал на одних лишь цудахарцев, а не на всех даргинцев вообще.

Как до, так и после революции вплоть до 1929 года даргинцы писали арабским письмом, дополненным необходимыми знаками для обозначения даргинских специфических звуков.

После установления Советской власти в Дагестане даргинцы приобрели право писать, читать и учить детей и взрослых в школе на своем родном языке; на даргинском языке начали выходить буквари для детей, буквари для взрослых, с 1925 года стала выходить даргинская областная газета «Дарган»; на даргинский язык переводились сборники арифметических задач, различные брошюры и книги политической, общественно-экономической и научной тематики.

Сначала даргинцы писали арабским письмом с харакатами, потом делались попытки усовершенствовать это письмо, писать по арабски без харакатов, обозначая гласные буквы в строке. Некоторое время, до перехода на латиницу, учебники (букварь и арифметические задачки) печатались таким арабским «усовершенствованным» письмом, но ни газета, ни школьная литература не успели перейти на такое письмо и сразу перешли на новый алфавит на латинской основе.

Литература на даргинском языке в своей значительной доле, — это переводы с русского языка. Отсюда сильное благотворное влияние великого русского языка на лексику и синтаксис даргинского литературного языка.

В основу языка газеты и другой литературы, выходящей на даргинском языке, с самого начала был положен акушинский диалект с некоторыми отклонениями, то в сторону цудахарского, то в сторону урахинского диалектов в зависимости от автора статьи или учебника. Отклонения в сторону урахинского диалекта больше всего наблюдались в букваре и в других учебниках, которые в те годы составлялись и переводились исключительно представителем урахинского диалекта С. М. Омаровым. Отклонения же в сторону цудахарского диалекта наблюдались лишь в отдельных брошюрах, переведенных представителями цудахарского диалекта. Что касается газеты «Дарган», то она, с небольшими отклонениями, с самого начала составлялась на акушинском диалекте, а, вслед за газетой, и вся другая литература постепенно также переходила на этот диалект.

Несколько иначе обстояло дело с поэзией. Здесь наблюдались и до сих пор еще наблюдаются стихотворения, написанные на урахинском, цудахарском и некоторых других диалектах. Урахинцы и цудахарцы отклонялись от общеупотребительного литературного языка или, считая свои диалекты более подходящими для поэзии, или затрудняясь писать на акушинском диалекте.

Такие отклонения от литературного диалекта со стороны отдельных поэтов, переводчиков и редакторов служили большим препятствием в деле становления даргинского литературного языка, они причинили и до сих пор до некоторой степени продолжают причинять много затруднений в деле преподавания даргинского языка в школе.

Чем же объяснить то преимущество, которое с самого начала получил акушинский диалект в даргинской советской письменности?

Дело в том, что Леваша, одно из селений, говорящих на акушинском диалекте, было центром бывшего Даргинского округа, в который входило большинство даргинцев (80% всего населения, говорящего на этом языке), а с 1929 года — центром района, куда входили помимо самого Левашинского района еще нынешние Акушинский и Цудахарский районы. Самое крупное Акушинское селение — Акуша сначала было центром даргинского «вольного общества», потом центром административной единицы — участка, а в настоящее время оно является центром акушинского района. Таким образом, акушинский диалект на протяжении веков был диалектом центра даргинцев, вокруг которого происходила их консолидация.

Кроме того, селение Акуша в прошлом было крупным торговым центром среди даргинцев; там был один из крупнейших базаров Дагестана — Алхат, куда приезжали люди со всех сторон. Торговыми центрами были также селения Леваши и Уллу-Ая Левашинского района, куда на базары приезжали цудахарцы, мекегинцы и другие даргинцы.

С установлением Советской власти в Дагестане окружные (потом районные) и сельские учреждения стали вести делопроизводство на своем родном языке, переписывались по даргински. Даргинский округ, а потом Левашинский район, переписку с сельскими учреждениями и организациями вели именно на акушинском диалекте. Все это имело большое значение в деле формирования даргинского письменного языка на базе акушинского диалекта.

Акушинский диалект имеет над другими даргинскими диалектами преимущество и потому, что акушинцы среди даргинцев составляют самое крупное племя: они по численности примерно превосходят урахинцев в 2,5 раза, цудахарцев в 2 раза, мекегинцев во столько же раз и т. д., так что район употребления акушинского диалекта в среде даргинцев гораздо шире, чем район распространения других диалектов.

Все это, взятое вместе, давало преимущество акушинскому диалекту, который постановлением Первой Дагестанской орфографической конференции (1930 г.) был утвержден, как основа даргинского литературного языка.

Вопрос о том, какой диалект даргинского языка должен быть основой литературного языка, разрешен в пользу акушинского диалекта совершенно правильно. На самом деле, акушинский диалект ближе и доступнее для всех даргинцев, чем любой другой диалект; а это должно быть, как известно, первым и самым основным требованием, предъявляемым к литературному диалекту такого языка, как даргинский. Никакие другие фонетические, морфологические или лексические преимущества другого диалекта, не в состоянии дать ему перевес над акушинским диалектом, который близок даргинским массам.

Северные соседи акушинцев — цудахарцы, живущие с акушинцами бок о бок, тесно связанные с ними как экономически, так и политически, с акушинским диалектом, являющимся для цудахарцев единственным соседним диалектом, гораздо больше знакомы, чем с урахинским или каким-либо другим.

Тоже самое нужно сказать о сургинцах и мекегинцах, и о представителях цудахарского типа диалектов, живущих вокруг селения Акуша (усишинцы, мугинцы и др.).

Что касается губденцев, то по словам самих губденцев, акушинский диалект доступнее для них, чем урахинский. То

же самое нужно сказать и о кадарцах, так как селение Кадар (Буйнакского района) по месту расположения ближе к акушинским селениям, чем к урахинским, и акушинцы в прошлом были тесно связаны экономически с Буйнакским районом, в то время, как между кадарцами и урахинцами никаких связей не было.

Остаются три района: Сергокалинский, Кайтагский и частично Дахадаевский. Нет сомнения в том, что для населения Сергокалинского района урахинский диалект ближе и доступнее, чем акушинский, так как большинство жителей этого района составляют урахинцы, а остальные являются ближайшими их соседями. Но этого нельзя сказать в отношении Кайтагского и части Дахадаевского районов; для них оба диалекта по трудности одинаковы; нельзя сказать, чтобы урахинский диалект для них был доступнее акушинского.

Таким образом, в пользу акушинского диалекта, как более понятного для массы, мы имеем: Акушинский район, Цудахарский район, даргинскую часть Левашинского района, Сургинский участок Дахадаевского района, губденцев и кадарцев — что составляет около 75% всего даргинского населения. В пользу же урахинского диалекта остается один Сергокалинский район.

Если учесть фонетические и морфологические особенности, то Акушинский диалект и с этой стороны имеет ряд преимуществ перед другими диалектами даргинского языка. Фонетическая система акушинского диалекта проще, чем фонетическая система урахинского или цудахарского диалектов. В акушинском диалекте нет ни геминированных, ни лабиализованных согласных, какие есть в цудахарских диалектах. В урахинском диалекте, правда, нет геминации согласных, но зато в нем имеется довольно распространенная лабиализация согласных со сложной системой дифтонгов. В урахинском диалекте два гласных сливаются то в один долгий гласный, то в нисходящий дифтонг, то один из гласных выпадает не только в пределах одного слова, но и на стыке двух слов, так что иногда два-три слова фонетически сливаются в единое целое, что очень затрудняет орфографию.

Например, урахинская фраза: *селлайлулехлинна* «я ничего не говорю» состоит из трех слов: *селла* из *селра* «ничего», *илули* «говоря», *ахлинна* «не есмь»; *каникьвалле?* «куда ты идешь?» состоит из двух слов: *кани* «куда», *кьвалле*; *хлу диклимцис ваклибее...* «того, кто пришел купить тебя...» (из песни) состоит из *дикли* и *умцис* «измерить».

В урахинском диалекте имеются согласные, которых нет в других диалектах даргинского языка: губно-губной *б*; близкий к русскому *в* (*бала* «шерсть», *баз* «пух»); твердый *г* (*га* «уголь», *галга* «дерево»); лабиализованная гамза (*б-ирьвис* «высохнуть»).

Все эти особенности урахинского диалекта сильно осложняют его, затрудняют пользование им представителям других диалектов, у которых такие особенности отсутствуют, и сильно осложняют вопросы орфографии.

О цудахарском диалекте нужно сказать, что он менее удобен, как основа для даргинского литературного языка, чем акушинский или урахинский диалект, так как в нем мы имеем, помимо развитой лабиализации, еще и много геминированных (двойных) согласных, а также глоттизованные гласные и, о, правда, имеющиеся и в акушинском диалекте, но не употребляемые в литературном языке.

Принимая акушинский диалект за основу литературного языка, даргинцы в то же время решили устранить из акушинского диалекта сугубо специфические моменты, свойственные лишь одним акушинцам. Таким моментом является, например, выпадение классного показателя *д* после префиксов места и отрицания, что приводит к смешению формы множественного числа существ неразумных с формой единственного числа мужчин:

Али аиб «Али дошел доверху».

Маза аиб «овцы дошли (ср. урах.: *адаиб*, в отношении овец).

Таким же является факультативное (и частью обязательное) сохранение в акушинском диалекте классного показателя *в* перед и внутри глаголов с приставками и сложных глаголов в то время, когда ни в одном другом диалекте даргинского языка он не сохраняется в этом положении:

Акушинский диалект	Литературный язык
<i>таман-в-иэс</i>	<i>таман-и-эс</i> «закончиться»
<i>пикри-в-иклес</i>	<i>пикр-и-клес</i> «думать»
<i>гъай-в-иклес</i>	<i>гъай-и-клес</i> «говорить»

Такой же специфической особенностью акушинского диалекта является глоттизация гласных *и, о*, п огубленный *и(уь)*, которые встречаются лишь в акушинском и цудахарском диалектах, но не отражаются в письме на литературном языке.

Кроме того, в литературном языке делались и делаются некоторые отклонения от форм акушинского диалекта для уравнивания парадигм склонения, спряжения, для упрощения правописания (если исключения незначительны).

К таким отклонениям относятся, например, изменения в суффиксах эргативного и родительного падежей:

По акушински	В литературном языке
Эргат. п. <i>иий</i> «вода»	<i>иинни</i>
<i>Степай</i> «Степан»	<i>Степанни</i>
<i>Ивай</i> «Иван»	<i>Иванни</i>
<i>хIяй</i> «положение»	<i>хIяй</i> и <i>хIялли</i>
<i>хIуй</i> «глаз»	<i>хIуй</i> и <i>хIулини</i>
Родит. п. <i>иш</i> «воды»	<i>ишина</i>

Степа «Степана»	Степанна
хля «положения»	
(род.)	хлялла
хлу «глаза» (род.)	хлулла
ша «бока, стороны»	
(род.)	шалила
Галла «Али»	Алила
Дагъиста «Дагестана»	Дагъиста и Дагъистанна.

Формы литературного языка шинни, шинна, хлялла, хлялли и др. взяты из цудахарского диалекта.

Дело в том, что усеченные формы акушинского и урахинского диалектов, как-то: *хлуй, хлу* и т. д. — для представителей других диалектов, — диалектов цудахарского типа очень непривычны. Поэтому на I-й Дагестанской орфографической конференции было решено не употреблять в литературном языке усеченные формы эргатива и родит. падежа, а писать эти два падежа в полной форме, как в цудахарском диалекте, однако, в своде орфографических правил, вышедших в 1941 году, это правило было устранено, учитывая тот факт, что соблюдение этого правила в языке причиняет много неудобств. В этом орфографическом своде и в следующем его издании, а также в учебниках даргинского языка были восстановлены усеченные формы эргатива и родит. падежа с некоторыми ограничениями. В частности, усеченные формы не допускаются от слов, заимствованных из русского языка, чтобы не искажать эти слова до неузнаваемости.

Алфавит и орфография.

Как мы говорили выше, даргинцы в начале писали арабскими буквами, потом перешли на латиницу. Как арабский, так и латинский алфавиты, приспособленные к даргинскому языку, имели большие недостатки, с которыми мириться было невозможно. Поэтому даргинцы, как и другие дагестанские народы, в 1938 году перешли на новый алфавит на основе русской графики.

Какие же были причины, заставившие даргинцев изменить алфавит?

Арабский алфавит не имел ничего общего ни с даргинцами, ни с даргинским языком, он приспособлялся к даргинскому языку, но все же оставался чуждым и не отвечал требованиям выражения даргинской системы звуков. Слитные и отдельные написания, вопрос о которых ныне разрешен частично, в даргинской орфографии занимают очень видное место, и без его разрешения даргинское письмо нельзя было считать полноценным. Если бы, однако, даргинцы оставались с арабским алфавитом, то они никогда не смогли бы разрешить этот вопрос, так как в арабском алфавите имеется

много таких букв, которых нельзя соединять со следующими буквами.

Когда даргинцы писали латинским алфавитом, им пришлось изучать в школе два алфавита — латинский и русский, так как в школе преподавался и преподается русский язык. Нет сомнения в том, что это было большой и лишней нагрузкой для учащихся. Ввиду того, что оба алфавита — латинский и русский, имеют много сходных по форме, но разных по значимости, в особенности в рукописном почерке, букв (*в, т, р, у, ч, с, и, п*), пишущие и читающие спотыкались на каждом шагу, путали эти два алфавита. Это очень отрицательно отражалось на обучении в школе.

Кроме того, не все заимствования из русского языка можно было правильно писать латинскими буквами, так как в латинице не хватало букв *я, ъ, ѓ* и др.; такое неправильное написание приводило и к неправильному чтению и произношению в устной речи.

С переходом на новый алфавит на русской основе все эти неудобства и трудности устранились. Вместо двух алфавитов в школе стали изучать только один, даргинцы получили возможность печатать в любой русской типографии и на любой пишущей машинке, в то время, как для печатания латиницы требовалась особая машинка. Типографский набор облегчился. Даргинцы в этом сблизилась с великим русским народом, что нужно считать самым основным и важнейшим преимуществом нового алфавита.

С переходом на латинский, а потом на русский алфавит перед даргинцами остро стал вопрос о правописании. Первая попытка создать даргинскую орфографию была сделана в 1930 г. на I-й Дагестанской орфографической конференции. На этой конференции были приняты несколько орфографических правил, относящихся к правописанию русских заимствований и некоторых падежных окончаний.

На этой конференции, между прочим, было принято решение о том, что русские и интернациональные слова, заимствованные даргинским языком, должны писаться так, как они произносятся даргинцами, представителями акушинского диалекта. Второй орфографической конференцией, состоявшейся в 1934 году, это решение было отменено и было принято новое решение о том, что основы заимствованных из русского языка слов должны писаться так, как они пишутся в русском письме.

Вопрос этот заслуживает большого внимания. Мы имеем много оснований как для первого, так и для второго решения. Писать заимствования так, как они произносятся даргинцами, значит исказить эти слова, т. е. писать их в школе двойко-правильно (на уроках русского языка) и неправильно (на уроках родного языка). Если же мы будем писать их так,

как они пишутся в русском языке, то получается, как бы искусственное навязывание чуждых даргинскому устному языку звуко сочетаний и форм. Такие слова языком якобы не усваиваются; они в лексике даргинского языка стоят особняком — так мотивировали свое мнение сторонники первого решения.

Нам кажется, однако, что правильно будет, если мы будем писать заимствования так, как они пишутся в русском языке. В даргинском языке имеется большое количество заимствованных из русского языка слов. Эти слова заимствованы еще давно до революции через устную речь, а после Октябрьской революции даргинцы стали заимствовать еще больше слов из русского языка, как через устную, так и через письменную речь, при этом послеоктябрьские заимствования, в особенности письменные, в устах даргинцев мало изменились или не изменились вовсе. До революции даргинцы не учились в школах, и русские заимствования в их устах изменялись и развивались весьма своеобразно:

ход — хутI
папироса — папрус
картошка — картушка
вокзал — вазгал
доход — дахуг
ватага — батагъа
паровоз — паравуз
пароход — парашутI и др.

Но после Октябрьской революции даргинцы стали учиться по-русски, грамотного населения стало все больше и больше, так что в настоящее время вполне грамотные по-русски даргинцы (учащиеся старших классов, студенты различных техникумов и вузов, учителя, служащие) составляют большой процент среди даргинского населения. Эти образованные и грамотные по-русски люди произносят русские заимствования не так, как даргинцы-старики; молодое даргинское поколение все русские заимствования произносит так, как по-русски, потому что они сразу видят, что это русские слова.

Ясно, что в скором будущем образованное даргинское население будет преобладающим по численности, а все население будет грамотным. Возникает вопрос, на чье произношение следует ориентироваться — на произношение старого поколения или же на произношение ~~молодого поколения?~~ Нам думается, что мы должны ориентироваться на произношение грамотных, культурных даргинцев, а не на произношение стариков.

Даргинская орфография впервые основательно была разработана лишь в 1940 году. Орфографический свод правил,

составленный в 1938 году, страдал еще многими недостатками, в нем не нашел отражения ряд орфографических вопросов. Свод же разработанный в 1940 году и переработанный в 1948—50 годах, охватывает основные вопросы даргинской орфографии и до некоторой степени правильно разрешает их. Одним из труднейших вопросов орфографии, как мы говорили, является слитное и раздельное написание слов, в особенности сложных глаголов. В настоящее время, согласно принятому недавно правилу, все сложные глаголы в даргинском письме пишутся слитно.

ЗВУКИ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА И БУКВЫ ДАРГИНСКОГО АЛФАВИТА

Даргинский алфавит состоит из 45 знаков. Из них 33 являются знаками, которые имеются в русском алфавите, а 12 — дополнительными, составными, обозначающими даргинские специфические звуки. Они составлены из букв русского алфавита путем прибавления к буквам *ъ*, *ь* и условно введенной (как и в алфавитах других горских языков Дагестана) римской цифры «один» (1). Все это видно из алфавита, который мы здесь приводим:

АЛФАВИТ ДАРГИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

Аа, Бб, Вв, Гг, Гь гь, Гь гь, Гг гг, Дд, Ее, ё Жж, Зз, Ии, й, Кк, Кь кь, Кь кь, Кг кг, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Тг тг, Уу, Фф, Хх, Хь хь, Хь хь, Хг хг, Цц, Цг цг, Чч, Чг чг, Шш, Щщ, ь, ы, ь, Ээ, Юю, Яя.

Буквы *ё*, *о*, *ы*, и знак *ь* употребляются лишь в заимствованиях из русского языка. Буква *ф* тоже в основном встречается в заимствованиях. В исконно даргинских словах звук *ф* не встречается, хотя в одном слове *уфиглес* «дуть» этой буквой обозначается звук, очень близкий по своему звучанию к звуку *ф*.

Буквой *в* обозначаются два звука: русский губно-зубной и даргинский губно-губной звук.

Буквами *з* и *ж* также обозначаются по два звука: простые звуки *з*, *ж* и аффрикаты *дз*, *дж*:

баз «пух» — *баз* (*бадз*) «луна; месяц»

газа «кобылица» — *газа* (*гадза*) «кирка»

узи «работал» — *узи* (*удзи*) «брат».

жакъа «свинья» — *Жавгъар* (*Джавгъар*; имя женщ.)

Буквой *п* также обозначаются два звука: придыхательный губно-губной звук *п* и надгортанная разновидность его, обозначаемая в других языках Дагестана буквой *пг*:

кпани «лист» (произносится: *кпани*):

пялпялаг «осина» (произносится: *ппялпялаг*)

Хотя звуки *дз*, *дж* и *пl* в даргинском литературном языке являются фонемами, но на практике отсутствие в алфавите соответствующих букв не ощущается как затруднение, и при письме даргинцы легко обходятся, обозначая их близкими буквами *з*, *ж* и *п*. Непринятие особых букв для *дз*, *дж* и *пl* в даргинский алфавит, с одной стороны, сократило число букв алфавита и облегчило изучение его, обучение ему и пользование им; с другой стороны, избавило многих даргинцев цудахарской диалектной группы от усвоения орфографии звуков *дз* и *дж*, которые отсутствуют в их диалектах.

Звук *э* (гласный среднего подъема переднего ряда) в начале слога обозначается буквой *э*, а после согласных — буквой *е*, за исключением тех заимствований из русского языка, в которых и после согласного пишется *э*:

эрдес «начаться»

позт «поэт»

гъайэс «поговорить»

белкес «написать»

пэ «буква) пэ»

Для обозначения широкого глоттизованного гласного звука *а* (нижнего подъема среднего ряда) в даргинском алфавите специальной буквы нет, в практическом письме он обозначается двояко: буквой *я* или *а*, что вызывает некоторую путаницу и споры о правописании отдельных слов.

Твердым знаком *ъ* в даргинском письме обозначается «гортанная смычка», этот же знак употребляется и для отделения предыдущего согласного от следующего гласного:

миъ «лед»

диъ «мясо»

ниъ «молоко»

Муъминат (имя жен.)

В приведенных словах на месте *ъ* слышна гортанная смычка, но в словах:

хIябъибил «третий»

авъибил «четвертый»

на месте *ъ* мы имеем только перерыв голоса.

Так как из букв *г*, *к* и *х* прибавлением *ъ* в алфавите образованы новые буквы для обозначения специфических даргинских звуков *гъ*, *къ*, и *хъ* — употребление *ъ* после букв *г*, *к*, *х* в роли знака перерыва голоса было бы неудобным. Поэтому после этих букв перерыв голоса обозначается черточкой (дефисом):

урег-ибил «шестой»

кудяк-ала «кудахтание»

кIух-ала «шум», «грохот».

Если бы такие слова писались через *ъ*, то они исказились бы в звуковом отношении,

Для обозначения перерыва голоса после двубуквенных сочетаний *гъ, къ, хъ* и др. ставится то *ъ*, то черточка (дефис) *гъуъгъала* и *гъуъгъ-ала* «грохот»
вякъакъала и *вякъакъ-ала* (крик сороки)

Эту неопределенность нужно считать недостатком даргинской графики.

Сколько же звуков-фонем в даргинском литературном языке? Согласных фонем в даргинском литературном языке вместе с аффрикатами *дз, дж*, и буквами *в, ф, ц*: 37; гласных вместе с *о, ы*: 7.

Всего, таким образом, фонем 44. Из них исконно даргинских — 41 (согласных 36, и гласных 5).

Попробуем классифицировать их по обычной, так называемой, физиологической артикуляционной классификации звуков языка.

Согласные фонемы даргинского литературного языка.
 (выраженные буквами даргинского письма).

	Сонорные (носовые, вибранты и латеральные)	Шумные								
		Мгновенные			Длительные			Аффрикаты		
		глухие придыхательные	надгортанные	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие придыхательные	Надгортанные	Звонкие	
Губно-губные	м	п	пI	б	ф	в				
Зубные (передне-язычные)		т	тI	д						
корональные	н				с	з	ц	цI	дз	
дорсальные	р				ш	ж	ч	чI	дж	
латеральные	л									
среднеязычные					хь	й				
заднеязычные		к	кI	г						
глубокозаднеязычн.		къ	къ		х	гъ	хъ			
надгортанниковые				гI		хI				
гортанные				ъ		гъ				

Гласные фонемы даргинского языка
(выраженные буквами даргинского письма)

	Перелный ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	и		[y]
Средний подъем	э (е)	а	
Нижний подъем		а (я)	

Квадратные скобки в таблице гласных обозначают, что данный звук [y] является лабиализованным.

Примечания к таблице согласных.

Буквой *в* мы обозначили в таблице согласный губно-губной звук; надо заметить, что в урахинском диалекте имеется и другой звук губно-зубной.

Букве *г* также соответствуют в урахинском диалекте два звука: мгновенный *г* и своеобразный длительный, например в слове *дуги* «ночь».

Буквой *ф* мы обозначили своеобразный губно-губной звук, который слышится в слове *уфиклес* «дуть». Наряду с этим буква *ф* употребляется в написании многих слов, заимствованных из русского языка (фабрика, факт, февраль и др.)

Примечания к таблице гласных:

Гласный среднего ряда нижнего подъема в таблице указан двумя буквами *а(я)* — орфография требует в разных случаях его писать по разному.

То же надо сказать и относительно гласного *э(е)*.

Все согласные даргинского языка, за исключением *ъ* (гамзы), встречаются в начале, конце и середине слов. В акушинском диалекте и в литературном языке, согласный *й* перед гласным *и, е* встречается лишь на стыке частей слов; в непроезводных словах и формах слов звукосочетание *йи* не встречается. То же самое нужно сказать о звуке *в* (губно-губном) перед гласным *у*. В бутринском наречии цудахарского диалекта звукосочетание *йи* допускается во всех положениях: *йиклулада* «я говорю» (акуш. *в-иклура*),

В мекегинском и некоторых других диалектах встречается звукосочетание *йе*:

йерхлел «7» (акуш. *в-ерхлел*)

йецлал «10» (акуш. *в-ецлал*)

Гамза (гортанная смычка) в начале слога не встречается; она встречается в середине и конце слова.

Муъминат (имя жен.)

б-аъни «получение»

б-иъни (отглагольное имя от *б-иэс* «быть»)

миъ «лед»

ниъ «молоко».

После согласных *м, й* гамза встречается редко.

чемъни «прояснение» (о погоде)

кайъни «сидение».

В урахинском диалекте гамза слышится и после согласных *л, р, б*: *хьалъни* от глагол. имя от *хьалъис* «остаться».

б-иръни «высыхание».

аръ «рукоятка».

хларъ «комар».

амъни «очищение».

абъни «куры» (*абъа* «курица»).

Оглушение звонких согласных в конце слова в диалектах акушино-урахинской группы почти не встречается, лишь в незначительном числе слов наблюдается влияние следующего или предшествующего глухого согласного на звонкий согласный:

хляз «игра, развлечение» — *хлясти* (мн. чис. орфограф. *хлясти*).

гис «дать (1-му или 2-му лицу) *б-итхъис* «дать 3-му лицу», урах.; из: *б-ит-гис*).

В диалектах акушино-урахинской группы звук *къ* произносится звонче и «мягче», чем в диалектах цудахарской группы. В этих диалектах он, как и все усиленные согласные этой группы диалектов, в конце слова и перед согласным совсем оглушается и переходит в *хъ*, иногда же акушино-урахинскому *къ* в цудахарской группе соответствует звонкий *гъ*:

Акуш.

Цудах.

къакъ «спина»

къахъ

авлакъ «равнина»

авлахъ (но мн. ч. *авлакъё*)

байракъ «знамя»

байрахъ (но мн. ч. *байракъё*)

занкъ «звонок»

зангъ

къуллукъ «дело; служба»

къуллугъ

някъ «рука»

няхъ

в-елкъни (от *велкъес*

элкъри (от *элкъиз*)

«насытиться»)

Звуки *г/* и *х/* в акушинском диалекте встречаются исключительно в соседстве с гласными среднего и нижнего подъема. Иначе говоря, гласные рядом с надгортанниковыми *г/* и *х/* всегда смягчаются и получают гортанный оттенок. То же самое наблюдается в цудахарском диалекте. В других диалектах акушино-урахинской группы и в ряде диалектов цудахарской группы гортанный оттенок (глоттизация) гласных перед *г/* и *х/* не обязателен: перед и после этих согласных в этих диалектах часто слышатся гласные верхнего и среднего подъема без глоттизации:

Акуш.	Цуд.	Муг.	Урах.
<i>хIенкь</i> «стадо»	<i>хIенкь</i>	<i>хIенкь</i>	<i>хIанкь</i>
<i>хъехI</i> «кашель»	<i>хъехI</i>	<i>къехI</i>	<i>хъахI</i>
<i>бехI</i> «конец»	<i>бехI</i>	<i>бехI</i>	<i>бахI</i>
<i>б-егIес</i> «посеять»	<i>б-ергъвиз</i>	<i>б-егIис</i>	<i>б-агIвис</i>
<i>хIева</i> «рубашка»	<i>хIева</i>	<i>хIава</i>	<i>хIава</i>
<i>махIур</i> «дурной»	—	<i>махIур</i>	<i>махIур</i>
<i>берхIе</i> «рыжий»	<i>берхIе</i>	<i>берхIе</i>	<i>бирхIа</i>
<i>къелхIе</i> «лопатка»	<i>къелхIе</i>	<i>къелхIе</i>	<i>къвалхIа</i>
<i>къехIе</i> «репка»	<i>къехIе</i>	<i>къехIхIе</i>	<i>къахIа</i>
<i>мехIе</i> «мозг»	<i>мехIе</i>	<i>мехIхIе</i>	<i>махIа</i>
<i>дурхIя</i> «сын»	<i>дурхIя</i>	<i>дархIа</i>	<i>дурхIвя</i>
<i>хIеркI</i> «река»	<i>хIеркI</i>	<i>хIеркI</i>	<i>хIаркI</i>
<i>хIяб</i> «могила»	<i>ххвяб</i>	<i>хIаб</i>	<i>хIвяб</i>
<i>хIяли</i> «сало»	<i>хIювли</i>	<i>хIали</i>	<i>хIвяли</i>
<i>цехIнаб</i> «вместе»	—	<i>цехIнаб</i>	<i>цахIнаб</i>

Надгортанниковые *гI* и *хI* в кайтагском и некоторых других диалектах встречаются лишь перед широким глоттизованным гласным *а(я)*, а также в некоторых именах и названиях, заимствованных из других диалектов.

Аффрикаты *дз* и *дж* имеются лишь в акушино-урахинской группе диалектов. Что касается цудахарской группы диалектов, то они с этими звуками не знакомы, и им в этих диалектах соответствуют *з*, *ж* и усиленные аффрикаты *цц* (-*дз*) и *чч* (-*дж*).

Звук *хъ* в мекегинском и нижнемулебкинском диалектах отсутствует, в этих диалектах акушинскому *хъ* соответствует *гъ*:

урхъу «море» — *ургъу*
умхъу «ключ» — *умгъу*
махъи «хутор» — *магъи* и т. д.

Все согласные даргинского языка, обозначаемые русскими буквами, как мы видели, произносятся почти также, как в русском языке. Разница лишь в том, что звуки *п*, *т*, *к* в даргинском языке произносятся с придыханием. Звук *д* в даргинском языке произносится прикосновением кончика языка к альвеолам, а не к верхним зубам, как в русском языке. Звук *ф*, который встречается лишь в одном незаимствованном из русского языка слове, является не губно-зубным, а губно-губным.

Звук *къ* в акушинском диалекте произносится с гортанным оттенком, очень близко к звуку *гI*: слово *къял* «корова» в устах акушинца звучит, как *гIял*, слово *къули* «коровы» звучит, как *гIювли* или *овли* (вместо *къ* слышится *о* с гортанным оттенком).

Существует явная разница между произношением звука *гI* в большинстве цудахарских диалектов и произношением его

в акушино-урахинской группе диалектов. В цудахарском диалекте звук *ɣl* произносится то как в акушино-урахинской группе диалектов, то с более сильным напряжением.

Звук *p* в мугинском диалекте произносится путем прикосновения кончика языка к альвеолам без вибрации. В этом и в некоторых других диалектах цудахарской группы существует усиленный *p* (*pp*), весьма отличный от удвоенного, который встречается, например, в урахинском диалекте. При произношении мугинского усиленного *p* (*pp*) кончик языка упирается в альвеолы сильнее, чем при простом *p*, и вибрация отсутствует. То же самое наблюдается в акушинском диалекте, но здесь напряжение до такой силы не доходит. Что касается урахинского *pp*, то оно произносится, как два *p* в русском языке с вибрацией. Характерно, что в цудахарском диалекте удвоенный или усиленный *p* не встречается.

В губденском диалекте акушино-урахинской группы удвоенные *p* и *l* упрощены: вместо ожидаемого *pl*, *ll* здесь мы слышим *l*; вместо *pp* слышится *ʒ*.

Во многих диалектах даргинского языка, как в цудахарской группе, так и в других, имеются лабиализованные согласные.

Цудахарская группа диалектов характеризуется обилием усиленных и удвоенных согласных.

В цудахарской группе диалектов усиленными могут быть звуки:

b — *nn*

d — *tt*

ɟ — *ɟɟ*

ɕ — *ɕɕ*

k — *kk*

kʷ — *kʷkʷ*

p — *pp*

s — *ss*

ʃ — *ʃɕ* (*ʃʃ*)

xʷ — *xʷxʷ*

x — *xx*

xl — *xll*

Эти же звуки, за исключением *pp* и *xll* встречаются в усиленном виде в лакском, лезгинском и табасаранском языках, что сближает даргинский консонантизм с консонантизмом этих языков, и отличает его от аварского, в котором нет *nn*, *tt*, *kk*, а также *nl*, *kʷ* (в его даргинском значении).

Гласные *u*, *y* даргинского языка произносятся приблизительно как соответствующие русские гласные; гласный *э* (*e*) произносится, как русский *э*. Что касается гласного *a*, то он в даргинском языке звучит ближе к русскому *o*, чем к *a*; его можно назвать «тусклым» *a*. Гораздо шире и с гортанным оттенком произносится гласный нижнего подъема *a* (*я*), встре-

чающийся главным образом в соседстве с надгортанниковыми. *ɣI, xI* и глубоко-заднеязычными *xъ, къ, къ*, и являющийся самостоятельной гласной формой, а не вариантом фонемы (каким его считал Л. И. Жирков в своей «Грамматике даргинского языка» 1927 г.). Приводим противопоставления этих гласных фонем в составе слов:

хъяр «груша» — *хъар* «верх»
хя «собака» — *хъ* «принеси»
хъя «клятва» — *хъа* (слоя овечьего помета)
мя «мычание» — *ма* «на!» (частица).
бах «нрав» — *бях* «удар»
б-акьун «переворошил» — *б-якьун* «сходил»
кьям «племя, народ» — *кьям* «миска»
лам-б-икъес «гореть пламенем» — *лям-б-икъес* «лакать».

В акушинском и цудахарском диалектах, как было сказано выше, в соседстве с гортанными *ɣI* и *xI* «тусклый» *a* не встречается. В акушинском диалекте (в устной речи) имеются также глотизованные гласные *o, u*, а также *уь* переднего ряда огубленный. В этом отношении, возможно, акушинский диалект испытал влияние цудахарского.

КРАТКИЕ И ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Долгие гласные в акушинском диалекте, как мы уже говорили, отсутствуют; они имеются в кубачинском диалекте, ими изобилует также урахинский диалект. Вместо урахинских долгих, в акушинском, мугинском и многих других диалектах наблюдаются простые гласные, или два гласных. Урахинскому *e* в акушинском диалекте соответствует сочетание *иа*:

беели — *биалли* «если будет».

Остальным долгим гласным в акушинском диалекте соответствуют простые гласные:

Урахин.	Акушин.
<i>аакълун</i> «родился»	<i>акълуб</i>
<i>гаали</i> «если даст»	<i>галли</i>
<i>гьшитис</i> «ему»	<i>итис</i>

В урахинском слове *шили* «ставши, сделавшись» мы имеем слияние двух *и*. В акушинском диалекте этой форме соответствует *в-шубли* (*в* классн. показ.); урахинскому *ши* здесь, следовательно, соответствует *шу*.

Долгота гласного в тех диалектах, в которых она имеется, является фонемной, т. е. долгие гласные — особые фонемы.

Краткие гласные

или «сказав»
гали «углем»
аба «бабушка»
дила «мой»

долгие гласные

шили «ставши»
гаали «если даст»
абаа «чтобы вы сказали»
дилаа «моего»

В урахинском диалекте нередки случаи, когда в одном и том же слове имеются два долгих гласных: *б-шилаахьалли* «хотя и было», *деех.аали* «если мы будем», *деебаа* «чтобы вы были» и т. д.

Долгота гласного в урахинском диалекте, в отличие от кубачинского, обусловлена положением его в открытом слоге, в котором находится гласный. Если в результате словообразования или словоизменения открытый слог окажется закрытым, то долгота гласного исчезнет:

аасис «взять вверх», но: *айсис* (несов.)
аакӀун «родился» — *алкӀан* (несов.)
аали «если скажет» — *асли* «если я скажу»
шили «ставши» от *ис* «становиться».

Если перед долгим гласным появится еще гласный, то первый компонент долгого гласного отходит к дифтонгу *ай* и долгота исчезает:

ахӀна «хороший», *шили* «сделавшись» — *ахӀнайгыли* «сделавшись хорошим».

Долгими могут быть гласные *а*, *а* (я) *и*, *о*, *э*. Долгие гласные *а*, *а* (я) состоят из двух *а* или *а* (я), долгий гласный *и* — из двух *и*; что касается *о* и *э*, то они состоят из неодинаковых гласных: *о* является результатом слияния *у* и *а*; *э* (э) — результатом слияния *и* и *а*: или *и* и *э*. Так в урахинском диалекте:

аакӀун «родился» (акуш.: *акӀуб*)
аасиб «взял снизу вверх»
хьаасиб «взял сверху вниз»
мураа «сена» (род. п.)
аали «если скажет» (в муг. диалекте в детском языке говорят *аалли* вместо акуш. *алли*)
аасис «дойти вверх» (акушин. *аэс*)
кӀукӀу «гром» — *кӀукӀаа* «грома» (род. п.)
у «имя» — *о* (из: *уа*)
гыт «он» — *гытитис* «ему»
д-е-д-аали «если вы будете» (акуш. *д-иа-д-алли*)
д-е-хӀаали «если мы будем» (акуш. *д-иэхӀелли*)
давлашив *иблаа* «с тех пор, как разбогател»
гахӀаали «если мы дадим»
ахӀаали «если мы скажем»

Слияние двух гласных в один долгий в урахинском диалекте наблюдается не только в пределах одного и того же слова, но и на стыке двух слов. Например: *зи* «соль», *агу* «нет» — *зеегу* «соли нет».

б-агъни «знания», *агули* «не имея» — *б-агънеегули* «не имея знаний».

ада «отец», — *адаагули* «не имея отца».

клана «платок», *асиб* «купил» — *кланаасиб* «платок купил».

Почти все долгие гласные в урахинском диалекте встречаются лишь на стыке слов и частей слов:

аакун — долгий гласный между префиксом и глаголом,

мураа — между основой и окончанием,

аали — между корнем и суффиксом,

узеегули «не имея брата» (*узи* «брат», *агули* «не имея») между двумя словами.

Это объясняется тем, что долгота гласного в этом диалекте является результатом слияния двух гласных: но пока не все долгие гласные в урахинском диалекте поддаются такому объяснению. Например, в слове *гыштис* «ему» первый долгий гласный *иш* находится не на стыке частей слова, и неизвестно, из каких гласных он состоит.

В акушинском, мугинском и других диалектах встречается краткое *е*, по всей вероятности, происходящее от слияния двух гласных, но в результате дальнейшего развития потерявшее долготу:

дуги «ночь» — *дугели* «ночью»

хгери «полдень» — *хгерели* «днем»

бархли «день» — *бархлехъ* «вечером» «*бархлиахъ*; *ахъ* от *ахъес* «закатиться»; *бархли*, *берхли* «день; солнце»).

Конечный гласный в суффиксе наречия, деепричастия и условного наклонения *ле* (акуш. *ли*), *не*, который встречается в цудахарском, мекегинском и других диалектах, повидимому, происходит из звукосочетания *иа*:

Мекег: *в-акIиле* «приходив»

б-учIуле «читая»

ибъуле «открывая»

ахъле «высоко»

Цудах.: *б-ахурле* «узнав»

абщибле «открыв»

в-акIанне «если придет»

анне «если скажет»

Заслуживает внимания тот факт, что эти же элементы в роли показателей эргатива в этих диалектах в исходе имеют не *е*, а *и* (*ли*, *ни*).

Исследование показывает, что почти все звуки *о*, *э* (*е*) как долгие, так и краткие, в урахинском диалекте являются составными гласными.

В преобладающем большинстве случаев долгий гласный происходит из двух гласных, как мы говорили выше, но иногда он происходит из гласного и согласного *р* (*д*) или *л*, т. е.

долгота гласного заменяет выпавший согласный *p* (*ð*) или *l*, следующий за ним.

В большинстве случаев в урахинском диалекте не остается никакого сомнения в том, что данный долгий гласный происходит из двух гласных, случаи же замены долгим гласным выпавшего согласного *p* (*ð*) или *l*, и некоторые случаи слияния двух гласных требуют пояснений.

В кубачинском диалекте имеются долгие гласные, состоящие из двух гласных, но главным образом кубачинские долгие гласные выступают как замена выпавшего согласного *p* (*ð*), *l*:

Акушинск.	Кубачин.
<i>урчи</i> «лошадь»	<i>уучи</i>
<i>хIеркI</i> «река»	<i>аакI</i>
<i>рIрсI</i> «дочь, девушка»	<i>йууссе</i>
<i>урегал</i> «шесть»	<i>ээк</i>
<i>верхIел</i> «семь»	<i>вее</i>
<i>урчIемал</i> «девять»	<i>гуучIум</i>
<i>даршал</i> «сто»	<i>дааш</i>
<i>б-аргиб</i> «нашел»	<i>б-ааккай</i>
<i>б-аркыра</i> «родил, сделал»	<i>б-аакъад</i>
<i>д-ирцма-д-ирцид</i> «не продавай»	<i>д-исмассид</i>
<i>б-атни</i> «оставление» (соверш.); <i>б-алтни</i> (несоверш.);	<i>б-аатне</i>
<i>б-алтма-б-алтад</i> «не оставляй»	<i>б-атматад</i>

Явление замены выпавшего согласного долгой предыдущего гласного наблюдается в урахинском диалекте. В условном наклонении в 3-м лице в акушинском и других диалектах мы имеем два *л*:

алли «если скажет»
ахIалли «если мы скажем»

Есть полное основание сказать, что в условном наклонении в урахинском диалекте выпавший *p* или *l* заменен долгой предыдущего гласного:

аали «если он скажет»
ахIаали «если мы скажем»
гаали «если он даст»
б-илкIваали «если напишет»

В 1-м и 2-м лицах ед. числа условного накл. *а* не долгое, так как здесь нет выпадения согласного:

асли «если скажу»
гасли «если дам»
б-илкIвасли «если напишу».

В родит. падеже множ. числа форма урахинского диалекта *вела* регулярно соответствует цудахарскому *лла*. Можно полагать, что в урахинском диалекте один *л* выпал, а гласный *е* перед ним получил долготу, но возможно и другое

предположение. В прошлом в даргинском языке родит. пад. регулярно образовывался от эргатива с показателем *ла*, а в урахинском — от эргатива с показателем *а*. В прошлом этот показатель *а* прибавлялся к полной форме мн. числа, т. е. с сохранением конечного *и* (*хIяйвантия* «животных, а не *хIяйвантаа*, как в настоящее время).

СЛОГ

Слог в даргинском языке может состоять из одного лишь гласного, иногда совпадающего со словом:

а «скажи»

у «имя»

а-и-ра «я дошел».

Слог может состоять и из двух гласных (дифтонг): *а-в-хъес* «стремиться вверх», *а-й-зес* «встать» и др.

Слог может состоять из гласного и согласного, стоящего перед гласным (открытый слог).

хя «собака»

хъу «поле»

хъи «вершок» (корнеплода)

хIе «кровь»

гъе «семена»

ца «один»

цIа «огонь» и др.

Слог может состоять из гласного и согласного, стоящего за гласным (закрытый слог):

ит «тот»

ар «рукоятка»

ур «пол»

Слог может состоять из трех звуков — двух согласных и одного гласного в середине:

кьацI «хлеб»

хIял «положение, состояние»

хъар «верх»

Слог может состоять из четырех звуков — согласного, гласного и двух согласных, стоящих за гласным:

набт «нефть, керосин»

артI «сера»

аргъ «погода»

арх «канавка».

В даргинском языке стечение двух согласных в начале слога не допускалось и продолжает, вообще говоря, не допускаться, хотя в настоящее время во многих заимствованиях из русского языка часто встречаются случаи такого стечения согласных, хотя в исконно даргинских словах и в старых заимствованиях такие слоги не встречаются. В заимствованиях из русского языка со стечением двух согласных в начале слога

даргинцы прежде вставляли, и до сих пор иногда вставляют, или приставляют впереди, протетический гласный:

истакан вместо «стакан»

устул вместо «стол»

тарактор вместо «трактор»

пирсидатил вместо «председатель» и т. д.

В настоящее время у большинства даргинцев наблюдается стремление к правильному произношению таких слов. Этому, в частности, способствует принятое в орфографии правило, требующее, чтобы все заимствования из русского языка в даргинском письме писались так, как они пишутся в русском письме.

Что касается стечения согласных в конце слога, то оно допускается с тем условием, что первым из таких согласных будет один из звуков: *л, р, н, м, б, в, й, с, ш*. Ввиду этого даргинцы легко произносят такие слова, как парк, банк, коммунист, комбайн, но им трудно произносить, например, заимствования с окончанием *изм*, и т. д. Поэтому в произношении к концу таких слов прежде прибавляли конечное *а*; говорили: социализма, коммунизма и т. д., но и это явление уходит в прошлое, и большинство даргинцев такие слова теперь произносит правильно.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

Чередование гласных в даргинском языке большей частью имеет грамматическую значимость: чередование гласных в глаголе дает виды глагола, чередование гласных в основе имени существительного вместе с суффиксом или без него образует падежи, множественное число, или из существительного образует наречие и т. д.

При склонении имен существительных и местоимений основа иногда подвергается фонетическим изменениям: тот или иной гласный основы может выпадать или чередоваться с другим гласным:

хъали «комната» — *хъули* «в комнату»

дярхъ «хлев» — *дурхъи* «в хлев»

шинк «котел» — *шункка* «в котел» (муг. диалект)

ну «я» — *наб* «мне», *набчи* «ко мне»

хлу «ты» — *х'ед* «тебе», *х'ечи* «к тебе»

са-й «сам, он» — *сунени* (эргатив), *сунес* «ему, самому».

Конечный гласный *и* суффиксов множественности в косвенных падежах переходит в *а*. В родительном и частично в дательном падеже в урахинском диалекте вместо *а* мы имеем *е*: *адамти* «люди» — *адамтани* (эргатив.), *адамтала* (род. п.)

кьули «коровы» — *кьулас* «коровам».

х'урк'лби «реки» *х'урк'лбани* (эргатив.), *х'урк'лбас* (дат. пад.)

Урах.: *адамъули* «люди» — *адамъулеела* (род. п.)

къвяли «коровы» — *къвялеела*

хлуркIри «речки» — *хлуркIреела* и т. д.

Чередование гласных чаще всего встречается при образовании множественного числа, но новые слова, заимствованные из русского языка, чередованию не подвергаются.

При образовании несовершенного вида от совершенного в даргинском языке гласные основы на *а*, *а* (*я*), *е* часто заменяются звуком *и*, реже звуком *у*; иногда же *у* переходит в *и*:

в-азес «выкупаться» — *в-изес* (несов.).

б-яхъес «ударить» — *б-ирхъес*

б-ябхIес «трясти» (дерево), «лущить» — *ибхIес*

б-елчIес «читать» — *б-учIес*

б-ебес «трамбовать» — *б-убес*

б-емхIес «мокнуть» — *б-умхIес*

б-емдес «распахнуть» — *б-умдес*

б-ухес «нести» — *б-ихес*

б-ујкес «вести» — *б-икес*

Чередование гласных, о котором здесь сказано, встречается во всех диалектах даргинского языка, в известной мере, оно является регулярным.

Редко встречается нерегулярное чередование гласных:

дуги «ночь» — *дугели* «ночью» (нареч.)

хIери «полдень» — *хIерели* «днем» (нареч.)

шин «вода» — *шуни* «по воду» (нареч., урах.)

урхи «ручная мельница» — *урхани* «на ручную мельницу» (урах), и некоторые другие.

До сих пор мы рассматривали случаи чередования гласных в пределах одного и того же диалекта. Если же сопоставить слова ряда диалектов, то мы найдем много и других случаев чередования гласных.

Акушинскому и урахинскому конечному *и* суффикса прилагательного и причастия *си*, суффиксов мн. числа и суффикса наречия и деепричастия *ли*, в цудахарском диалекте соответствуют суффиксы с гласным *е*.

Акушин.

вайси «плохой»

в-акIибси «пришедший»

адамти «люди»

колхозуни «колхозы»

Цудах.

вясе

в-ачIибсе

адимте

колхозуне

В мекегинском диалекте в суффиксе наречия и деепричастия вместо акушинского *ли* мы имеем тоже *ле*: *ахъле* «высоко», *мургъле* «глубоко», *в-акIиле* «придя».

Акушинскому гласному основы *е* в урахинском диалекте почти всегда соответствует *и*:

Акушин.

б-акIес «прийти»

бецI «волк»

Урахин.

б-акIис

бицI

xʎe «кровь»
ze «соль»
gʎe «семена»
kʎel «черта»
bekʎI «голова»
б-елкI «писание»
б-еркала «еда»
вецIал «10»
гʎез «волос»
дев «слово»
дег «ток»
декь «мука»
децI «горе»
б-елчIес «читать»
б-елгʎес «зарезать»
б-елишес «построить»

xʎi
зи
гʎви
кʎил
бикI
б-илкI
б-ирквала
вицIал
гʎиз
див
диг
дикь
дицI
б-илчIис
б-илгʎвис
б-илишис

Но имеются и исключения: *кIел* «2», *верхIел* «7» — *кIвел*, *верхIал* (урах.).

В ряде случаев акушинскому *e* основы в урахинском мы наблюдаем соответствие звука *a*.

Акушин.

шел «5»
в-егI «хозяин»
б-ехI «конец»
кIидехI «две пары», «два»
мехIе «мозг»
xIеркI «река»
xIеризс «жить»
б-алехIе «узнаем; знаем»
кʎегI «обрубок»
хʎехI «кашель»

Урахин.

швал
в-агI
б-ахI
кIвидахI
махIа
xIаркI
xIарис
б-алахIа
кʎагI
хʎахI

Акушинскому и урахинскому *у* в кайтагском диалекте иногда соответствует *и*.

Акушин.

урчи «лошадь»
рузи «сестра»

Кайтаг.

ирчи
рици

Акушинскому *a* в урахинском диалекте часто соответствует широкое *a* (я)

Акушин.

пакьир «бедняк»
балик «рыба»
кахʎес «свалить»
че-б-яхIахʎес «повесить»
чакахʎес «нацепить»

Урахин.

пьякьир
бялихʎ
хьяяхʎяс
шибахIяхʎис
шихьяяхʎис

Акушинскому и урахинскому широкому *a* (я) в мугинском диалекте часто соответствует *a*:

Акушин.
 къянкъ «нос»
 къянари «кувшин»
 Глябдурялман (имя муж.)
 мяхIкамли «осторожно»
 кьякъ «холм»
 зягIипли «слабо»
 гIяра «заяц»
 гIяшили «низко»
 чял «тесьма»
 дягI «ветер»

Мугин.
 къанхъ
 къанари
 Абдурялман
 махIкамли
 кьякъ
 загIипли
 гIара
 гIашили
 чал
 дагI

В суффиксах глагола *иб*, *ес* (*эс*) и в некоторых других случаях акушинским *и*, *е* (*э*) в урахинском диалекте часто соответствует широкий гласный *а* (*я*).

Акушин.
 гIяхъиб «черпнул»
 гIяхъес «черпнуть»
 б-яхIиб «подрался»
 б-яхIес «подраться»
 б-яхъес «ударить»
 дяхIи «снег»

Урахин.
 гIяхъяб
 гIяхъяс
 б-яхIяб
 б-яхIяс
 б-яхъяс
 дүхIя

Такое же явление замены широкого глоттизованного *а* (*я*) нешироким *а* наблюдается и в муирин. диалекте. Можно сказать, что в даргинском языке *а* с гортанным оттенком вытесняется обыкновенным *а*, как и другие гортанные звуки.

Акушинскому, цудахарскому и урахинскому *и* и в мекегинском диалекте в словах *в-икIес* «говорить», *б-ирес* «бывать», *в-изс*, «мочь, иметь возможность» соответствует *у*:

Акушин.
 в-икIес «говорить»
 б-ирес «бывать»

Урахин.
 и-кIвис
 б-ирис

Мекег.
 у-кIес
 б-урес

Это соответствие является характерным для мекегинской группы диалектов даргинского языка, и этим можно отличить эту группу диалектов от других групп.

ВЫПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ

В даргинском языке выпадение гласных явление нередкое; во многих случаях его удается подвести под определенные правила. Выпадение гласных наблюдается как в конце слов, так и в середине, в связи со словообразованием и словоизменением. Главным образом выпадение происходит на стыке морфологических частей одного и того же слова — между префиксом и корнем глагола, между двумя основами сложного слова, перед суффиксом, между двумя суффиксами, но

бывает и так, что гласный выпадает из середины непроизводного слова.

В формах вспомогательного глагола *с-аб-и* и *с-ар-и* в акушинском наречии часто конечный *и* выпадает, говорят и пишут: *са-б*, *са-р*. В других диалектах такого выпадения не наблюдается.

Частица *цад* имеет два варианта: *цад* и *цада* (цудах. *цатта* и *цаттале*).

В мугинском диалекте суффикс исход. падежа имеет два фонетических варианта *ат* и *атта*: *хъулит* и *хъулитта* «из дома, из комнаты» (цудах. *хъулила*); *гъитат* и *гъитатта* «откуда» (цудах. *итала*).

В мугинском и некоторых других диалектах союз *ну* часто произносится без гласного *у*:

са-б-ин вместо *са-б-ину* от *са-б-и*.

О тех случаях, в которых гласный выпадает вместе с согласным, мы здесь говорить вообще не будем, так как об этом сказано в разделе выпадения согласных. Разберем здесь случаи выпадения одних лишь гласных.

В показателе множественности *ти* в названиях народностей гласный *и* выпадает. В губденском и кадарском диалектах он иногда выпадает и в других словах:

губдалунт «губденцы»

махъикунт «хуторяне»

адабт (губд.) «приличия» (акуш. *адабти*), *шашкаларт* (кадар.) «шашки».

В урахинском диалекте в суффиксе эргатива *ани* (варианты: *ини*, *уни*) конечный гласный *и* выпадает факультативно:

абаан и *абаани* «мать, матерью»

булигини и *булигинини* «лакец»

Умуун и *Умууни* «Уму» (имя женск.)

В мекегинском диалекте в суффиксе эргатива *ни* гласный *и* выпадает регулярно:

Мекег.

Алин

ХІяжин

нун

хІун

Акуш.

Алини

ХІяжини

нунни «я»

хІуни «ты»

Гласные в суффиксах эргатива и родит. падежа *ли*, *ла* в даргинском языке вообще неустойчивы: при быстром произношении они часто выпадают.

Говорят:

итил вместо *итили* «он»

дил вместо *дила* «мой»

В суффиксе наречия и деепричастия времени *хІели* в некоторых диалектах конечное *и* выпадает, говорят *в-акибхІел* вместо *в-акибхІели* «когда пришел», *итхІел* вместо *итхІели* «тогда».

Во многих словах наблюдается выпадение конечных гласных *и, а*:

бурха и *бурх* «потолок, навес»

галга и *галг* «дерево»

шиндири (урах.) и *шиндир* (акуш.) «жолоб»

урцули (муг.) и *урцул* (акуш., урах.) «дрова»

уркьули (муг.) и *уркьул* «доска»

дубура (урах.) и *дубур* (акуш. «гора»)

уркура и *уркур* «арба»

хъубзара (урах.) и *хъубзар* (акуш.) «крестьянин»

хъуцари (урах.) и *хъуцар* (акуш.) «плечо»

михъири (урах.) и *михъир* (акуш.) «грудь»

При образовании множественного числа исходный гласный основы иногда выпадает: перед показателями множественности *би, ри, ни* он выпадает в двухсложных существительных (не всегда):

гена «плита» — *генби*

цула «зуб» — *цулби*

хлули «глаз» — *хлулби*

хамха «тело» — *хумхри*

хъали «дом, комната» — *хъулри,*

клапи «лист» — *клапри*

Перед показателями множественности *ми, луми, руми* в двухсложных и некоторых других существительных гласный выпадает (не всегда):

гуру «шарик» — *гурми*

сири «люлька» — *сирми*

къаралди «фигура» — *къаралдуми*

ула «сито» — *улурми;*

Также и перед показателем множественности *ти* в многосложных существительных (только в исконно даргинских словах):

дугени «корм» — *дугенти*

дехIбала «молитва» — *дехIбулти*

къянари «кувшин» — *къянурти*

В формах падежей конечный гласный, идущий после *р*, большей частью выпадает (не всегда):

шухIяри «жолобок» — *шухIярла* (род. п.)

чIухIяри «челнок» — *чIухIярла*

цIикури «невеста» — *цIикурли* (эргат.)

уршури «долото» — *уршурла*

мукъара «ягненок» — *мукъарла*

шури «скала» — *шурла*

мучари «кукурузный или просяной чурек» — *мучарла*

зубари «звезда» — *зубарла* и *зубарила*

уркура «арба» — *уркурла*

гIяя «двор» — *гIяйни* «во двор»

дубура (урах.) «гора» — *дубри* «на гору, в горы»
гунири (урах.) «сарай» — *гунра* «в сарай».

В урахинском диалекте такое выпадение чаще, чем в акушинском. В этом диалекте все существительные на *ри, ра* подчиняются этому закону в то время, как в акушинском имеются некоторые отклонения (см. слово зубари). В акушинском диалекте соответствующие урахинским существительные на *ри, ра* большей частью потеряли конечные гласные:

Акуш.

дубур «гора»
хъубзар «крестьянин»

Урах.

дубура
хъубзара и др.

При прибавлении словообразовательного суффикса к прилагательным с окаменелым суффиксом *а* — *а* выпадает:

цлуба «белый» — *цлубдеш* «белизна», *цубли* «бело» (на-речие)

цлудара «черный» — *цлудардеш* «чернота», *цлударли* (на-речие)

хъанцла «синий» — *хъанцлеш*, *хъанцли*

бабза «толстый» — *бабздеш*, *бабзли*

хъабхъа «хрупкий» — *хъабхъдеш*, *хъабхъли*

В цудахарском диалекте к таким прилагательным факультативно прибавляется продуктивный суффикс прилагательного *се*, причем окаменелый суффикс *а* не выпадает.

цлубасе, *хъхъанцласе*, *бабцасе*

Но в других формах видим и здесь выпадение гласного:

цлубдихъ, *цлубле*; *хъхъанцлдихъ*, *хъхъанцлле* и т. д.

Однако, при образовании множественного числа от прилагательного с суффиксом *се* (акуш. *си*) конечный гласный выпадает:

вья «плохое» — *вьяне* (множ. ч.)

никласа «маленький» — *никласне*.

При прибавлении суффикса *чи* к слову с суффиксом *къана*, что встречается иногда, — гласный этого суффикса выпадает:

сагакьяна — *сагакьянчи* «новатор»

бутлакьяна — *бутлакьянчи* «участник».

При прибавлении суффиксов лица *ра, ри* и суффикса времени *ри* к вспомогательному глаголу *са-б-и* (*са-р-и*) или к деепричастию на *ли*, гласный и выпадает:

ну са-р-ра «это — я»

хлу са-р-ри «это ты»

ит са-б-ри «это было оно»

в-аклили — *ну ваклилра* «я уже пришел».

ну в-аклилри «я уже тогда пришел».

хлу в-аклилри «ты уже тогда пришел».

В акушинском диалекте в этих случаях гласный *и* опускается регулярно. Что касается урахинского диалекта, то здесь в прошедшем времени допускается восстановление *и*:

ну в-акИлли и *в-акИлири* «я тогда пришел»

хИу в-акИлли и *в-акИлири* «ты тогда пришел»

Перед союзом, однозвучным с личным окончанием, *ра* в акушинском и урахинском диалектах *и* опускается факультативно:

дурхИнира са-р-ра (и: *са-р-ира*) *неш* «мать с детьми» (буквально дети и сама мать).

кьачара са-б-ра (и: *са-б-ира*) *кьял* «корова с телкой»

То же самое мы наблюдаем в гласных окончаниях эргатива и родит. падежа перед союзом *ра*:

хИунра нунра вместо *хИунира нунира* (урах.: *хИунна нунна*) «ты и я»;

хИелра дилра вместо *хИелара дилара* (урах.: *хИулара дилара*) «твой и мой».

В слове *кИилинра* «оба» выпадение *и* обязательно.

В акушинском диалекте в глаголах гласный *и* в положении между двумя *р*, или между *р* и *л*, часто выпадает:

р-ирар «будет; может» — *хИе-р-рар* (отрицат.)

б-ариб (3 лицо) «сделал» — *б-арра* (1 лицо; из *б-арира*); *б-арри* (2 лицо; из *б-арири*); *ка-р-рар* (3 л.) «она сядет»; (ср. *ка-б-ирар*), *ка-р-рис* (1 л.) «женюсь» (возьму в жены); *б-алли* «сделав» (из *б-арили*).

При прибавлении к глаголам суффикса временного деепричастия *хИели* или союзного суффикса *кьи* к вспомогательному глаголу *са-б-и* (*са-р-и*) гласный глагола выпадает:

ит са-б-и «оно есть» — *ит са-б-хИели* «раз оно есть»; *ит са-б-кьи* «хотя оно и есть»;

При прибавлении суффикса родит. падежа и прилагательного *ла* к суффиксу *хИели* гласный этого суффикса выпадает: *итхИели* «тогда» — *итхИелла* «тогдашний»; *в-акИибхИели* «когда пришел» — *в-акИибхИелла*.

В урахинском диалекте здесь происходит фонетическое изменение, которое имеет место в случаях стечения двух *л*, т. е. оба *л* выпадают и сочетание *иа* переходит в долгое *ее*:

в-акИибхИили «когда пришел» — *в-акИибхИее*

При прибавлении суффикса сомнения и вопроса *ара* к слову с гласным исходом первый гласный суффикса выпадает:

в-акИиб «пришел» — *в-акИибара?* «пришел ли?»

в-акИили «придя» — *в-акИилира?* «пришел ли?»

чила — *чилара* «чей?»

дила «мой» — *дилара?* «мой ли?»

В урахинском диалекте в аналогичных случаях оба гласные сливаются в один долгий:

шила? «чей»? — *шилаара?*

дила «мой» — *дилаара?* «мой ли?»

в-акIили «приходив» — *в-акIилеера?* «пришел ли?»

Уму (имя жен.) — *Умоора?* «Уму ли?»

Тоже самое происходит с суффиксом *алра* «хотя, хоть», т. е. первый гласный *а* выпадает:

итини «он, им» — *итинилра* «хотя бы он»

итала «его» — *италалра* «хотя бы его»

Умулра «хотя бы Уму»

В урахинском диалекте гласный основы *и*, вместе с *а* дает краткое *е*, гласный основы *у* вместе с *а* дает краткое *о*:

дабри «обувь» — *дабрелла* «хотя бы обувь»

Уму — *Умолла* «хотя бы Уму»

Между именной частью и вспомогательным глаголом исходный гласный именной части или начальный гласный глагола часто выпадает:

урузкIес «стесняться» (*уруз*, *икIес*)

у-рухкIес «бояться» (*в-урух*, *икIес* или *укIес*)

декIара-б-арес и *декIар-б-арес* «разлучить»

хIейи-б-изес и *хIейг-б-изес* «обидеться»

дигIяникес и *дигIянаикес* «спрятаться»

дигиаэс и *дигаэс* «полюбить»

багьари-б-иэс и *багьар-б-иэс* «очутиться»

При повторении прилагательного с суффиксом *а* для образования удвоенного нового прилагательного этот суффикс выпадает факультативно:

бабза «толстый» — *бабзбабза* и *бабза-бабза* «толстоватый; потолще»;

букIула «тонкий» — *букIулбукIула* и *букIула-букIула* «тонковатый»;

цIуба «белый» — *цIубцIуба* и *цIуба-цIуба* «беловатый»

Этим не исчерпываются все случаи выпадения гласных при суффиксации и сложении основ. Кроме этого в ряде случаев мы наблюдаем редукцию гласных: 1) вместо ожидаемого *йа* (*я*) имеем *й*:

вайтIа «плохо» (ср. муг. *ваятIа*)

байхъала «половина» (ср. муг. *баяхъала*).

В словосочетаниях мы наблюдаем выпадение конечного гласного первого слова: *лехIехъигей!* (*лехIехъигу*, *эй!*) «замолчи же, эй!» и др.

После непродуктивных префиксов направления *а*, *са*, *ка*, *у*, продуктивных префиксов направления *гьала* «вперед», *гIела* «назад», *дура* «вне», *б-ухIна* «внутри», *урга* «в середину», а также префикса усиления *ка* и отрицания *хIе* (*хIя*), *ма* — наблюдается выпадение гласных основы *а*, *и*, *у* вместе с классными показателями *в*, *д* и без них. В урахинском диалекте эти гласные выпадают или сливаются в один долгий как

после любого префикса с гласным исходом, так и после именной части глагола.

В акушинском диалекте в сложных глаголах, т. е. после именной части с гласным исходом, выпадает лишь *a*. В цудахарском диалекте наоборот наблюдается стремление к сохранению этих гласных.

После названных выше префиксов и именных частей гласный основы *a* выпадает:

чегъес «одеть» — (урах, *шеегъис*, цудах. *чеахиз*)
челгъес «одевать» — (цудах. *чеалхиз*)
саэс «дойти сюда» — (урах. *сааис*)
сасес «взять» — (урах. *саасис*)
касес — «взять» — (урах. *хъаасис*)
кацъес — «шагнуть» — (урах. *хъаацъис*)
какъес «сыпать» — (урах. *хъякъис*).
гъалаэс «пустить вперед» — (муг. *гъалааис*)
дураэс «выступить» — (муг. *гтурааис*, урах. *дурааис*)
гъелахъес «взять на спину» — (муг. *гъелахъис*, урах. *гъилаахъис*)

таманаэс «закончить»

миаэс «превратиться в лед»

в-акъиб «пришел» — *хъекъиб* «не пришел» (ср. жен. *хъе-р-акъиб*).

После именной части с гласным исходом *a* основы выпадает не всегда, что мы видим, например, в таких словах:

балааэс «превратиться в шерсть»;

варааэс «превратиться в мед»;

къаркъааэс «окаменеть» и т. п.

Среди слов с префиксами имеются и такие, о которых на первый взгляд можно думать, что начальный гласный в них не выпадает, например:

чеахъес «показать»

аахъес «довести вверх»;

саахъес «довести сюда»;

Но фактически в них тоже одно *a* выпало (ср. женские формы: *че-р-аахъес*, *а-р-аахъес*, *сараахъес*).

После непродуктивных префиксов места *и* и *у* выпадают в том случае, когда за ними следуют два согласных звука, один из которых является принадлежностью основы (*л* или *р*):

а-й-зес (женск. *а-р-изес*) «встать»

а-й-кес «поссориться» — *а-р-кес*; муг. *э-р-кис*;

ка-й-кес «упасть» — *ка-р-кес*; муг. *ке-р-кис*;

а-в-хъес (жен. *а-р-ухъес*) «стремиться вперед».

а-в-цес «поднять» — *а-р-цес*; муг. *эриц*

ка-в-хъес «стремиться вниз» — *калхъес*; муг. *келхъис*

са-в-хъес «стремиться сюда» — *салхъес*; муг. *селхъис* (жен. *са-р-улхъис*).

Как было упомянуто, в урахинском диалекте выпадение гласных наблюдается после всех префиксов, оканчивающихся на гласный *и* после именных частей с гласным исходом.

В этом диалекте в этих случаях: 1) стечение двух *а* дает долгое *аа*, если слог открытый. При закрытом слого долгота исчезает: *аасис* «взять снизу вверх» — *айсис* (несов.)

с-аа-сис «получить» — *сайсис*

хьяасис «взять вниз» — *хьайсис*

б-ухІнааис «загнать» — *б-ухІнайис*

гІилаахъис «взять на спину» — *гІилайхъис*.

В урахинском стечение *и* и *а* дает долгое *ее* в открытом слого и простое *е* — в закрытом:

шеегъис «надеть» — *шелгъис*

удеeis (удиаис) «закатить» (глаза).

В урахинском стечение *а* и *и* дает дифтонги *ай*, *ий* в случае, если за *и* не следует два согласных. Если же за *и* следуют два согласных, то *и* выпадает:

ааис — «дойти вверх» — *айис* (жен. *а-д-иис*).

сааис «дойти сюда» — *сайис*

гъала-й-хъис «опередить» — *гъала-р-хъис*

гІила-й-хъис «отстать» — *гІила-р-хъис*

ухІна-й-хъис «завязать» — *ухІна-р-хъис* и *ухІнаи-р-хъис*;

пикри-й-кІвис «думать» (муг. *пикришкІвис*)

В урахинском дифтонг *ий* слышится, как долгое *и*, а стечение *а*, *и* с последующим *у* дает дифтонг *ав*, *ив*, если после *у* нет двух согласных:

гъала-в-хъис «опередить» — *гъалалхъис*

урга-в-хъис «перебить» — *ургалхъис*

пикри-в-хъис «подумать» — *пикрилхъис*

В вышеприведенных примерах мы видим, что в некоторых глаголах в несовершенном виде появляется гласный *и* или *у*, которого нет в совершенном виде:

алес «порезать» — *авлес*

калес «остаться» — *кавлес*

касес «взять» — *кайсес* и др.

В других глаголах наоборот: в совершенном виде мы имеем гласный, которого нет в несовершенном:

кавхъес «стремиться вниз» — *калхъес*

айзес «встать» — *алзес*

кайзес «стать» — *калзес*

Чередование гласных основы *а*, *е*, *а(я)* с гласными *и* или *у* образует несовершенный вид глагола. В приведенных выше примерах мы видим, что в несовершенном виде при его образовании появляется звук *у* или *и* или же он исчезает, и этим самым образуется иной вид глагола.

При образовании множественного числа от простого существительного часто наблюдаются случаи, когда из его середины

выпадает гласный (второй или первый гласный от конца). Такое выпадение свойственно лишь исконно даргинским существительным.

Это бывает в трехсложных существительных с показателем множественности *ми, и, ни*, например:

б-еркала «кушанье» — *берклуми*
б-ергала «корм, трава» — *бурглуми*
б-айхъала «половина» — *д-айхълуми*
ругери «арык» — *ругрум*
дурег «гребень» — *дургуми*
бутIари «кусочек» — *бутIрум*
агIниахъала «утварь» — *агIниахълуми*
пахIяла «перо» — *пахIли*
пусала «пылинка» — *пусли*
уркура «арба» — *уркри*
уцIала «щепка» — *уцIли*
буреба «иголка» — *бурбуми*
хIуреба «войско» — *хIурбуми*;

Это бывает также в двусложных словах с согласным исходом, преимущественно на *я* (не всегда), например:

уркъули «доска» — *уркъли*
секIал «вещь» — *секIли*
кIуцIул «черпак» — *кIуцIли*
мурул «муж» — *мулли*
хъунул «жена» — *хъунри*
гIиниз «родник» — *гIинзурби*
иникъ «пещера» — *инкъурби*

В мугинском диалекте предпоследний гласный выпадает и в следующих существительных, в которых в акушинском диалекте он не выпадает:

буруш «постель» — *буриши* (акуш. *бурушми*)
къуруш «рубль» — *къуриши*
гъаруш «буза» — *гъариши*
дирихъ «туман» — *дирхъми*
чирагъ «лампа» — *чиргъми*
тIулека «кольцо» — *тIулкми*
кулеха «браслет» — *кулхми*
хIулега «калач» — *хIулгми*
дурук «веретено» — *дуркми*;

В названиях племен не множественное число образуется от единственного, а, наоборот, единственное от множественного (собирательного) и при этом гласный *у* выпадает, например:

цIудхъур «цудахарцы» — *цIудхъран* «цудахарец»
хIурухъ «урахинцы» — *хIурхъан* «урахинец»
булхъур «балкарцы» — *булхъран* «балкарец» (из сел.

Балхар)

хIямур «гамринцы» — *хIямран* «гамринец».

ДИФТОНГИ

В акушинском диалекте имеются нисходящие дифтонги *ай, эй, ав, эв*, состоящие из компонентов *аи, эи, ау, эу*. В урахинском диалекте вместо *эй* и *эв* имеем *ий, ив* и *уй*:

а-й-эс «есть» — жен. *а-р-иэс*.

гьала-й-кес «опередить» — ж. *гьала-р-икес*

гьела-й-кес «отстать» — ж. *гьела-р-икес*

че-й-кес «наваливаться» — ж. *че-р-икес*

че-й-зес «пристать» — ж. *че-р-изес*

а-в-хъес «побежать вверх» — ж. *а-р-ухъес*

ка-в-хъес «побежать вниз» — ж. *ка-р-ухъес*

Урахинские формы:

пикри-в-хъис «подумать» — ж. *пикри-д-ухъис*;

ши-й-хъис «навалиться» — ж. *ши-д-ихъис*;

гьяси-й-гъис «рассердиться» — ж. *гьяси-д-ис*;

у-й-хъис «подложить» — ж. *у-д-ихъис* и др.

Не всякие звукосочетания *ай, эй, ау, эу* в акушинском диалекте сливаются в нисходящий дифтонг. В этом диалекте, как и во всех других, нисходящий дифтонг встречается в основном на стыке именной части или префикса с глаголом. В отличие от урахинского диалекта, в акушинском и цудахарском диалектах нисходящий дифтонг встречается именно на стыке направительных префиксов с глаголом. Что касается других префиксов и именных частей глагола, то в цудахарском диалекте здесь дифтонг отсутствует, цудахарцы говорят:

гьела-и-чиб «отстал» (акуш. *гьела-й-киб*)

пикри-у-хъун «подумал» (урах. *пикри-в-хъун*)

Но:

авхъун «побежал вверх»

кавхъун «побежал вниз»

савхъун «побежал сюда»

В акушинском диалекте дифтонгизация на стыке продуктивных префиксов и глаголов не обязательна, можно говорить:

гьалавхъун и редко *гьалаухъун*; *гьелавхъун* и *гьелаухъун* и т. д.

Дифтонгизация обязательна, как видим, лишь после направительных префиксов *а, са, ка, че*; после именной части глагола в акушинском диалекте дифтонгизация не допускается.

Дифтонги больше всего распространены в урахинском диалекте, где дифтонгируются гласные на стыке всех префиксов с глаголами и на стыке именных частей и глаголов. В то время, как урахинский диалект стремится дифтонгизировать все пары гласных в таком положении, цудахарский диалект

стремится сохранить оба гласных в целости. Акушинский диалект находится в этом отношении между цудахарским и урахинским диалектами.

Что касается восходящих дифтонгов, то в акушинском и цудахарском диалектах их нет; в урахинском диалекте звукосочетания *иа, иэ, уа, уэ* дают долгие гласные. Менее всего можно говорить о восходящих дифтонгах в цудахарском диалекте. Звукосочетания *ва, ве, ви*, приведенные Ш. Г. Гаприндашвили как дифтонги, не являются таковыми. Здесь мы имеем дело не с восходящими дифтонгами, а с лабилизацией предшествующих согласных; это соответствует тому, что в цудахарском диалекте лабилизация сохраняется и в положении перед другими согласными, и в конце слова.

АССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

В даргинском языке глоттизованные гласные *а(я)* и *э(е)* влияют на гласный префиксов *ка, а, че, хIе, ми (ме, мя)*, и ассимилируют его, например:

ка-б-ихъес «положить», но *ке-б-ердес* «поколоть»
хIе-б-арес «не сделать», но *хIя-б-ячес* «не сломать»
ма-б-иаб «пусть не будет», но: *ме-б-ебкIаб* «пусть не умирает»

че-б-ихъес «наложить», но: *чы-б-б-яхъяс* «отрубить».¹

Гласный корня *а(я)* влияет на гласный суффиксов и окончаний, если он стоит за надгортанными или заднеязычными согласными: *хI, гI, къ, кь, хъ*, например:

б-аракъес «заставить сделать», но: *б-яхIяхъес* «заставить драться».

бархъа «прямой», но *бяхъя* «шустрый»

б-аралли «если сделает», но: *б-яргIялли*, «если остынет»

б-алтас «оставлю», но: *лявкъяс* «приду».

Гласный корня *э(е)* влияет на гласный суффикса, если он стоит позади *хI* или *гI*, например:

бабза «толстый», но *берхIе* «желтый»

Таким образом, глоттизованные гласные корня влияют и регрессивно и прогрессивно, на гласные префиксов и суффиксов, причем их влияние на следующий гласный обусловлено наличием в основе надгортанного или глубокозаднеязычного согласного.

В урахинском и некоторых других диалектах гласные суффиксов глагола *ис, яс, ун, ур*, ассимилируют гласный предыдущего суффикса каузатива *ахъ*, например:

¹ Пишутся по принятой орфографии эти слова, однако, через *е*: *че-б-б-яхъес*; *ка*, *ма* пишутся через *а*.

б-якьиб «сделал» — *б-якьихъиб* «заставил сделать»
аклун «родился» — *аклухъун* «сотворил»
б-агьур «узнал» — *б-агьухъур* «дал знать» и др.

УСИЛЕННЫЕ (УДВОЕННЫЕ, ГЕМИНИРОВАННЫЕ) СОГЛАСНЫЕ

Усиленные (удвоенные) согласные, называемые геминатами, имеются в цудахарской группе диалектов. Геминирование — характерная и в то же время общая черта этой группы даргинских диалектов. Усиленные (удвоенные) согласные в этой группе диалектов являются особыми фонемами, что видно из следующих мугинских примеров:

Геминаты:	Простые согласные
<i>дикки</i> «любовь»	<i>дики</i> «водил»
<i>ттура</i> «на двор»	<i>д-ура</i> «скажи»
<i>къячча</i> «коржик, пышка»	<i>къяча</i> «забияка»
<i>глинци</i> «к роднику»	<i>глинци</i> «анис»
<i>ккисса</i> «в сени»	<i>кисса</i> «карман» и др.

Я привел слова из наиболее знакомого для меня мугинского диалекта, но в самом цудахарском диалекте имеется немало примеров, говорящих о том, что усиленные согласные в нем особые фонемы, например: *кка* «дай» — *ка* «приведи».

В цудахарском диалекте встречаются следующие мгновенные и аффрикаты усиленные:

б — *бб*: *ббала* «шерсть» (акуш. *бала*)
г — *кк*: *кками* «корабль» (акуш. *гами*)
д — *тт*: *ттуттеш* «отец» (акуш. *дудеш*)
ч (*дж*) — *чч*: *ччявле* «скоро, рано» (акуш. *жявли*)
з (*дз*) — *цц*: *ццаб* «дождь» (акуш. *дзаб*).
къ (*хъ*) — *къкъ*: *элкъкъиз* «насытиться» (акуш. *велкъес*)

В цудахарском диалекте фонемами могут быть и следующие усиленные спиранты:

с — *сс*: *сса* «вчера» (акуш. *даг*)
х — *хх*: *урхъхъу* «море» (акуш. *урхъу*)
ш — *шш*: *нишшаб* «нам» (акуш. *нушшаб*).

В мугинском диалекте удвоенным встречается согласный *хI*:

мехIхIе (акуш. и цудах. *мехIе*) «мозг»;
мухIхIен (акуш. *мухIен*, цудах. *мехIен*) «мугинец»;
къехIхIе (акуш. и цудах. *къехIе*) «редька»;
ккехIхIел (акуш. *гехIел*, цудах. *ккехIел*) «8»;
духIхIя (акуш. *дахIя*, урах. *духIя*) «снег».

В мугинском и акушинском диалектах усиленным может быть и звук *р*; два *р* в урахинском произносятся, как два обыкновенных *рр*, в то время, как в мугинском они произно-

сятся, как один особый звук. В урахинском диалекте при произношении двух *p* кончик языка вибрирует между верхними зубами и альвеолами и едва касается их. При произношении же мугинского и акушинского усиленного *p* кончик языка без вибрации упирается между верхним небом и альвеолами:

ле-р-ра «я нахожусь» (жен.)

аккарра «я не есмь» (муг.)

къарра «и трава».

Повидимому, геминаты происходят от удвоенных согласных. За это говорит то, что при стечении двух звуков *бб*, мы получаем усиленный *пп*; при стечении *дт* получаем *тт*, при стечении *рр* — усиленный *рр*:

хъяб «щея» *б-яхъяс* «попасть» — *хъяппяхъяс* «попасть в шею» (муг.);

тАалаб «требование», *б-аркьис* «сделать» — *тАалаппаркьис* «потребовать»;

гъалад «впереди», *ти* суф. множ. числа — *гъалатти* «те, что впереди»;

ле-р (жен.) «имеется»; находится», *ра* личное оконч. 1-го лица — *ле-р-ра* «я нахожусь».

В диалектах нецудахарской группы (в акушинском, урахинском, мекегинском) наблюдается тенденция к упрощению всяких удвоенных согласных. В губденском говоре мекегинского диалекта процесс упрощения удвоенных согласных *лл*, *нн*, *мм*, *рр* завершился: здесь уже нет никакого удвоения согласных, вместо акушинского *б-иалли* здесь мы имеем *б-але*, вместо акушинского *хАябцАанну цара* «31» здесь мы имеем *хАябцАану цара* и т. д. В мекегинском аналогичное явление имеет место, но в меньшей мере.

В урахинском диалекте вместо акушинского *ли* мы часто видим *л* с долгой предыдущего гласного. В нецудахарской группе диалектов вместо цудахарских *лла* (родит. пад.), *лли* (эргат.) мы имеем *ла*, *ли* или *й*, вместо цудахарского *нна* (рд. пад.), *нни* (эргат.) мы в других диалектах имеем *нла*, *нли*, или *й*.

Если сравнить усиленные и удвоенные согласные цудахарской группы диалектов с соответствующими согласными акушинского, то мы имеем:

Цудах.	Акуш.
<i>бб</i> (<i>пп</i>)	<i>б</i>
<i>дд</i> (<i>тт</i>)	<i>д</i>
<i>цц</i>	<i>з</i> (<i>дз</i>)
<i>кк</i>	<i>з</i>
<i>чч</i>	<i>ж</i> (<i>дж</i>)
<i>кккк</i> (<i>хххх</i>)	<i>к</i>
<i>рр</i> (муг.)	<i>р</i>

сс
щ
хьхь
хх
хIхI (муг.)

с
ш
хь
х
хI

ПРИМЕРЫ:

Акуш.

бала «шерсть»
дудеш «отец»
заб «дождь»
маза «овца»
газа «кобыла»
га «дай»
жал «спор»
д-ерж «напиток»
къаркъа «камень»
каса «бери»
нушаб «нам»
хьунул «женщина»
хуху «старушка»
бухIуси «гниющий»

Цудах.

ппала
ттуттеш
ццаб
мацца
кквацца
кка
ччал
дерч, дерччала
къкъаркъкъа
гъасса
ниццаб
хьхьунул
ххухху
бухIуси (муг.)

Надо сказать, что вообще усиленные согласные сохраняются как таковые только в положении перед гласными, в конце же слова и перед согласными они дают соответствующие простые неусиленные: звуки *пп(бб)*, *тт*, *кк* и др. при упрощении перед согласными и в конце слова в цудахарской группе диалектов становятся глухими простыми согласными с артикуляцией типа усиленных. Даем примеры из мугинского диалекта:

иппала «шов» — *иплуми* (мн. ч.)
баррта «топор» — *бартни* (мн. ч.)
муррта «всадник» — *муртни* (мн. ч.)
ккуртта «лиса» — *ккуртни* (мн. ч.)
усси «спад» — *усни* (отглаг. имя)
уцци «брат» — *уцци* (мн. ч.) и т. д.

Упрощение усиленных согласных больше всего наблюдается в тех говорах цудахарской группы диалектов, которые находятся под влиянием акушинского, урахинского или мекегинского диалектов, например, в мугинском и нижнемулебкинском.

ЛАБИАЛИЗАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

В акушинском диалекте, который положен в основу даргинского литературного языка, согласные не лабиализуются. Лабиализация согласных встречается в цудахарском, урахинском (где она рельефнее всего выступает) и в некоторых

других диалектах. В даргинском языке нет таких согласных, которые лабиализуются всегда.

Характерной особенностью лабиализации согласных в урахинском диалекте является то, что в нем согласные лабиализуются в положении перед гласными *a*, *u*, *e*, *a* (*я*). Если в результате словоизменения этот гласный выпадает, то согласный перед ним делабиализуется.

агвис «отсутствовать» — *агри* «нужда», *агни* «отсутствие»
акIвис «родиться» — *акIни* «рождение».

Иначе обстоит дело в цудахарском диалекте, где согласные лабиализуются не только перед гласным, но и перед согласным и в конце слова:

дергъв «война», «битва»;
микв «дуб»;
кыикв «червь»;
хIеркIв «река»;

Иногда в основной форме слова в положении перед гласным *у* согласный не лабиализуется, но при изменении слова гласный *у* выпадает, и предыдущий согласный произносится с лабиализацией: *ххухху* «старуха» — *ххухвне* (мн. ч.); *жяртIу* «воробей» — *жяртIвбе* (мн. ч. в ходжалмахинском говоре).

Характерно, что ряд слов в единственном числе не имеет лабиализации, а во множественном числе появляется лабиализация перед теми же гласными, что в формах единственного числа. Приведем примеры из урахинского диалекта.

кьяна «ворона» — *кьялми* (мн. ч.)
чял «позумент» — *чьялли*
хъяр «груша» — *хъярби*
тяй «жеребенок» — *тяйри*

Лабиализация согласных, как в конце слова, так и перед согласным, в цудахарском диалекте показывает, что она в настоящее время является свойством не гласного, а самих согласных.

Многие случаи лабиализации в урахинском диалекте возводятся к дифтонгам: *ya*, *yu*, *ye*. Например, случаи лабиализации предпоследнего согласного в форме родит. падежа слов с исходом на *у* являются результатом слияния этого гласного с суффиксом родит. пад. *a*:

битIу «тесто» — *битIваа*
дару «порох» — *дарваа*
хъу «поле» — *хъваа*
бару «крепость» — *барваа*
загъру «яд» — *загърваа*.

Сочетание гласных *у* и *a* в урахинском диалекте дает краткий или долгий звук, похожий на *о*.

у «имя» — *о* (род. п.)
даргваа «даргинцы, дарго»

Лабиализованные согласные в урахинском встречаются в довольно ограниченном количестве слов; в особенности редки лабиализованные переднеязычные.

Примеры слов урахинского диалекта (пары лабиализованных и нелабиализованных):

агвис «отсутствовать» — ср. *агис* «попасться».
гваза «кобылица» — *газа* «кирка»
игвис «жечь» — *игис* «любить»
квани «живот» — *кани?* «куда?»
квяли «коровы» и *кьяли* «ветка»
кIви «два» — *кIи* «тетива»
хви «собака» — *хи* «мучная пыль»
хIвяб «могила» — *хIябал* «три»
хIвяна «шрам» — *хIяна* «седой»
гъвари «борозда» — *гъари!* «слушай!»

То же самое мы наблюдаем и в цудахарском диалекте:

бихвиз «быть» — *бихиз* «связать»
барччвиз «обмотать» — *барччиз* «найти»
кквацца «кобылица» — *ккацца* «кирка»
ичIвиз «говорить» — *ичIиз* «выбрать»

Лабиализованные согласные в урахинском и цудахарском диалектах являются фонемами.

Как видно из сопоставления различных диалектов даргинского языка, явление лабиализации согласных в общем в них упрощается и постепенно устраняется.

В других диалектах, где вообще лабиализация согласных отсутствует, в преобладающем большинстве случаев согласный теряет лабиализацию, остается «чистый» согласный, реже в восстанавливается как особый согласный звук. Например:

гванза (урах.) «земля» — *ванза* (акуш.) — *ганза* (муж.).

При упрощении лабиализации в одних случаях за согласным сохраняется гласный «разрушенного» дифтонга, в других — восстанавливается первый полугласный, а следующий гласный выпадает, или же оба сохраняются, как гласные.

Например:

хвалал «большой» — *халал*
двагI «ветер» — *дагI* (акуш.)
жагвал «красивый» — *жагал* (акуш.)
хIвярхIли «слабо» — *хIярхIли* (акуш.)
кьванъи «сундук» — *кьуни* (цудах.)
кьвачIа «сумка» — *кьучIа* (цудах.)
гважа «самка» — *гужа* (муг.), *ккучча* (цудах.)
нвал «я один» — *нувал* и *нуал* (акуш.)
хIвал «ты один» — *хIувал* (акуш.)
швал «пять» — *шувал* (муг.)

ЧЕРЕДОВАНИЕ СОГЛАСНЫХ

Чередование согласных наблюдается лишь в диалектах цудахарской группы. Что касается других диалектов, то здесь такого чередования нет, если не считать единственный случай перехода *кI* в глаголе совершенного вида *в-акIес* «прийти» в *ш* в несовершенном виде *в-ашес* «ходить».

В цудахарском диалекте чередуются:

<i>к</i>	<i>с</i>	<i>ч</i>
<i>кI</i>	»	<i>чI</i>
<i>кк</i>	»	<i>чч</i>
<i>хь</i>	»	<i>ш</i>
<i>хьхь</i>	»	<i>щ</i>
<i>г</i>	»	<i>ж</i>

Заднеязычные *к, кI, кк, хь, хьхь, г* в положении перед *и* и *е* переходят соответственно в *ч, чI, чч, ш, щ, ж*:

кабикай «упавший» — *кабичиб* «упал»
вакIай «пришедший» — *вачIе* «приходи»
барккай «нашедший» — *барччиб* «нашел»
вахьай «ходящий» — *ваше* «иди»
абхьхьай «открывший» — *абщиб* «открыл»
кайгай «сидевший» — *кайже* «садись».

В местоимении 1-го лица мн. ч. есть тоже чередование *хьхь* и *щ*: здесь в именительном и эргативном падежах будет *хьхь*, в косвенных падежах — регулярно *щ*:

нухьхьа «мы» *нухьхьале* (эрг.) — *нищала* «наши», *нищаб* «нам», *нищашу* — «к нам».

Чередующиеся согласные звуки могут быть оба или лабиализованными или нелабиализованными. Выше мы привели примеры чередования нелабиализованных звуков. Примеры чередования лабиализованных:

баркквай «обмотавший» — *барччвиз* «обмотать»
сарагвай «опередивший» — *саражвиз* «опередить».

Однако, в ряде слов указанные заднеязычные звуки встречаются и перед *е, и*: *кеп* «наслаждение», *белгидихь* «ясность», *аммаки* «но», *вакил* «представитель», *хIяким* «управитель», *тукен* «лавка», *кепек* «копейка», *кираж* «известь», *кира* «аренда», *кесек* «кусок», *кешмиш* «изюм», *тегенек* «шиповник».

Рассмотренные случаи чередования согласных наблюдаются в пределах одного и того же цудахарского диалекта. Если же мы сопоставим различные диалекты, в частности диалекты цудахарской группы с диалектами группы акушино-урахинской, то мы увидим, что ряд согласных этой группы соответствует другому ряду согласных в другой группе; в частности усиленным и удвоенным согласным диалектов цудахарской группы соответствуют обыкновенные простые согласные акушино-урахинской группы; лабиализованные согласные других диалектов и т. д.

ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

В диалектах акушино-урахинской группы в словах на *л*, *н*, *ли*, *ла* в родит. и эргативном падежах конечные *л*, *н* (*ли*, *ла*) выпадают:

Родит. п.	Эргат.
<i>хьунул</i> «жена» — <i>хьуна</i>	— <i>хьунуй</i>
<i>кьял</i> «корова» — <i>кья</i>	— <i>кьяй</i>
<i>мурул</i> «муж» — <i>мура</i>	— <i>муруй</i>
<i>тлул</i> «палец» — <i>тлу</i>	— <i>тлуй</i>
<i>тлал</i> «столб» — <i>тла</i>	— <i>тлай</i>
<i>хляйван</i> «скотина» — <i>хляйва</i>	— <i>хляйвай</i>
<i>шайтлан</i> «сатана» — <i>шайтла</i>	— <i>шайтлай</i>
<i>стакан</i> — <i>стака</i>	— <i>стакай</i>
<i>шин</i> «вода» — <i>ши</i>	— <i>ший, ши</i>
<i>кьяли</i> «ветка» — <i>кья</i> и <i>кьялила</i>	— <i>кьяй</i> и <i>кьялини</i>
<i>чичлала</i> «змея» — <i>чичла</i>	— <i>чичлай</i>

В словах *хьуна*, *мура* произошло слияние гласного основы *у* с суффиксом родит. падежа (*хьуна* из *хьунуа*). В губденском диалекте эти согласные не сливаются и произносятся раздельно: *хьунуа*, *урцуа* «дров» (от *урцул* «дрова»). В урахинском диалекте в результате слияния в подобных случаях получается долгий гласный, напоминающий двойное *оо*: *хьуноо* (или *хьунваа*), *мурфоо* (или *муръваа*). В акушинском этот процесс пошел дальше, и в результате долгота исчезла.

Некоторые односложные слова на *л* и двухсложные на *ли*, *ла* этому правилу не подчиняются.

Родит. п.	Эргат.
<i>пал</i> «треск» — <i>палла</i>	— <i>палли</i>
<i>жал</i> «спор» — <i>жалла</i>	— <i>жалли</i>
<i>Али</i> (имя муж.) — <i>Алла</i> (и <i>Алила</i>)	— <i>Алини</i>
<i>Вали</i> (имя муж.) — <i>Валила</i>	— <i>Валини</i>
<i>хлули</i> «глаз» — <i>хлу</i> (и <i>хлулила</i>)	— <i>хлуй</i> (и <i>хлулини</i>)
<i>хляли</i> «сало» — <i>хлялила</i> (и <i>хля</i>)	— <i>хляй</i> (и <i>хлялини</i>)

В цудахарском слова на *л*, *н*, *ли*, *ла* всегда имеют полные формы (приводим некоторые слова, данные выше): *хьхьунулла*, *хьхунулли*; *мургулла*, *мургулли*; *тлулла*, *тлулли*; *хляйванна*, *хляйванни*; *шайтланна*, *шайтланни*; *кьялила*, *кьялили*, *чичлалла*, *чичлалли* и др.

Как видно, в диалектах акушино-урахинской группы стечение двух *л*, или *н* в одном слове прежде было явлением недопустимым. Такое явление в настоящее время вообще не наблюдается, хотя некоторые новые слова, заимствованные из русского языка, также подвергаются изменениям в родит. и эргативном падежах.

В акушинском диалекте классный показатель 1 класса в выпадает: после префиксов места *а, ка, са, че, че-в, гба-в, у-в, гбала, гела*, отрицания *хле, хля* и запрещения *ма, ме*:

аэс «дойти вверх» (ср. жен. *а-р-аэс*, сред. *а-б-аэс*; ниже-мулебк. муж. *а-в-аис*);

саэс «дойти сюда»

каэс «дойти вниз»

чеэс «увидеть»

хлеклес «не придти» (ср. утвердит. *в-аклес*, жен. *хле-р-аклес*)

макляб «пусть не придет» (ср. утверд. *в-акляб*, жен. *ма-р-акляб*)

ме-б-кляб «пусть не умирает» (жен. *ме-р-ебкляб* утверд. *в-ебкляб*);

хлякьун «не ходил» (жен. *хля-р-якьун*, утверд. *в-якьун*)

а-й-эс «сесть верхом» (жен. *а-р-иэс*)

челхъес «нападать» (жен. *че-р-улхъес*)

Наблюдения показывают, что классный показатель в выпадает после префиксов, оканчивающихся на *а, э, (е)*. После префиксов оканчивающихся на *и* и именных частей глаголов в не выпадает, за исключением случая, когда после в идет *у*, в этом случае в не сохраняется ни в одном диалекте даргинского языка:

гба-в-иэс «опередить» (жен. *гба-рр-иэс*)

гела-й-кес «отстать» (ж. *гела-р-икес*)

Но после *и* согласный в сохраняется:

чеди-в-икес «победить» (ж. *чеди-р-икес*)

В сложных глаголах после именной части в акушинском перед *а (я), е, и* показатель в опускается факультативно:

таман-и-эс «кончиться» и *таман-в-иэс*;

пикри-и-клес «думать» и *пикри-в-иклес*;

тамаша-и-эс «удивиться» и *тамаша-в-иэс*;

луклес-я-хлэс «начать писать» и *луклес-в-яхлэс* и др.

Но:

хала-в-аэс «вырасти» (показатель в сохраняется)

хляйран-в-арес «удивить»

Так же обстоит дело после префиксов, оканчивающихся на классный показатель в, если в начале самого глагола является гласный *а*, а не *и, е* или *а(я)*:

че-в-алклес и *че-вв-алклес* «заблудиться».

гба-в-аклес и *гба-вв-аклес* «навестить»

Но всегда с одним в: *че-в-улклес* «заблуждаться», *гба-в-иклес* «наведываться».

В мугинском диалекте в сложных глаголах в опускается факультативно и перед *а*:

хлула-а-кьис «уважать»

тамаша-а-ркьис «удивить» и другие.

В других диалектах в сложных глаголах перед *и, е, а(я)* показатель в выпадает.

В цудахарском в выпадает и перед *е(э)*:

Акуш.

в-ебклес

в-елкъес

но сохраняется в словах:

в-егI

вецIал

Цудах.

эбчIиз «умереть»

элкъиз «насытиться»

в-егI «хозяин»

вецIал «10»

Классный показатель *д* после префиксов места *а, са, ка*, отрицания *хе (хIя)*, запрещения *ма (ме, мя)* в акушинском выпадает вместе с гласным регулярно. Поэтому в этом диалекте отдельные формы множ. числа совпадают с формой ед. числа мужского класса. Ни в одном другом даргинском диалекте, такое выпадение не наблюдается.

Акушинск. диалект		Урахин. диалект	
Мужск. класс I	Жен. класс II	Класс „д“ IV	Класс „д“ (мн. ч.)
<i>аиб</i> „дошел вверх“	<i>араиб</i>	<i>аиб</i>	<i>адаиб</i> „дошли“
<i>хекииб</i> „не пришел“	<i>хIаракIиб</i>	<i>хекииб</i>	<i>ахIдакIиб</i>
<i>майрид</i> „не сделай“	<i>маррид</i>	<i>майрид</i>	<i>мадикъуд</i>
<i>авцес</i> „поднять“	<i>аруцес</i>	<i>авцес</i>	<i>адуцис</i>
<i>ваклес</i> „прибыть“	<i>раклес</i>	<i>ваклес</i>	<i>дакIис</i>

Выпадение *д*, как видно из примеров, здесь не ограничивается никакими гласными, следующими после *д*, подобно тому, как таковое ограничение имеет место по отношению к показателю *в*.

В даргинском языке во многих случаях наблюдается выпадение гортанных согласных *гI, хI, гь, ѓ* (гамза).

В акушинском наблюдается выпадение надгортанниковых *гI* и *хI* в наречиях и т. п.:

хъайгIи и *хъайи* «домой» (*хъали* «дом»)

бахъхIи и *бахъи* «долго»

цархIил и *царил* «другой»

ишбархIи и *ишбари* «сегодня»

В акушинском диалекте гамза (*ѓ*) почти везде редуцировалась в то время, как в урахинском она сохранилась как фонема:

Урах.

байѓ

кIиѓна

но: *ниѓ*

диѓ

Акуш.

бай

кIина

ниѓ «молоко»;

диѓ «мясо»;

миѣ
маѣмаѣ

миѣ «лед»
маѣмаѣ «заикание»

В левашинском говоре акушинского диалекта звуки *гI* и *хI* отсутствуют. В этом говоре *гI* перед гласными *и, у, е* выпало, а после гласного перешло в *ѣ*; что касается *хI*, то в этом говоре этот звук заменен гортанным *гь*:

Акуш.
гIемс
гIинц
гIехIен
вегI
дугI
шулагIи
хIу
хIули
хIеркI
хIе
гехIел

Леваш.
имс «мышца»
инц «яблоко»
эгьен «нет, не есть»
веѣ «хозяин»
дуѣ «вон, прочь»
шулѣи «около»
гьу «ты»
гьули «глаз»
гьеркI «река»
гье «кровь»
гегьел «8», и т. д.

АССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Ассимиляция согласных наблюдается главным образом в отношении звуков сонорных *р, л, н, м*, и отчасти между звуком *б* и сонорными *н, м*. В акушинском диалекте наблюдается лишь регрессивная ассимиляция между *р* и *л*: *мар* «правда» — *марли* «правдиво, правильно» (произносится *малли*).

✓ *кьар* «трава» — *кьарли* (*кьалли* эргатив).

Звукосочетание *рл* подвергается ассимиляции не только в пределах одного и того же слова, но и на стыке двух слов, например:

кьар лакIдарес «обмотать травой» (произносится: *кьал лакIдарес*).

Ассимиляция *рл*, дающая *лл*, наблюдается не только в исконно даргинских словах, но и в новых заимствованиях:

тракторла (слышится: *трактолла*)

секретарьли (слышится: *секретальли*) и т. д.

Что касается сочетания *лр*, то в акушинском диалекте эти звуки друг другу не ассимилируются:

лявкьули «идя» — *лявкьулла* «я иду», *чебиули* «видя» — *чебиулри* «ты видишь»

кьял «корова» — *кьялра* «и корова».

В урахинском же диалекте *р* ассимилируется звуку *л*, стоящему перед ним, например:

ливкьвяли «идя» — *ливкьвялла* «я иду»

кIвелла «оба» (из *кIвелра*)

Иначе обстоит дело в муиринском и кубачинском диалектах. В муиринском диалекте из *р* и *л* ассимилирует тот звук, который стоит (регрессивная ассимиляция):

рл—лл;

лр—рр;

Например: *малли* (из *марли*) «правда»; *багьулли* (из *багьурли*) «узнав»; *ливкьвярра* (из *ливкьвялира*) «иду»; *виклурра* (из *виклулира*) «говорю».

В кубачинском *рл* дает *рр*: *Глямарри* (эргат. от *Глямар* «Омар»).

В урахинском диалекте имеется регрессивная ассимиляция на расстоянии: звук *л* ассимилирует здесь *р*, стоящий перед согласным, за которым следует *л*:

аръ «черенок» — *алъла* (родит. п.)

хларъ «комар» — *хлалъла* (родит. п.)

урхI «люди» — *улхIла* (родит. п.)

хларкI «река» — *хIалкIла*

бирхIа «желтый» — *билхIли* (нареч.)

варх «вместе» — *валхли* и *вархли* (нареч.);

Ассимиляция на расстоянии наблюдается и в губденском диалекте между *м* отрицательного префикса *ма* и классным показателем *-б-*, идущим за отрицательным *ма*:

лайбакIа «брось» — *лаймамикIа* «не бросай»

бара «сделай», *бирид* «сделаешь» — *мамири* «не делай».

Ассимиляцию на расстоянии мы встречаем также в словах:

жууж (муг.) из *жуз* «брошюра, книжка»

шалбар «шаровары» (акуш.) — *шарбар* (муг.)

Регрессивная ассимиляция *рл* характерна для всех диалектов не цудахарской группы. Что касается цудахарской группы даргинских диалектов, в частности цудахарского диалекта, то здесь между *р* и *л* ассимиляция вообще не происходит и они сохраняются без всяких изменений:

марле «действительно, правильно», *кьарле* «травой» и др.

В цудахарской группе диалектов мы имеем прогрессивную ассимиляцию в звукосочетании *нл*, где *н* ассимилирует последующий *л*:

щин «вода» — родит. *щинна* (из *щинла*)

Ленин — эргат. *Ленинни*

инсан «человек» — родит.: *инсанна*

хIяйван «скотина» — *хIяйванна* и др.

Подобную ассимиляцию мы наблюдаем и в урахинском диалекте:

ааклун «родился» — *ааклунна* «с тех пор, как родился» (из *аклунла*).

В урахинском диалекте подвергается ассимиляции звукосочетание *нр*:

билклун «он написал» — *билклунна* «я написал» (из *билклунра*).

ааклун «родился» — *ааклунна* — «я родился»

унна «сосед» — (акуш. *унра*)

Что касается звуко сочетания *лн*, то здесь в настоящее время ассимиляции не наблюдается ни в одном диалекте, но такая ассимиляция в звуко сочетании *лн* имеет место в «окаменелой» форме составных числительных от 31 до 99;

хІябцІали «30» — *хІябцІанну цара* «31»

авцІали «40» — *авцІанну шура* «45».

Звуко сочетание *бм* слышится, как *мм*: звуко сочетание *нб* слышится, как *мб* (регрессивная ассимиляция):

хІяб «три, тройка» — *хІябмузан* «треугольник» (слышится: *хІяммузан*).

вакІиб «пришел» — *вакІибмад* «как только пришел» (слышится: *вакІиммад*) и др.

В урахинском диалекте наблюдается еще другой вид ассимиляции, где *нд* дает *мм*:

къяна «ворона» — *къявмми* (м. ч., акуш. *къянби*)

хъяни «дуб» — *хъявмми* (мн. ч.; акуш. *хъянби*)

кванъи «сундук, ларь» — *квумми* (мн. ч., акуш. *квунби*)

бамма «вата» (акуш. *бамба*) и др.

ДИССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Ярко выраженная диссимилиация согласных наблюдается в цудахарском диалекте, где *р*, *д*, *л* в положении перед *р* переходят в *н*:

Мажид (имя) — *Мажинра* «и Мажид»; *АхІмад* (имя) — *АхІманра* «и Ахмед» и др.

чІвел «два» — *чІвенра* «оба»;

квяял «корова» — *квяянра* «и корова»;

ванри «верблюд» — (акуш. *валри* «урах. *валли*)

гІур «потом» — *гІунра* «еще»;

мар «правда» — *манра* «и правда»

В акушинском диалекте имеется своеобразное явление диссимилиации: показатель множественности *луми* после *л* основы принимает форму *руми*:

кзала «крепость» — *кзалруми* (урах. *кзаллуми*).

ула «сито» — *улруми* (урах. *уллуми*)

квала «кусок» — *квалруми* и *квалми* (урах. *квулми* и *кваллуми*).

Наконец имеются в даргинском языке явления, напоминающие диссимилиацию на расстоянии: один из двух *р* или двух *н* переходит в *л*:

билзин «бензин»;

зарал «вред, ущерб» (из *зарар*)

кваркъала «тело» (из *кваркъара*)

Губдел «Губден» — *губделан* «губденец» (в произношении отдельных лиц: *губденан*).

МЕТАТЕЗА

В литературном диалекте метатеза особой роли не играет. Здесь мы наблюдаем лишь факультативную перестановку звуко сочетаний *бр*, *бл* и др. Если сопоставить слова отдельных диалектов между собою, то мы здесь находим ряд слов, где происходит перестановка звуков.

Приводим различные примеры метатезы:

Ирбагъин Ибрагъим (имя муж.)

хІяб «могила» — *хІярби* (мн. ч.)

Жирбаил (цухах.) — *Жабраил* (имя муж.)

Илбис, — *иблис* «сатана»;

абзар, — *азбар* «двор»

чурук (бутр.) — *чукур* (*чукурбарес* «собрать»)

агъзин (муг.) — *азгъин* (акуш.) «ленивый»

диванхана (муг.) — *диванхана* «присутствие, суд»;

махсара (муг.) — *масхара* (акуш.) «шутка»;

ябсан (муг.) — *янсав* «порох»

шакият (муг.) — *шикаят* «жалоба»

УДАРЕНИЕ

Вопрос об ударении в даргинском языке еще совершенно не изучен. «Законы даргинского ударения... дело еще предстоящих работ» — писал Л. И. Жирков в 1927 году, в своей грамматике даргинского языка, Г. Ш. Гаприндашвили, исследовавший цухахарский диалект, в своей статье «Фонетические особенности цухахарского диалекта» (Сборник «Языки Дагестана», изд. Даг. Базы АН СССР, Махачкала, 1948 г., стр. 108—136) ничего не говорит об ударении, хотя ударение в этом диалекте выражено довольно ярко и своими законами и особенностями резко отличается от ударения в диалектах акушино-урахинской группы, с которыми автор названной статьи сравнивает цухахарский диалект в отношении фонетических особенностей.

Поэтому в этом разделе грамматики, можно сделать лишь первую попытку изложения законов и особенностей ударения в даргинском языке.

Характерной особенностью ударения в даргинском языке является то, что оно акустически слабо выражено, мало заметно; в акушинском и урахинском диалектах иногда даже трудно установить, на каком слоге стоит ударение. Определение ударения в урахинском диалекте осложняется и тем обстоятельством, что этот диалект изобилует долгими гласными. Что же касается акушинского диалекта, то между говорами различных селений существуют различия в ударении.

Иначе обстоит дело в диалектах мекегинской и цухахарской групп. В диалектах мекегинской группы ударение

выражено яснее, чем в диалектах акушино-урахинской группы, хотя оно и здесь не имеет ни словообразовательных, ни словоизменительных функций. Представители этих диалектов никогда не сомневаются в том, на каком слоге стоит ударение, которое здесь почти всегда находится на втором слоге от начала слова.

Яснее всего ударение выражено в диалектах цудахарской группы. В частности, в самом цудахарском ударение выражено настолько ясно, что любой представитель этого говора без колебания скажет по поводу любого слова, где стоит ударение. Такое положение объясняется тем, что ударение в этих диалектах играет определенную роль и в словообразовании, и в словоизменении. Ударение в диалектах цудахарской группы бывает не всегда на первом слоге, как в акушино-урахинской группе и не на втором от начала, как в диалектах мекегинской группы, а на различных слогах; оно передвигается с одного слога на другой, в зависимости от формы и значения слова.

Такая отчетливость ударения в диалектах цудахарской группы помогает нам разрешить вопрос об ударении и в акушинско-урахинских диалектах, так как в обеих группах диалектов имеется много общих слов, отличающихся лишь местом ударения. Приведем примеры:

Акушинское произношение

та'вра «сумка»
ба'гьур «знал»
у'рчи «лошадь»
у'рши «сын»
ру'рси «дочь»
ва'ргьи «бурка»
у'нра «сосед»
та'бтар «книга»

Мугинское произношение

тавра'
багьур'
урчи'
урши'
рурси'
варгьи'
унра'
табта'р и др.

Урахинское произношение

би'лкун «написал»
ба'гьур «узнал»
бу'риб «сказал»

Нижнемулебкинское произношение

билкун'
багьур'
буриб'

В акушино-урахинской группе диалектов и в диалектах мекегинской группы ударение имеет постоянное место: первый слог в акушино-урахинской, и второй — в мекегинской группе, с незначительными отклонениями.

В диалектах цудахарской группы от смены места ударения изменяется и значение слова, чего нет в других диалектах:

са'бухьун «подался вперед» — сабу'хьун — «побежал сюда»

ва'чи'иб «пришел» — ва'чи'б адим «человек, который пришел»

гIя'йкку «не люблю» — *гIяйкку'* *душман* «не любимый, враг»

че'ббатиз «скинуть» *чеб ба'тиз* «оставить наверху»

ба'кIри «нарыв» — *бакIри'* «приход»

да'сни «клей» — *дасни'* «наклеивание»

Необходимо отметить, что в даргинском языке ударение имеют не все слова. В служебных словах, сочетающихся с самостоятельными словами и в утвердительной связке *саби, сари* «есть» и т. д. ударение отсутствует. Что же касается отрицательной связки *ахIен* «нет, не есть», то она всегда несет на себе ударение. Некоторые слова употребляются и в функции самостоятельного слова, и в функции служебного слова, во втором случае они теряют ударение.

Самостоят. слова

и'ли «так скажи» (*и'ли* — наречие)

са'би ба'кIиб «сами пришли»

кьацI би'алли «если будет хлеб»

се'кIал агара «нет ничего»

илди ишаб би'ри «они находились здесь (*би'ри* — сказуемое)

Служебн. слова

ваши или а' «скажи, иди» (*или'* частица)

иш та'бтар саби «это есть книга»

кьа'цI биалли «что касается хлеба»

ча'й секIал агарав? «нет ли чая или чего-нибудь подобного?» (*секIал* — частица)

нушала учительти илди бири «наши учителя были они (*бири* — связка).

Отсутствие ударения на служебных словах в сочетании их с самостоятельными словами объясняется тем, что служебное слово, дополняя предыдущее самостоятельное, как бы сливается с ним в единое целое с одним ударением.

Наряду с безударными словами в даргинском языке часто наблюдаются сложные слова с двумя ударениями. Например, слово *та'манбиуб* «закончился» имеет одно ударение, а отрицательная и вопросительная форма этого глагола имеет два ударения — *та'манхIе'биуб* «не закончил», *та'манбари'бу!* «закончил ли?»

Это относится почти ко всем диалектам, в том числе и к цудахарскому.

Дав общее представление об ударении в даргинском языке, мы остановимся на особенностях ударения в отдельных диалектах. Начнем с ударения в акушинском (литературном) диалекте.

Как мы уже говорили, ударение в этом диалекте всегда стоит на первом слоге слова за некоторыми исключениями. Ни при словоизменении, ни при словообразовании ударение не меняет своего места.

ду'деш «отец», *дудешла* «отца», *ду'дешдеш* «отцовство»,
ду'дешуни «отцы».

ахъли «высоко», *ахъси* «высокий», *ахъдеш* «высота»,
ва'клиб «пришел», *ва'клибси* «пришедший», *ва'клили* «при-
ходив», *ва'клини* «приход».

Исходя из этого положения, можно сказать, что ударение в акушинском диалекте служит для выделения слова во фразе. Но кроме этой основной функции, ударение выполняет функции логического ударения. Это видно из того, что изменение смысла предложения — при вопросе, отрицании, запрете — ударение переходит на следующий слог или же слово приобретает еще одно ударение, стоящее на отрицательном (или запретительном префиксе при отрицании или запрещении, или на втором слоге простого глагола при вопросе.

В отрицательных и запретительных формах глагола ударение всегда стоит на показателе отрицания или запрещения:

ва'клис «прийти» — *хе'клис* «не прийти»
че'баэс «увидеть» — *чехле'баэс*
ле'хлахъес «послушать» — *лехлахе'хъес*
хе'рэс «посмотреть» — *хлерхле'эс*
у'бихъес «подложить» — *ухле'бихъес*
ка'бикес «упасть» — *кахле'бикес*
хле'ръа «посмотри» — *хлерма'йрид* «не смотри»
ка'са «бери» — *кама'йсид*

Если глагол является сложным, состоящим из именной части со своим ударением или состоит из простого глагола и продуктивного префикса места, то в этом случае глагол будет иметь два ударения — одно на показателе отрицания или запрещения, другое на именной части или префиксе:

та'манбарес «закончить» — *та'манхле'барес* «не закон-
чить»

ни'криухъес «подумать» — *ни'крихле'вхъес*
че'дишкес «победить» — *чехдихле'йкес*
гъа'лабикес «опередить» — *гъа'лахле'бикес*
та'манбара «кончай» — *та'манма'бирид* «не кончай»
ни'кримара «подумай» — *ни'крима'бирид*

В вопросительной форме ударение стоит на втором слоге с начала слова:

Утвердительн.

леб «имеется»
сай «(он) есть»
ахлен «не есть, нет»
саби «есть»
ваклиб «пришел»
бициб «продал»

Вопросит.

лебу'? «имеется ли?»
саю'?
ахле'ну?
саби'в?
вакли'бу?
бици'бу?

В сложном глаголе с именной частью со своим ударением и в глаголе с продуктивным префиксом места при вопросе ударение стоит и на именной части или префиксе, и на втором слоге собственно глагола, как при отрицании:

та'манбиу'бу? «закончено ли?»

ни'крибари'бу? «придумал ли?»

гьа'лабики'бу? «определил ли?»

Когда глагол в вопросительной форме сопровождается вопросительным местоимением, ударение остается на первом слоге, но теряет свою силу:

вя'кьунра «(я) посетил» — *чи'на вя'кьунри?* «Куда ходил?»

бе'аклун «написал» — *се'белклуна?* «что написал?»

Если вопрос состоит из двух вопросительных форм — положительной и отрицательной с отрицанием *хIе* (*хIя*) или *ахIен*, то ударение переходит на второй слог лишь в той вопросительной форме, которая стоит первой.

саби'в, ахIе'ну? «да или нет?»

барри'в, хIе'барри? «сделал или не сделал?»

Если же одна форма вопроса состоит из глагола *агара* или обе формы положительные или обе отрицательные, то ударение в обеих формах остается на своем обычном месте, то есть на первом слоге:

ле'бу, а'гарав? «есть или нет?»

кьача бе'бкIибу, би'цирив? «телка сдохла или продали?» (ср.: *лебу?* *ага'рав?* *бeбкIи'бу?* *би'ци'рив?* — при отдельном употреблении каждого слова):

Наблюдаются и другие случаи отклонения от общего правила перехода ударения при вопросе на второй слог, например, в вопросительной форме в значении приветствия, что часто бывает в даргинском языке:

ве'лхIунрив? «проснулся ли?» т. е. «с добрым утром»,

ва'кIирив? «пришел ли?» т. е. «с приходом» или «с приездом».

Тоже самое необходимо сказать и о функции ударения как в урахинском диалекте, так и в мекегинской группе диалектов.

Ударение, выделяя слова во фразе, может служить, как было упомянуто выше, надежным признаком слияния отдельных слов в одно сложное слово. При слиянии двух слов второе слово теряет ударение, например:

ба'рес «сделать» — *та'манбарес* «закончить»

ду'хъес «выйти» — *хIя'здухъес* «понравиться»

у'хъес — *ни'криухъес* «подумать»

ви'кес — *че'дишкес* «победить»

бу'цес «держатъ» — *а'хъбуцес* «поднять»

бу'хес «поднести» — *а'рбухес*

ахъ (неоформленное прилагательное), «высокий»; *ду'бур* «гора» — *а'хъдубур* «высокая гора»

гя'ргя «курица», *да'гъа* «петух» — *гя'ргядагъа* «домашние птицы»;

В приведенных выше примерах отдельные слова, если судить по ударению, сливаются в одно слово, хотя некоторые из них в даргинском письме пишутся отдельно.

То, что сочетания типа *му'рул адам*, *хьу'нул адам*, *а'хъдубур* и др. являются сложными словами, а не сочетаниями определения с определяемым видно из того, что такие определения, являющиеся неоформленными прилагательными или существительными, не могут отвечать на вопрос определения *сегъуна?* «какой», *чиди?* «который». При постановке вопроса к таким определениям: какой человек?, какая гора? — приходится отвечать или определением вместе с определяемым, или же оформленным прилагательным от этих же основ (*му'рул адам* или *му'рулси*, *хьу'нул адам* или *хьу'нулси*, *а'хъдубур* или *а'хъси*).

Но ударение как показатель слияния двух слов для решения подобного вопроса пригодно не всегда. В даргинском языке первая часть сложного слова, даже продуктивный префикс места, может обособляться. Тогда сложное слово произносится с двумя ударениями.

Это мы наблюдаем, когда между обеими частями сложного глагола вставляются посторонние слова или к именной части ставится определение:

та'манра ба'рес ба'рхъра ба'рхъес «и закончить и отправить»;

ти'крира ба'рес, бе'лк'ира бе'лк'лес «и подумать и написать»;

та'ман къалли ба'рра, амма... «закончить-то закончил, но...»;

В связной речи в акушинском и других диалектах наблюдается еще ударение долготы последнего слога слова, связанного по смыслу со следующим словом или словами.

Например, когда мы перечисляем слова *у'зи, ру'зи, са'ри*, — ударение слышится на первых слогах. Если же эти слова мы включим в связную речь и скажем: *ру'зи хъайг'ир сари, у'зи х'янчилав сай* «сестра дома, брат на работе», то вместе с силовым ударением, слышимым на первых слогах, мы слышим и долготу последних слогов в словах *рузи, сари, узи*.

Когда мы говорим *ну ва'к'ира* «я пришел», ударение слышится в слоге *ва'*; если же скажем: *ну ва'к'ира', Али арякъун* «я пришел, а Али ушел, ударение будет слышно и на *ра'*.

Перейдем к вопросу об ударении в диалектах цудахарской группы. В отличие от акушино-урахинского типа диалектов, в диалектах цудахарской группы ударение может быть как на первом, так и на втором слоге от начала слова:

Акушинск.*а'нкIи* «пшеница»*чIя'нкIи* «материя»*ма'за* «овца»*у'рчи* «лошадь»*ва'лри* «верблюды»*буг'а* «бычок»*у'риши* «сын»*ру'рси* «дочь»**Цудах.***а'нчи* (ударение на первом слоге)*чIя'нчи**ма'цца**урчи'* (ударение на втором слоге)*ванри'**буг'а**урици'**рурсси'*

В ряде слов, в частности, в сложных словах, в именах людей, — ударение встречается и на третьем, на четвертом и т. д. слогах:

каби'чиб «упал» — *кабика'х'чиб* «уронил, свалил».*к'гала'баичиб* «поспешил»*зими'зала* «муравей» — *зимизле'* (мн. ч.)*хIя'аквар* «бесстыжий» — *хIя'кварди'хь* «бесстыдство»*агIни'ах'гала* «утварь» — *агIних'гале'* (мн. ч.)*Разия'т* (жен. имя)*МухIямма'д* (муж. имя)*гIябаси'* «20 коп.»*зулмука'р* «тиран, угнетатель»*жаг'анна'б* «ад»*хIярака'т* «старание».

В каких именно словах ударение стоит на первом слоге, установить для цудахарского диалекта пока удается не всегда, тем не менее известно следующее:

В двусложных прилагательных и наречиях, в глаголах двусложной основы, в простых двусложных числительных (*хIя'бал* «3», *хьу'вал* «5», *кке'хIел* «8», *ве'цIал* «10», *да'рщал* «100») ударение стоит на первом слоге:

ах'се «высокий»*вя'се* «плохой»*а'хIсе* «хороший»*цIа'к'се* «сильный»*ах'ле* «высоко»*вя'ле* «плохо»*а'хIле* «хорошо»*цIа'к'ле* «сильно»

бе'лкIун «написал», *бе'лчIвиз* «написать», *лу'кIара* «напишет»

бе'лкIанне «если напишет», *бе'лкIунне* «написав», *бе'лкIунк'валле* «когда написал» и т. д.

Если прибавить к двусложной основе положительного глагола без отрицательного или усилительного префикса односложную именную часть или продуктивный префикс места, то ударение опять будет стоять на первом слоге, т. е. на именной части или префиксе:

гу'рух'зис «освободиться»*че'бух'зис* «напасть»*кья'вижиз* «посмотреть»

ле'хIахъиз «нослушать»
гIа'ищициз «остановиться»

Но:

гукаби'уциз (усил. ка)
гугIяби'уциз (отриц. гIя)

Что касается существительных, то двусложные простые существительные с гласным исходом, частью имеют ударение на втором слоге, частью на первом. Пока не удастся установить, в каких именно существительных ударение стоит на первом слоге. Можно отметить лишь то, что двусложные существительные с гласным исходом имеют ударение на первом слоге.

Кроме того, в производных существительных с окаменелыми суффиксами *ни* и *ри* ударение стоит на первом слоге:

да'сни «клей» (от *дассиз* «склеить»)
да'хри «ум, опыт» (от *дахвиз* «узнать много»)
гьа'хъри «сила возможность» (от *гьахъиз* «справиться»)

Число существительных с ударением на первом слоге этим не исчерпывается. Встречаются и другие производные, в частности, сложные, существительные с ударением на первом слоге, например:

си'кIал «вещь» (от *си?* «что»)
чи'кIал «лицо, человек» (от *чи?* «кто»)
ва'яxI «вещи» (от *вай* «зло», плохое *axI* «добро хорошее»)
су'къаьбари «горло» (от *сус* «пишевод», *къаьбари* «гортань»)
да'ркмах «внутренности»
пя'лпялак «осина» и некоторые другие.

В диалектах цудахарской группы двусложные слова с гласным исходом по ударению отличаются как от двусложных с согласным исходом, так и от слов с количеством слогов более двух.

В двусложных именах с гласным исходом при склонении ударение с первого слога переходит на второй, если имя означает живое существо, например:

кку'ртта «лиса» — *куртта'ла* (род. пад.), *ккуртта'з* (дат.);
ва'ца «мышь» — *ваца'ла* (род.), *ваца'ле* (эрг.), *ваца'з* (дат.);
кке'чба «козленок» — *ккечба'ла* (род.), *ккечба'з* (лат.);
кка'та «кот, кошка» — *кката'ла*, *кката'з*.

Из этого правила исключаются:

би'къри «свидетель» — *би'кърилла*, *би'кърилиз* (ударение не сдвигается). Из неодушевленных предметов под это правило подходит слово *ва'цIа* «лес», *вацIа'ла*, *вацIа'з*. (ударение переходит).

Слово *ма'цца* «овца» употребляется и в собирательном значении в значении «о'вцы». Когда подразумевается одна овца, то слово *ма'цца* подчиняется вышеизложенному правилу

и ударение в косвенных падежах стоит на втором слоге, в собирательном же значении ударение остается на первом слоге:

мацца'ла ккули «овечья шкурка»

ма'ццала буклун «чабан» (букв.: пастух овец).

В цудахарском диалекте передвижением ударения к началу слова образуется звательная форма:

ттутте'иш «отец» — *гвей, тту'ттеш!* «эй, отец!»

уцци' «брат» — *гвей, у'цци!* «эй, брат!»

Мухлямма'д «Магомед» — *гвей, Мухля'ммад!* «эй, Магомед!»

Исключения составляют сложные имена, как *Аликьурбан* «Али-курбан», *Хляжиали* «Гаджи-Али», *Кьурбанмухляммад* «Курбан-Магомед» и др., в которых ударение не переходит на другой слог.

В косвенных падежах склонения с внутренней флексией вообще ударение с первого слова переходит на второй: *хъа'ли* «дом, комната», — *хъули'* «домой, в комнату», *хъули'в* «дома»; *гля'мзи* «угол» — *глямза'ни* «в угол»; *а'нкъи* «очаг» — *анкъа'ни* «в очаг».

При образовании множественного числа ударение переходит на суффикс множественности:

ади'м «человек» — *адимте'*

хляйва'н «скотина» — *хляиванте'*

колхо'з «колхоз» — *колхозуне'*

тра'ктор «трактор» — *тракторте'*

учи'тель «учитель» — *учительте'*

Исключение составляет суффикс *хъали*, образующий специфическое множественное число собственных имен: здесь ударение на суффикс множественности не переходит:

АхИма'д «Ахмед» — *АхИма'дхъали* «Ахмедовы» (Ахмед с его семьей или с товарищами).

Али' «Али» — *Али'хъали* «Алиевы».

В цудахарском диалекте перенесением ударения на следующий слог от глагола образуется «неоформленное» причастие:¹

ва'чиб «пришел» — *вачли'б ади'м* «пришедший человек»;

гля'йикку «не люблю» — *гляйкку' душма'н* «нелюбимый» (ненавистный) враг».

икку' «люблю» — *икку' уцци* «любимый брат» и др.

При образовании имени от глагола (отглагольное существительное, причастие), посредством продуктивных суффиксов ударение передвигается с первого слога к концу слова: на предпоследний или на последний слог (т. е. на суффикс).

¹ Это причастие мы условно называем неоформленным, так как в нем нет суффикса причастия, на самом же деле оно оформлено именно перенесением ударения.

Отглагольные существительные:

ва'чииз «прийти» — *ва'чни'* «приход»
ле'хлахъиз «молчать, слушать» — *ле'хлахъри'*, *ле'хлахъни*.
ба'хахъиз «дать узнать» — *бахахъни* и *бахахъри'*

Причастия:

ва'кла'й, *ра'чи'бсе* «пришедший»

баха'й, *баху'рсе* «знавший»

ле'лихъа'н «слушающий»

Формы именного образования:

ду ва'кла'ра «до моего прихода»

баха'ра «до узнавания»

ва'чи'бматтал, «как только пришел»

баху'рматтал «как только узнал»

Как видно из примеров, ударение стоит на суффиксах *ни*, *ри*, *ай*, *ара*, *ан*; при остальных суффиксах ударение стоит на втором слоге от конца слова.

Формы *ва'кла'ра*, *баха'ра* соответствующие акушинским *ва'кла'йчи*, *багъайчи*, урахинским *ва'кла'раши*, *багъараши*, в даргинской грамматике рассматриваются как наречно-депричастные. Повидимому, они имеют именное происхождение, и являются направительными падежами отглагольного имени.

Форма *ва'чи'бкъвалле* «когда пришел» также происходит от причастия и послелога *къвалле* со значением «когда», но в этом случае в цудахарском диалекте почему-то ударение на следующий слог не переходит:

ба'хур — *ба'хуркъалле* «когда узнал»

гъа'йцур — *гъа'йцуркъалле* «когда встал»

В простом глаголе (без продуктивного префикса места) ударение стоит на втором слоге от конца слова (на первом, на втором или третьем от начала слова):

би'чиб «попался»

каби'чиб «упал»

чиба'жиб «увидел»

чег'яба'жиб «не увидел»

Если к такому глаголу прибавить именную часть или продуктивный префикс места, то ударение переходит в именную часть или префикс:

ни'крибаркъиз «подумать»

т'лала'ббаркъиз «подыскать, потребовать»

ле'хлахъиз «послушать, замолчать».

сала'ичиз «опередить».

Глагол *та'манба'ркъиз* произносится двояко: с одним ударением на именной части *та'ман* и с двумя ударениями — на именной части и на самом глаголе *ба'ркъиз*.

Переход ударения на именную часть глагола или продуктивный префикс имеет место лишь в том случае, когда сам

глагол состоит из двух слогов без отрицания и без усилительного префикса *ка*. В противном случае, т. е. если глагол имеет при себе отрицание, усилительный префикс *ка*, или он состоит более чем из двух слогов, то ударение остается на глаголе. При этом именная часть или префикс в свою очередь может иметь свое ударение (если они состоят из двух или более слогов). Тогда глагол будет иметь два ударения, причем первое ударение слабее второго, глагольного:

пи'крибаркьиз — *пикриг'яба'ркьиз* «не думать» (отрицание)

т'лала'ббаркьиз — *т'лалабг'яба'ркьиз*

сала'ичиз — *салака'йчиз*

тила'баркьиз «попросить» — *тилабаркьибиг'* (вопросит. форма).

Исключение составляет каузатив с суффиксом *ахъ*, в котором, несмотря на наличие в глаголе более двух слогов, ударение стоит на именной части или продуктивном префиксе места:

пи'крибаркьиз — *пи'крибаркьахъиз* «заставить подумать»
белк'ла'хъун «заставил написать», *белк'ла'хъунда* (1 л.),
белк'ла'хъунде (2 л.), *лук'ла'хъад* (буд. 1 л.), *лук'ла'хъатте* (2 л.), *лук'лахъара* (3 л.).

Если от каузатива образовать имя посредством суффиксов *ни*, *ри*, *ай*, *ара*, *ан*, — то ударение будет не на суффиксе *ахъ*, а на этих суффиксах: *белк'лахъни'*, *белк'лахъри'*, *белк'лахъа'й*, *лук'лахъа'н*.

При образовании имени продуктивными суффиксами *ла*, *дихъ*, *кан*, *лан*, *ан* и др., ударение всегда передвигается к концу слова; при суффиксе *ла* — на второй слог; при суффиксе *дихъ* тоже на второй слог, или на самый суффикс, при суффиксах *кан*, *лан*, *ан*, *чи*, на эти суффиксы:

гу'тти «вниз» — *гутти'ла* «низ»

че'тти «вверх» — *четти'ла* «верх»

г'е'лли «назад» — *г'ела'ла* «зад»

ади'м «человек» — *адимди'хъ* «человечность»

ах'л (основа) — *ах'лди'хъ* «добро»

умзу' (основа) — *умзуди'хъ* «чистота»

Ахъу'ца «Акуша» — *ахъуца'н* «акушинец».

Лаваша «Леваши» — *лавашака'н* «Левашинец»

туке'н «лавка» — *тукенчи'* «лавочник»

дала'й «песня» — *далайчи'* «певец»

къала'й «олово» — *къалайчи'* «лудильщик»

Нужно отметить, что не все закономерности ударения цудахарского диалекта, изложенные выше, применимы к ударению в других диалектах этой группы. Например, образование звательного падежа посредством передвижения ударения к началу слова является отличительной чертой лишь цудахарского говора.

МОРФОЛОГИЯ

КЛАССЫ И КЛАССНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ.

Во всех разделах грамматики даргинского языка приходится иметь дело с классными показателями. Поэтому мы сразу же познакомимся с ними.

Как известно, горские языки Дагестана отличаются тем, что имена существительные в них делятся на несколько классов, причем каждому классу присущ свой особый классный показатель. Классные показатели выступают в речи в грамматических формах некоторых падежей, именах прилагательных, глаголах и наречиях. При этом согласование по классным показателям в составе целого предложения указывает на грамматическую связь слов членов предложения между собою.

Число классов в различных дагестанских языках различно. В даргинском языке имеются три грамматических класса и четыре классных показателя, которые выражают формы того или другого рода (мужского, женского и среднего) и отличают множественное число от единственного.

Классные показатели даргинского языка следующие:

- в — мужского рода
- р — 1) женского рода, 2) мн. числа
- б — 1) среднего рода, 2) мн. числа
- д — множественного числа

узи лев, «брат есть»;
рузи лер «сестра есть»;
урчи леб «лошадь есть»;
шин диха «дай воды»;
узби леб «братья есть»;
рузби леб «сестры есть»;
кьули лер «коровы есть»;
г'иници диха «дай яблоки».

В отдельных диалектах перед *и* и *е* показатель муж. класса -в- чередуется со звуком *й*: *виклулра* «говорю» (акуш.) — *йиклулада* (бутр.); *в-ебклуб* «умер» (акуш.) — *йебклуб* (мекер).

Классные показатели во мн. числе в даргинском языке различны не только по классу существительного, но и смотря по тому, к какому лицу относится слово, снабженное клас-

сным показателем: множ. число 1 и 2 лица выражается показателями -д- (в начале слова) и -р- (в середине и конце слова).

нуша даклира «мы пришли»,
хлуша даклирая «вы пришли»,
нуша лерра «мы присутствуем»
хлуша леррая «вы присутствуете»
нуша дахъалра «нас много»;
хлуша дахъалрая «вас много».

В первых двух лицах во мн. числе все классы совпадают по классному показателю -д-. Что касается 3-го лица, то здесь имена, обозначающие разумные существа, отличаются от неразумных. Мн. число мужчин и женщин (т. е. разумных) здесь в 3-м лице выражается классн. показателем -б-, а мн. число — неразумных — классн. показателем -д- (в начале) и -р- (в середине и в конце слова).

адамти баклиб «люди пришли»
хляйванти даклиб «скотины пришли»,
адамти леб «люди присутствуют»,
хляйванти лер «скотины имеются».

В даргинском языке, как видно, мужчины и женщины различаются по классу только в единственном числе, во множественном же числе они одинаковы по классу.

К мужскому классу относятся люди мужского пола и названия частей мужского тела, если они содержат в себе кл. показатель: -в-: *в-яхI* «лицо», *вай* «талия», *варг* «внутренность». К женскому классу относятся женщины и те же части тела, в названиях которых содержится в этом случае кл. показатель -р-: *ряхI*, *рай*, *рарг*.

Олицетворения существ воображаемых, мифических сказочных, в даргинском языке могут относиться, как к среднему, так и к мужскому и женскому классу. Примеры:

илбис леб «дьявол есть»
шайтан леб «шайтан есть»
жинд леб «демон есть»
бажук неш лер «баба-яга есть»
малаик лев «ангел есть».

Слово *дурхIя* «ребенок» может согласоваться по смыслу как в мужском, так и в женском классе:

дурхIя лев «ребенок (мальчик) есть»
дурхIя лер «ребенок (девочка) есть»

Когда слово *дурхIя* относится к детенышу животного, тогда оно согласуется по классу -б-: *дурхIя леб* «детеныш есть».

Говорят также *дурхIя леб*, когда неизвестно, какого пола ребенок, или когда для говорящих безразлично какого бы пола он не был.

В диалектах цудахарского типа классный показатель *-р-* выражает класс женщин, как в начале, так и в конце слова; классный же показатель *-д-* выражает множ. число. В отличие от акушино-урахинских диалектов, *-д-* здесь бывает как в начале, так и в конце слов: *Патимат раклиб*. «Патимат пришла» — *Патимат рачлиб* (цудах.); *лер* — *лед* (цудах.); *сари* — *саде* (цудах.).

Классные показатели *д, р*, как мы уже видели, показывают множественное число, но в даргинском языке существуют такие имена существительные, которые как бы приравниваются в классе к множественному числу. Таковыми являются некоторые названия жидкостей (*шин* «вода», *ниъ* «молоко», *нергъ* «суп»); сыпучих тел (*гъум* «песок», *глянжи* «земля», *хляса* «пыль»); (*цули* «зерно», *хъара* «горох», *мухъи* «ячмень») и др. При согласовании таких имен в един. числе вместо классн. показателя *-б-* употребляется *-д-*: *дахъал хъара* «много гороху».

Классный показатель *-д-* употребляется также при некоторых других именах: *тлама*, «голос», *биса* «плач», *дукелци* «смех», *уркеци* «жалость», *дуцрум* «лето», *хлеб* «весна», *дигаи* «любовь» и друг. В кайтагском и кубачинском диалектах круг таких слов, требующих *-д-* вместо *-б-* в единственном числе еще больше.

Здесь мы имеем дело с остатками прежнего четвертого класса имен. В даргинском языке имеется немало слов, говорящих о том, что в прошлом средний класс, т. е. класс неразумных существ, делился вообще на два подкласса, как и класс разумных (см. Абдуллаев «Что дает фольклор для изучения языка»).¹ Этим и объясняется наличие в современном даргинском языке четырех классных показателей.

Некоторые существительные в своей основе содержат классный показатель, причем этот показатель по классу может изменяться, т. е. и сейчас еще он является живым, или не изменяться (т. е. как бы «окаменелым»). Таковы слова:

узи «брат»; *рузи* «сестра»; *бузи* (употребляется в значении пары обуви и т. п.), в отношении потомка животного, однородного с другим животным; *урши* «сын»; *рурси* «дочь»; *узи-къар* «двоюродный брат»; *рузи-къар* «двоюродная сестра»; *барг* «середина», «внутренность» — *варг*, *рарг*, *дарг*; *вахI* «лицо» — *бахI*, *рахI*, *дахI*; *бай* «середина» — *вай*, *рай*, *дай*; *вегI* «хозяин» — *регI* «хозяйка»; *бегI* «обладатель» (говорится, например, о животном), *бегIти* «родители, хозяйева». Далее: *дег* «ток» (ср. *дергес*, *бергес* «молотить»); *дякъ* «проход» (ср. *дукъес*, *букъес*, *укъес* «итти»); *бутIа* «доля» (ср. *бутIес*, *утIес*, *рутIес* «поделить»); *дахъи* «рана» (ср. *дахъес*, *вахъес*, *бя-*

¹ Сборник «Языки Дагестана». Изд. Даг. фил. АН СССР, 1948; стр. 143—144.

хъес «ударить, ранить»); *бакъри* «нарыв» (букв. «то, что выступило»; ср. *бакъес, дакъес, ракъес, вакъес* «прийти») и др., в которых согласные *д, б, в, р* несомненно классные показатели).

Есть в даргинском языке и такие существительные, в составе которых мы имеем согласные *д, б, р*, т. е. мы можем подозревать здесь классные показатели: *дяхъцъи* «тень»; *дяхъи* «снег» (букв. «сырость», ср. в диалектах: *бямхъяхъес* «мочить»); *дукала* «подол»; *буреба* «иголка» (*бирбес* «шить»); *дугъи* «ремень, соединяющий ярмо с дышлом»; (ср. *дигъес, бигъес* «связать»); *дурхъля* и *дярхъля* «мальчик, сын»; *декъ* (мера длины около 50 см).

Некоторые производные существительные также содержат в своем составе классные показатели: *анъцъбукъ* «дело»; *баркъуди* «действие»; *багъуди* «знание»; *гъярбик* «треск»; *глерлугнаба* «подручный каменщика».

Выявление подобных окаменевших классных показателей в составе существительных несомненно имеет большое значение для разрешения многих вопросов даргинской лексики.

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ.

В даргинском языке имена существительные грамматически в некоторых отношениях различаются, с одной стороны, как названия существ разумных, с другой — как названия существ и предметов неразумных.

Следующие существительные обозначают разумные существа: *адам* «человек», *дудеш* «отец», *рурси* «девочка», *шинкъянкула* «мельник», *регъ* «хозяйка», *дурхъля* «ребенок», *бикъри* «свидетель», *уста* «мастер» и т. д. Наоборот, неразумные существа и предметы выражены такими именами: *урчи* «лошадь», *бецъ* «волк», *къаз* «гусь», *имиари* «муравей», *балихъ* «рыба», *юрт* «дом», *къям* «тарелка», *барда* «топор», *гъабзадеш* «храбрость», *дигай* «любовь»; *зубари* «звезда», *дирихъ* «облако», *гъум* «песок», *шин* «вода» и т. д.

С другой стороны в грамматике даргинского языка существует различие между именами существительными, обозначающими одушевленные, и другими — обозначающими неодушевленные предметы. Так обозначают одушевленные предметы: *адам* «человек», *дудеш* «отец», *рурси* «девочка», *шинкъянкула* «мельник», *регъ* «хозяйка», *дурхъля* «ребенок», *бикъри* «свидетель», *уста* «мастер». Наоборот, обозначают неодушевленные предметы: *юрт* «дом», *къям* «тарелка», *барда* «топор», *гъабзадеш* «храбрость», *дигай* «любовь», *зубари* «звезда», *дирихъ* «облако», *гъум* «песок».

С точки зрения классификации по классам названия одушевленных существ частью входят в число разумных, частью

В число неразумных. При склонении имен почти во всех диалектах даргинского языка имена одушевленных существ отличаются от неодушевленных. В урахинском диалекте, как это заметил уже Услар, родительный падеж ед. числа от названий одушевленных с гласным исходом имеет суффикс *ла*, а в названиях неодушевленных — долгий гласный. В урахинском диалекте мы имеем формы с одной стороны:

ада «отец» — *адала* «отца» (род. п.);
ваца «мышь» — *вацала* «мыши» (род.);
гата «кошка» — *гатала* «кошки» (род.)

с другой стороны неодушевленные:

гами «корабль» — *гамее* «корабля»;
галга «дерево» — *галгаа* — «деревя» (род.);
кзукзю «гром» — *кзукзъаа* «грома» (род.)

Исключение в урахинском диалекте составляют одушевленные: *урши* «сын» — *уршее* «сына»; *рурси* «дочь» — *рурсее* «дочери»; *дурхIя* «мальчик, сын» — *дурхIяя* и *дурхIвяла*.

Однако, при образовании эргатива в этом же диалекте имена разделяются не по одушевленности, а по разумности и неразумности. В названиях существ разумных с гласным исходом (если перед этим гласным не стоит звук *л* или *н*) эргативный падеж принимает суффикс *ан* (его варианты: *анн*, *ин*, *инин*, *уни*), который является показателем эргатива исключительно существ разумных. От имен, принимающих в эргативе именно этот суффикс, косвенные падежи образуются от основы именительного, в то время как от остальных имен — косвенные падежи, за исключением родительного, образуются от основы эргатива. Таким образом имеем от существительных, обозначающих разумные существа:

Имен. п.	Эргатив. п.	Направ. п.
<i>аба</i> «бабушка»	— <i>абаан</i>	— <i>абачу</i> «к бабушке»
<i>булиги</i> «лакец»	— <i>булигин</i>	— <i>булигичу</i> «к лакецу»
<i>юнку</i> «льстец»	— <i>юнкуун</i>	— <i>юнкучу</i> «к льстецу»
<i>ЧIянкIа</i> (имя муж.)	— <i>ЧIянкIаан</i>	— <i>ЧIянкIачу</i> «К Чанке»
<i>Муса</i> (имя муж.)	— <i>Мусаан</i>	— <i>Мусачу</i> «К Мусе»

Иначе образуются те же формы неразумных:

чIянкIа «палас» — *чIянкIали* — *чIянкIаличу* «к паласу»
муса «место» — *мусали* — *мусалици* «на место»

Исключение и в этом случае составляют те же слова: *урши* «сын», *рурси* «дочь», *дурхIвя* «ребенок» и слово *уста* «мастер». Они склоняются следующим образом:

урши — *уршили* — *уршиличу* «к сыну»
рурси — *рурсили* — *рурсиличу* «к дочери»

дурхІвя — *дурхІвяли* — *дурхІвяличу* «к ребенку»
уста — *устали* — *усталичу* «к мастеру».

Наоборот, *тази* «скакун» (казалось бы, неразумное) склоняется по-урахински наравне с разумными: *тази*—*тазилиин*—*тазичу*.

Так же обстоит дело с эргативом и в мекегинском диалекте, где мы имеем различие между суффиксом эргатива в названиях разумных и неразумных: для разумных *н*, для неразумных *ли* или *ни*.

Имен. п.		Эргат. п.
<i>Али</i> (имя муж.)	—	<i>Алин</i> ;
<i>ХІяжи</i> (имя муж.)	—	<i>ХІяжин</i> ;
<i>ада</i> «отец»	—	<i>адан</i> ;
<i>хІемхІе</i> «осел»	—	<i>хІемхІели</i> ;
<i>кьяца</i> «козел»	—	<i>кьяцали</i> ;
<i>маза</i> «овца»	—	<i>мазали</i> .

В губденском диалекте мы находим разницу в склонении не между разумными и неразумными, а между одушевленными и неодушевленными, т. е. так же, как и в акушинском и цудахарском диалектах. Названия одушевленных в местных падежах здесь принимают суффикс *чу* со значением «к» и *ке* со значением «на», а названия неодушевленных принимают лишь последний суффикс с обоими указанными значениями: *хІемхІе* «осел» — *хІемхІеличу* «к ослу», *хІемхІелике* «на осле»; *урчи* «лошадь» — *урчиличу* «к лошади», *урчилик* «на лошади»; *униц* «бык» — *уницичу* «к быку», *уницлик* — «на быке»; *Али* (имя муж.) — *Аличу* «к Али»; *Алик* «на Али»; *хЪали* «дом, комната» — *хЪайке* «к дому» и «на дом»; *галги* «дерево» — *галгик* «к дереву» и «на дерево»; *вацІа* «лес» — *вацІалике* «к лесу» и «на лес».

В акушинском диалекте между именами одушевленными и неодушевленными проводят различие в том смысле, что от названий одушевленных косвенные падежи образуются непосредственно от имен. падежа, в то время, как в названиях неодушевленных все косвенные падежи, за исключением родительного, образуются от основы эргатива.

Имен. п.		Эргат. п.	Направ. п.
<i>эмхІе</i> «осел»	— <i>эмхІени</i>	— <i>эмхІели</i>	«на осла»;
<i>гурда</i> «лиса»	— <i>гурдани</i>	— <i>гурдаци</i>	«на лису», «к лисе»;
<i>гІяра</i> «заяц»	— <i>гІярани</i>	— <i>гІяраци</i>	«на зайца», «к зайцу»;
<i>барда</i> «топор»	— <i>бардали</i>	— <i>бардаличи</i>	«на топор», «к топору»;
<i>кура</i> «лопата»	— <i>курал</i>	— <i>кураличи</i>	«на лопату», «к лопате»;
<i>арши</i> «жатва»	— <i>аршили</i>	— <i>аршиличи</i>	«на жатву», «к жатве».

Исключение составляют здесь те же слова, которые мы упоминали в урахинском диалекте: *урши*, *рурси*, *дярхля* и некоторые другие:

урши «сын» — *уршили* — *уршиличи*;
рурси «дочь» — *рурсили* — *рурсиличи*;
дярхля «мальчик, сын» — *дярхляли* — *дярхляличи*;
урчи «лошадь» — *урчили* — *урчиличи*;
валри «верблюд» — *валрили* — *валриличи*;
бикьри «свидетель» — *бикьрили* — *бикьриличи*;
ялчи «рабочий» — *ялчили* — *ялчиличи*.

Разница между одушевленными и неодушевленными в склонении имен яснее всего выражена в диалектах цудахарской группы (собственно цудахарском, кайтагском, мугинском и др.). Здесь одушевленные отличаются от неодушевленных в родительном и других косвенных падежах, а также и переходом ударения в косвенных падежах на второй слог от начала слова.

В цудахарском диалекте родительный падеж ед. числа в названиях одушевленных с гласным исходом принимает суффикс *ла* с одним согласным *л*, а в названиях неодушевленных — суффикс *лла* с удвоенным согласным *лл*. Во множественном числе как одушевленных, так и неодушевленных, имеем тот же суффикс *лла*. При этом в названиях одушевленных в косвенных падежах ударение с первого слога переходит на второй слог от начала, а в названиях неодушевленных ударение остается на первом слоге. В названиях одушевленных существ с гласным исходом косвенные падежи образуются от основы имен. падежа, а в названиях неодушевленных — от основы эргативного падежа.

Таким образом, в цудахарском диалекте имеем:

Имен. п.	Родит. п.	Напрѣв. п.
<i>амхле</i> «осел»	— <i>амхлела</i>	— <i>амхлешу</i> «к ослу»; <i>амхлея</i> «на осла»;
<i>ккуртта</i> «лиса»	— <i>ккурттала</i>	— <i>ккуртташу</i> «к лисе», <i>ккурттая</i> «на лису»;
<i>мацца</i> «овца»	— <i>маццала</i> ¹	— <i>маццашу</i> «к овце», <i>маццая</i> «на овцу».
<i>Али</i> (имя муж.)	— <i>Алила</i>	— <i>Алишу</i> «к Али»; <i>Алия</i> «на Али»;
<i>цIа</i> «огонь»	— <i>цIала</i>	— <i>цIалишу</i> «к огню», <i>цIалия</i> «на огонь»;

¹ Когда слово *мацца* употребляется в собирательном значении («овцы, баранта») оно склоняется, как мн. число: *маццала*, *маццалин* и т. д.

анчи «пшеница» — *анчилла* — *анчилищу* «к пшенице»,
анчилия «на пшеницу»;
ббала «шерсть» — *ббалалла* — *ббалалищу* «к шерсти»,
ббалалия «на шерсть».

Исключаются и здесь те же слова: *урици*, *рурсси*, и еще: *уцици* «брат», *руцици* «сестра», *бикьри* «свидетель», *ххвя* «собака». Они склоняются как неодушевленные:

урици — *урицилла* — *урицилищу* «к сыну», *урицилия* «на сына»;

бикьри — *бикьрилла* — *бикьрилищу*, *бикьрилия*;
ххвя — *ххвялла* — *ххвялищу*, *ххвялия*.

Замечательно, что слово *вацла* «лес» склоняется в чударском наравне с одушевленными:

вацла — *вацлала* — *вацлашу*, *вацлая*.

Приблизительно так обстоит дело в мугинском и кайтагском диалектах. В кайтагском диалекте в названиях неодушевленных и во множ. числе одушевленных и неодушевленных встречаются двойное *л* или *н* не только в родит. п., но и в эргативе. Однако здесь встречается ряд исключений.

Как мы видим, во всех диалектах даргинского языка слова «сын», «дочь», а в чуд. диалекте «брат» и «сестра», — склоняются как имена неодушевленные.

СЛОВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ. ИМЕНА В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Слова в даргинском языке, как и во многих других языках, по своей роли в предложении можно разделить на две группы. Одна из них, довольно большая группа, представляет собою самостоятельные слова, которые могут быть членами предложения. Другая сравнительно небольшая группа, представляет служебные слова и частицы, которые сами по себе не могут быть членами предложения. Слова первой группы в предложении также часто выполняют роль служебных слов. Иначе говоря, в даргинском языке одни и те же слова могут употребляться и самостоятельно и несамостоятельно. Существительные иногда употребляются в роли частиц: *сек'ал* «вещь, вещество» — в основном является самостоятельным словом, но оно же иногда выступает в роли служебной частицы: *чай-сек'ал агарав?* «нет ли чая или чего-нибудь подобного?» *укес-сек'ал хлейгиев?* «не хочешь ли кушать или что-нибудь такое?»

Условная форма глагола употребляется то в роли союза, то в роли усилительной частицы; многие наречия употребляются и самостоятельно и в роли послелогов. Любое служебное

слово в даргинском языке легко субстантивируется, и, следовательно, переходит в категорию самостоятельных слов.

Из сказанного выше вытекает, что между этими двумя группами слов не существует точной границы.

Это объясняется тем, что служебные слова во всех языках происходят из самостоятельных. Процесс перехода самостоятельных слов в служебные слова и частицы в языке продолжается, одни самостоятельные слова уже проделали этот путь как бы окончательно, другие находятся как бы в пути между самостоятельными и служебными. Такие слова пока еще не расстались со всеми свойствами самостоятельных слов, но они уже приобрели некоторые свойства слов служебных.

Из различия функций этих двух групп слов в предложении вытекает в структуре языка другое различие между словами — морфологическое. Несамостоятельные слова вообще говоря словоизменениям не подвергаются, в то время как самостоятельные слова таким изменениям подвергаются — они склоняются или спрягаются. Но и здесь мы находим подчас исключения. Некоторые служебные слова и частицы в даргинском языке склоняются, что объясняется их именным происхождением. Почти все послелогов даргинского языка принимают различные суффиксы, свойственные именам и дают начало прилагательным, существительным и т. д. Однако и эти новые слова семантически остаются в значительной мере служебными; они в отдельности не могут выступать членами предложения и не могут отвечать на вопрос, сформулированный без имени, к которому они относятся:

гьуникад «по дороге, вдоль дороги» — *гьуникадси* «то, что вдоль дороги»;

набчивахI «в мою сторону» — *набчивахIси* «тот, который обращался ко мне».

Служебные слова с формальной стороны, как правило, характеризуются отсутствием какого-бы то ни было морфологического оформления (речь идет о собственно служебных словах), в то время, как большая часть самостоятельных слов морфологически оформлена (часть существительных, большинство прилагательных, числительные, глагол, большинство наречий).

В свою очередь группа самостоятельных слов подразделяется на две подгруппы, одна из которых выражает как предметы, так и признаки и качества (как предмета, так и действия или состояния), другая группа выражает само действие или состояние. Первая группа слов — имена, вторая — глаголы. С формальной (морфологической и синтаксической) стороны эти две группы в основном характеризуются тем, что

¹ Такие служебные слова в даргинском языке принято писать слитно.

имена склоняются полным или частичным склонением и в предложении большею частью управляются другими словами (глаголами, послелогоми и именами), а глаголы спрягаются, полным или частичным спряжением, и большею частью согласуются с именами, к которым они относятся.

В даргинском языке, все оформленные имена без исключения склоняются так же, как все глаголы спрягаются.

Однако, и здесь мы не находим точной границы между именами и глаголами. Всякий глагол в своей первоначальной форме (желательное наклонение) может изменяться по числам и падежам, подобно имени: *сай вебк!* «чтобы он умер!», *саби бибклар!* «чтобы они умерли!». В зависимости от контекста эта форма глагола может стоять в любом падеже. Неопределенная форма глагола склоняется частично: *вак!ес* «прийти» — *вак!если бара* «сделай так, чтобы пришел», *вак!есличиб хлек!ес гьалаб саби* «чем прийти, лучше не прийти» и др.

С другой стороны, любое имя, будучи сказуемым, может изменяться по лицам.

Тем не менее склонение, в отличие от изменения по лицам, является отличительным и в то же время неотъемлемым свойством даргинского имени. Поэтому имя в даргинском языке можно характеризовать, как часть речи, которая изменяется по падежам. Этому не противоречит и то, что начальная форма глагола (желательн. наклон.) входит в круг имен, так как она является и глаголом и именем. Что касается склонений и наречий, деепричастий, инфинитива и некоторых служебных слов, то это объясняется, естественно, именным происхождением их. Наречия исторически являются именами в том или ином падеже, деепричастия — это по происхождению причастия в одном из косвенных падежей, или в соединении со служебным словом (частицей). Они уже вышли из круга имен, но по традиции продолжают частично склоняться, с подразделением их по принципу полноты склонения на имена полносклоняемые и неполносклоняемые. В круг имен входит и инфинитив глагола, так как он допускает частичное склонение, поскольку исторически он является восходящей к отглагольному существительному в дательном падеже.

Имена, как известно, делятся на существительные, местоимения, прилагательные, числительные. Местоимения мы, разумеется, включаем в круг имен, так как и по их роли в предложении они сходны с именами; они являются как-бы особой категорией имен, хотя и называются лишь как бы «заменной имени».

Существительные и заменяющие их местоимения от других категорий имен и глагола отличаются прежде всего тем, что они в основном выражают подчиняющиеся понятия в то время, как глаголы и другие имена выражают подчиненные понятия.

Первая категория в даргинском языке представлена большей частью именами первичными, не оформленными теми или иными окончаниями или аффиксами; вторая категория представлена, как правило, словами производными, оформленными определенными окончаниями, и аффиксами (суффиксы, префиксы, классные показатели и др.). Это вполне соответствует назначению этих слов в предложении: быть подчиненными, согласованными с господствующим в предложении словом — существительным.

Особого внимания заслуживают в даргинском языке имена основы, или имена неформленные. Они служат основами производных существительных, прилагательных, наречий, числительных и глаголов. Часто они без оформления употребляются как прилагательные, а также иногда в значении повеления: *гъарахъ!* «долой», *гъарахъил гъам!* «отдаленный пусть приблизится!»¹.

Характерной особенностью имен-основ является то, что они не склоняются и не употребляются отдельно от определяемого ими имени. Как правило, самостоятельное слово может быть членом предложения и отвечать на относящиеся к нему вопросы. Но так как без определяемого эти имена не употребительны, они в отдельности не отвечают на вопрос определения: при ответе приходится назвать и определяемое ими имя. Тем не менее, эти основы мы должны признать не служебными словами и не частями слов, а самостоятельными именами, которые в прошлом, возможно, употреблялись отдельно, без определяемого и без аффиксов.

В настоящее время в даргинском языке известная группа слов в одинаковой мере употребляется и как прилагательные и как наречия (*гъала* «вперед», *урга* «в середину», *чеди* «вверх», *уди* «вниз», *убяхI* «по направлению вниз», *чебахI* «вверх»). Современная форма наречия от этих неформленных слов полностью совпадает с эргативным падежом. Иначе говоря, эти наречия не что иное, как прилагательные в форме эргативного падежа.

Имеется еще другая группа имен существительных, которые в именительном падеже в обыденной речи не употребляются; они употребляются лишь в косвенных падежах, больше всего в родительном. Примеры:

вяв «крик» — *вявла* (род. п.), *вявличи* (направ. пад.);

кIух «грохот» — *кIуха*, *кIухли* (эргатив.);

кьутI «стук» — *кьутIла* (род. пад.);

кьутIур «(повторяющийся) стук» — *кьутIурла* (род. пад.)

---

¹ Муг. диалект. В этом селении существует детская игра, где большая группа детей бьет в отдаленных от них играющих, чтобы последние перебрали к их группе.

Обыкновенно, такие имена имеют ограниченную семантику: — почти все такие имена обозначают различные звуки и шумы.

Здесь дадим небольшой список слов, не употребляемых в именительном падеже:

<i>вяв</i> «крик»;	<i>кьутI</i> «стук»;
<i>ч'яр</i> (тоже);	<i>г'ям</i> «лай»;
<i>кIух</i> «грохот»;	<i>зьяв</i> «жужжание»;
<i>гур</i> (тоже);	<i>гудур</i> «топот»;
<i>пянкь</i> «выстрел»;	<i>симькь</i> «стон»;
<i>вянкь</i> «стук»;	<i>х'янциI</i> «визг»;
<i>хьямк</i> (тоже);	<i>х'их'и</i> «ржание».
<i>мы</i> «крик» (о скотине);	
<i>мгIе</i> «блеяние» (овцы);	
<i>чIив</i> «щебетание» (птицы).	

Существительное от других имен в даргинском языке отличается морфологически. Существительное как таковое может не нуждаться в каком-либо суффиксальном оформлении, в то время, как прилагательное, числительное и наречие, как правило, должны быть оформлены суффиксами (речь идет о полноклоняемых прилагательных, числительных и оформленных наречиях). В то время, как множественное число в прилагательных имеет единое окончание (ти), существительные во множественном числе имеют много разных окончаний. Основа существительного при образовании множественного числа часто подвергается изменениям (выпадение звука, переход одного звука в другой). В прилагательных этого типа не наблюдается.

Большую часть имена прилагательные и наречия в даргинском языке снабжены классными показателями, в то время как существительные с классным показателем встречаются в языке не часто.

Существуют слова, которые по форме не отличаются от существительных, но по своему значению и употреблению в речи стоят близко к прилагательным, и употребляются как определения. Большинство таких слов являются заимствованиями из других языков (*суктур* «слепой», *мехIур* «дурной», *абдал* «глупый» и др.). Их можно считать существительными, которые не получили морфологического оформления. В школьной грамматике, по нашему мнению, правильнее и проще называть их существительными.

В школьной грамматике даргинского языка немало трудностей причиняет классификация слов по частям речи: существительное смешивается, с одной стороны, с прилагательным, с другой — с наречием; отдельные местоимения смешиваются с прилагательными или с наречиями.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Существительное в даргинском языке может быть простым или производным, образованным при помощи того или иного суффикса, или же образованным путем сложения основ и слов. Эти категории существительных частично отличаются друг от друга как по способу образования множественного числа, так и по типу склонения. Простые существительные, в особенности односложные как в образовании множ. числа, так и в склонении, представляют много особенностей и исключений. Сложные существительные, образованные путем сложения основ или двух слов, склоняются так, как склоняется вторая часть этого сложения.

В то время, как простые существительные, совершенно одинаковые фонетически, склоняются по разному типу, существительные, образованные при помощи того или иного определенного суффикса, склоняются одинаково, например:

хя «собака» — *хури* (мн. ч.)

хъя «клятва» — *хъями* (мн. ч.)

вава «цветок» — *вавни* (мн. ч.)

шара «озеро» — *шаруби* (мн. ч.)

кьял «корова» — *кьяй* (эргатив)

някъ «треск» — *някъли* (эргатив)

Простые существительные большей частью имеют более древние формы склонения, они часто подвергаются флективным изменениям в то время, как образованные при помощи суффиксов образуют лишь более новые формы и флективным изменениям основы почти не подвергаются.

Словообразование существительных.

В даргинском языке новые существительные образовывались несколькими способами:

— путем повторения одного и того же существительного (одной и той же основы), например:

къавкъав (муг.) «глубокая яма под водопадом»;

чахIчахI «водопад» (муг.; акуш. *чахIли*);

къутI-къутI «стук»;

висвисаг «плакса» (урах.);

пяспясаг «лягушка» (губд.);

пялпялаг «осина».

В последних трех примерах вместе с повторением основы имеется и суффикс *аг*:

— Путем сложения двух различных существительных (основ), причем оба могут быть синонимами, антонимами или словами со значениями, имеющими друг с другом то или иное взаимоотношение. Оба существительных могут соединяться между собою способом сочинения или способом подчинения одного другому.

Примеры:

марказаб «атмосферные осадки» (*марка* «роса», *заб* «дождь»; в муг. диалекте *марка* «дождь», *заб* «град»);
вянкь-хямк «стук твердого тела» (и отдельно слова *вянкь* и *хямк* означают стук);

вявчIяр «вопли, крик» (*вяв* «зов», *чIяр* «крик»);

хамхакьбаркьбала «тело» (и отдельно оба слова означают тело);

ваяхI «вещи, утварь» (*вай* «зло», *ахI* «добро»),

абизкабихь «состояние, дела» (*абиз* «вставание», *кабихь* «лежание»);

узиуриши «родственники» (*узи* «брат», *уриши* «сын»);

мазакььяца «овцы, мелкий скот» (*маза* «овца», *кьяца* «козел»);

нешдудеш «родители» (*неш* «мать», *дудеш* «отец»).

Новое существительное образуется также путем чередования гласного основы: заменой гласного в основе *а*, *я* гласным *и* образуется существительное, выражающее то же самое значение, но в меньшей дозе:

вянкь «стук» — *винкь* (тоже, но незначительный);

пянкь «взрыв» — *пинкь*;

палхъ «барахтание» — *пилхъ*;

занк «звон» — *зинк* и др.

Этот способ словообразования существительных является ныне уже непродуктивным.

Наконец, новые существительные образуются путем суффиксации.

Словообразовательные суффиксы существительных.

Даргинские существительные не богаты словообразовательными суффиксами, и большинство тех суффиксов, которые ныне имеются, как-бы окаменели, стали непродуктивными. В даргинском языке, надо заметить, нет почти ни увеличительных ни уменьшительных суффиксов, но имеются суффиксы отвлеченности, суффиксы, выражающие профессию и некоторые другие.

Здесь мы перечислим, по возможности, все словообразовательные суффиксы существительных как продуктивные, так и не продуктивные.

-атIала — встречается редко, образуя слово со значением отвлеченного действия (как *-ала*): *вяшатIала* «движение (от *вяш* «движение»), *гьайтIала* (мулебк.) «разговор», *пишатIала* (мулебк.) «движение». Происходит от глагола *атIара* «сказать» в муир. диалекте (акуш. эс).

-ала — большей частью выражает отвлеченное действие, встречается часто: *вяцъала* «движение», *гьайала* «разговор», *изала* «болезнь, боль», *урзала* «дождь» в (муг. от *урзис* «дождить»), *бургIала* «осколок» (от *бургIес* «сломать, сломаться»), *чегъала* «одежда» (*чегъес* «надеть»).

Суффикс *-ала* происходит от глагола *эс*, точнее — от отглагольного существительного, образованного при помощи суффикса *ла*, обычного показателя родит. падежа; показатель родит. падежа — *ла* в даргинском языке служит также и показателем множественности (в этнических названиях: *ахъушала* «акушинцы», *хIурхъила* «урахинцы»), а множественность и собирательность семантически примыкают к понятию отвлеченности.

-ла, повидимому, происходит от аффикса родит. п. принадлежности. Большинство слов с суффиксом *ла* выражает орудие: *бирицIла* «газырь» (в газыри всыпали порох и клали пулю для заряжения ружья; *бирицIла* букв. значит: «то, во что всыпают, наливают» от *бирицIес* «наливать», «всыпать»); *исла* «шаблон», «мерка» (по которой производят кройку одежды или обуви, чарыков); *умцIла* «мера»; *уми'ла* «обыск»; *ихъла* (муг.) «котел, кострюля» (от *ихъес* «вешать»; котел у горцев вешался на кол над огнем); *кярхIла* «рубанок» (от *кярхIбарес* «строгать»); *хяркIла* «инструмент для обработки шкурок»; *гьалала* «перед» (от *гьала* «вперед»); *гIелала* «зад»; *ургала* «середина»; *чедила* «верх», *удила* «низ»; *чебла* «долг» (денежный и моральный); *чеасла* «обязательство» (новое образование); *чебхъла* «крышка» и др.

Суффикс *ла* прибавляется как к словам в имен. падеже, так и к словам в направ.: *шуллиула* «место под скалой» (от *шуллиу* «под скалу», от *шури* скала), *ухълаула* нижний этаж мельницы (муг.)

-ула — встречается только в слове *хIенкъула* «пастух» (*хIенкъ* «стадо»).

-къяна (цудах.: *гIяна*) образует слова со значением деятеля чего-либо: *аршикъяна* «жнец» (от *арши* «урожай зерна»); *гIяяркъяна* «охотник» (букв.: «на охоту идущий»: *гIяяр* «охота»); *валликъяна* «попутчик, друг» (букв.: «вместе идущий»; *валли* «вместе»); *дукикъяна* «пастух», *дуки* «пастбище»); *муракъяна* «косарь» (букв.: «на сенокос идущий»; *мура* в смысле: «сенокос»); *тIашкъяна* «виночерпий» (*тIаш* «стой, стоянка»); *архIяликъяна* «путешественник»; *гьалакъяна* «охранник, сторож» (сенокосов, полей, леса; *гьала* «перед, около»; *гьалакъяна* «идущий перед, сидящий перед, около (чего-л.)»; *сукникъяна* «сват» (букв.: «идущий сватать», *сукни* — наречие направления, *сукни укъес* «итти сватать»; *ургакъяна* «посредник» (цудах. *гIяна*) происходит от основы глагола *укъес* «итти» (*у* — префикс, *къ* — корень; в некоторых диалектах вместо *акуш. аркъулла* говорят *къялла* без префикса).

-къя — нужно полагать, что происходит от корня *къ* и суффикса *а*; встречается редко: *гьункъя* (и: *гьуникъяна*) «путник»; *дугIкъя* «бродяга» (*дугI* — наречие-направления, *дугI укъес* значит: «итти не зная куда, вон»); *сихIрукъя* «чародей»; *гьавкъя* «вождь, предводитель» (*гьав* впереди; букв.: «впереди

идуший»); *мушлукья* «борец» (букв.: идущий бороться по способу *«мушул»*; *«мушул»* особый способ борьбы; состязаются, кто кого свалит).

къ — основа глагола *укьес* «итти», от которого образовались суффиксы *кьяна*, *кья*; встречается в словах: *дугьякъ* «барсук» (от *дуги* «ночь»; букв. «ходящий ночью»; название этого зверя по акуш.: *дугелибуг* «ночью питающийся или охотящийся»; *имцлякъ* «лишний» (от *имцла*; ср. варианты этого слова *имцласи*, *имцлякъян*); *ибкъ* «давление, напор» (от *глубкъ*, урах.; *гли* — префикс, *букьес* «итти»; *глубкъли* букв. значит «сзади идя», т. е. «с напором»).

-ан — исторически является причастием от глагола *эс* «сказать, сделать». Прибавляется: 1) к основе глагола; образует причастие, переходящее в имя существительное: *чеибзан* (одна из частей горского ткацкого станка; букв. «соединитель»); *ниихъян* (посуда для сбивания масла; букв. «сбиватель масла»); *кьялизан* «подойник» (букв. «доитель коровы»); *шиндалан* «водолаз» (букв. «знаток воды»); 2) к названиям селений, стран; образует относительные прилагательные: *ахъушан* «акушинец»; *микIхIан* «мекегинец», *сирхIян* «сургинец». В названиях некоторых аулов вместо *ан* мы имеем *-кан*, в других названиях аулов и стран встречается *-лан*: *хажакан* «хаджалмахинец»; *лавашакан* «лавашинец»; *италиялан* «итальянец»; *америкалан* «американец» и др.

-ани (урах. цуд. *-ай*, мекег. *-уй*), образует причастие настоящего и общего времени: *лукIани* «пишущий», *учIани* «учащийся, читающий».

-анил (урах., кайт.) прибавляется к глагольной основе и образует причастие настоящего или общего времени: *ливкъянил* (урах.) «идуший»; *вихванил* «идуший» (кайт.); этот суффикс по своему значению совпадает с *ани*.

-кIа встречается лишь в нескольких словах; образует существительное со значением «содержащей что-л., сделанный из чего-л.: *шинкIа-си* «жидкий, сырой» (от *шин* «вода»), *цIукIа* «куча земли с костром в середине» (способ приготовления золы для удобрения; от *цIу*, *цIа* «огонь»); *жижжкIа* «нарыв» (от *жижбяхъес* «нарывать»).

-къ (*-хъ*): *иникъ* (от *глиникъ*) «пещера» (от слова *глини*, *ени*, *яни* «зима, зимовье»). Повидимому *глиникъ* этимологизируется как азербайджанское *кшшлак* (место, куда входят зимой, зимовье). Даргинцы и другие горцы Дагестана в холодное время овец и частично крупный скот держали и держат в пещерах.

-ари (*-ери*) — прибавляется к основе глагола и к другим словам и образует существительные со значением результата, изделия: *мухъари* «ячменный хлеб» (от *мухъи* «ячмень»); *мучари* «просяной хлеб» (от *мучи* «просо»); *бехIхIари* «лаваш»; *кIайпари* «тонкий хлеб»; *гъайкIари* «колокольчики» (от

гъайиклес «говорить»; букв.: «говорящий»); *дуббуцари* «пост» (от *дуббуц* букв.: «держание рта, отказ от еды»; *дуб* «рот», *буц* от *буцес* «держаться»); *бутлари* «кусочек, отрез» (от *бути* «деление»; *бутлес* «разделить»); *рухьери* «краска» (от *рурхьес* «красить»); *ручери* «основа материи» (от *руржес* «натягивать нити основы»); *ружери* «кипение» (от *руржес* «кипеть»); *бузери* «деятельность» (от *бузес* «работать, действовать»).

-*атлари* этот суффикс является диалектной разновидностью предыдущего -*ари*, он встречается лишь в слове: *кьуцлатлари* «отрезок» (от *кьуцлатлес* «отрезать ножницами»);

-*ар* (-*ер*, -*яр*, -*ур*) выражает повторяемость действия (ср. показ. множ. ч. -*ри*), выражаемого существительным, к которому он прибавляется (гласный суффикса зависит от гласного корня): *дам* «барабан, звук выстрела или барабана» — *дамар* «звук барабана, который повторяется»; *вянкъ* «стук» — *вянкъер*; *кьути* «стук» — *кьутлур*; *пялхъ* «удар» — *пялхъяр* «повторные удары»; *чап* «болтание» — *чапар*; *къард* «спотыкание» — *къардар*, *гард* «дрожание, качание» — *гардар*.

Слова с суффиксом *ар* (-*ер*, -*яр*, -*ур*) встречаются обычно лишь в составе какого-либо другого слова (глагола и др.): *пялхъярбиклес* «биться»; *гъакларбиклес* «качаться», *вянкъяръала* «шум, стук»; -*ур* — встречается лишь в нескольких словах: *берцлур* «жареное мясо» (от *берци*, «жарение, печение»); *бехлсур* «обмен» в составе глагола: *бехлсураэс*, «заменить», *баргур* — *баргураэс* «полоскать»);

-*ри* (ср. показ. мн. ч. -*ри*) прибавляется к основе глагола и образует отглагольное существительное; в цудахарском диалекте этот суффикс продуктивен (как в акуш. и урах. -*ни*): *дагъри* «знание, ум» (от *дагъес* «знать много»); *ахъри* «мощь, сила, возмещение убытка» (от *ахъес* «справиться», *ахъес* «возместить»); *дакри* «краска» (от *дакес* «покрасить»); *демори* «опухоль»; *хлулбуклари* «радость, торжество»; *чекъри* «мелкий навоз» (как топливо); *баклари* «нарыв» (от *баклес* «прийти, выскочить»); *бикъри* «свидетель, накопление» (то, что накоплено дома; от *бикъес*, «слышать», *бикъес* «накопить»); *башири* «ход» (лошади);

-*ни* является одним из самых продуктивных даргинских суффиксов; образует отглагольные существительные, обладающие всеми свойствами глагола и существительного. В диалектах цудахарского типа в зависимости от места ударения различают две разновидности существительных, образованных при помощи этого суффикса: *багъни* «узнавание», *багъни* «знание»; *бигъни* «связывание» (действие), *бигъни*, *дигъни* «связь, узел»; *дасни* «наклеивание», *дасни* «клей». Когда существительное с суффиксом -*ни* выражает действие (ударение на *ни*'), оно управляет наравне с глаголом, с той разницей, что управляемое слово должно ему предшествовать.

-*уд*, -*ид*, -*уди* — по своей функции совпадает с суффиксом

-ри; встречается редко: *хъарахъуд(и)* «опора»; *хъарбауд* «спрос, допрос»; *багъуди* «знание, образование»; *баркъуди* «дело, поступок»; *гъегуди* (урах.) «аванс» (от неупотребительного ныне глагола *гъегес* «занять, авансировать»); *бъагид*, *бъагуд* «ширина»; *гъеркъид*, *гъеркъуд* «длина»; *гъарзуд* «прос. тор»;

-деш является одним из самых продуктивных суффиксов; прибавляется к именам существительным и реже к глаголу в форме 3-го лица прошедшего или настоящего времени; образует существительные с отвлеченным значением (русск. -ство, -ность): *ахидеш* «добро»; *вайдеш* «зло»; *арадеш* «здоровье»; *адамдеш* «человечество, человечность»; *лебдеш* «собственность, имущество, существование, наличие»; *агардеш* «отсутствие». Суффикс *деш*, повидимому, происходит от глагола (*дихъес* «положить», *дихъа*, «залог»; букв.: «то, что положено», акуш. -деш, урах. -диш, цудах. -дихъ).

-а суффикс ныне непродуктивный; встречается с основой глагола и другими словами: *белкIа* «пестрый» (от *белкIес* «расписать»); *бемжа* (муг. *бенччи*) «жар» (от *бемжес* «накалиться, нагреться»); *диха* «залог» (от *дихъес* «положить, заложить»); *гъебка* «закуска» (от неупотребительного ныне глагола *гъебкес* «закусить»); *биса* «плач» (от *бисес* «плакать»); *балгIя* «траур» (от *бIягIес* «проклинать, ругать»); *буреба* «иголка» (от *бирбес* «сшить»); *балга* «молитва» (от *балгес* «просить, молить»); *бебкIа* «смерть» (от *бебкIес* «умереть»); *бебга* (урах *бибгъа*, акуш. *беба*) «скатанный ком глины или теста» (от *бебгес* «месить, катать»); *гера* «шарик» (от *гербарес* «покатать»); *убхъа* «низ одежды», подкладка (от *убихъес* «подложить»); *дига* «любовь» (от *дигес* «любить»; муг. *дикки*, урах. *дига* «любовь», *диги* «желание»); *чебхъа* «верх одежды» (от *чебихъес* «наложить»); *далга* «лесоматериал» (для постройки; от *далгес* «расположить»); *гъарга* «сени» (от *гъарг* «открытие»); *берта* «студень» (от *бертес* «застывать»); *верша* «изменник, предатель» (от *вершес* «сговориться» против кого-либо с его противником); *бутIа* «часть» (от *бутIес* «разделить»); *рамкъа* «слякоть» (от *рамкъ* «хлопанье»), *хъирхъка* «галка» (*хъирхъдеш* «чернота»; ср. кайт. *хъирхъкай* «черный»); *гIяйрукъа* «охотник» (или: *гIяяркъаяна*); *хъубзара* (урах.) «крестьянин»; от *хъу* «поле»; *бузри*, *бузери* «деятельность, работа»; *уркура* «арба»; *дубура* «гора» (варианты этих слов: *хъубзар*, *уркур*, *дубур*); *чIягъа* вид черной птицы; (от *чIягъ* крик этой птицы); *шаха* «гной»; *диркъа* «равнина» (от *диркъси* «ровный»), *къиза* «наконечник» (палки, которой гоняют быков; от *къиз* «укол»; *къизбарес* «колоть»).

-ай, *идай* — уменьшительный суффикс иногда с оттенком ласки; *пидинкI* «невзрослый, человек слабого телосложения» — *пидинкIай* (с оттенком уменьшительности, ласки); *цуцу* (муг.)

«кукла» *цуцундай* «куколка»; *сири* «люлька»; *сирундай* «маленькая люлька»; *къячча* «пышка»; *къяччуччай* «пышечка». Имеются и другие слова, которые можно привести здесь в качестве примеров употребления этого суффикса: *шалай* «любовник, любовница» (от *шала* «свет»); *дигай* «любовь», *диганай* «любимый, любимая» (уменьшит. от *диган* «любимый, любимая»); *к'уклай* «женоподобный» (от *к'ук'уклес* «трусить, бояться»).

Элемент *-ай* или *-най* встречается, как видим, и без значения уменьшительности: в поэзии можно встретить: *аркъянай* «путник», *ахъанай* «возвышенность».

-и — *лугли* «счет, число» (от *луглес* «считать»); *урези* «стыд» (от *урузклес* «стесняться»); *урехи* «боязнь, опасность» (от *урухиэс* «бояться, опасаться»); *дахъи* «рана» (от *дахъес* «ударить»); *дугъи* «ремень» (которым закрепляют оглоблю сохи к ярму; от *дигъес* «связать»); *души* «ткань» (от *душес* «ткать»); *дуц'лари* «горячка, лихорадка» (от *дуц'лардиэс* «нагреться, накалиться»); *къудкъуди* «клюв» (от *къуд* «клевание»); *къут'къутли* «дятел» (от *къутл* «стук дятла» по дереву); *гъими* «гнев» (от *гъимбуклес* «рассердиться»); *вякъякъи* «сорока» (звукоподражание крику этой птицы; *вякъякъ*); *ганзи* «ступенька» (от *ганз* «шаг»); *хуруки* «струг» (от *хуркбарес* «строгать, тереть»; (урах. *хурка*); *мегълуки* «напильник» (от *мегъ лукес*, «пилить железо»); *чарчари* «колесо водяной мельницы» (от *чар* — вращение); *шиндири* «жолоб» (от *шин* «вода»); *рипрупи* (муг.) «родник» (струя воды, которая бьет из-под земли; *ругбиклес* «выходить порывами»); *чахли* «водопад» (от *чахл* звук воды, когда она падает); *лихли* «ухо» (от *лехл*, *лихл*; «слушание»).

-у встречается редко; в цудахарском диалекте этот суффикс является суффиксом причастия общего времени наподобие акуш. и урах. *-ан*, причем несубстантивированные причастия отдельно от определяемого не употребляются: *иккууци* «любимый брат» (от *иччвиз* «любить», *иккай* «любимый»); *г'ляйкку душман* «ненавидимый враг» (от *г'ляйчвиз* «не любить»); *к'уклу*, *к'уклай* «трус, женоподобный», *гуру* «шар, шарик» (от *гур* «катание»); *ккярту* (муг.) «наседка» (от *ккярт* «сидение курицы на яйцах», *ккяртбиш* «села на яйца»); *къурку г'ярг'я* (акуш.) «наседка-курица» (от *къур* «крик наседки»); *занк'лу* «брыкающийся» (от *занкл* «удар ногой»).

-зар образует слова со значением делателя чего-либо: *х'янчизар* «работник, служащий», *хъубзар* «крестьянин» (от *х'янчи* «работа», *хъу* или *хъуб* «поле»).

-чи — заимствовано из кумыкского языка, выражает занятие какой-либо профессией: *тукенчи* «лавочник», *далайчи* «певец», *къуллукъчи* «слуга», *к'алт'лачи* «виночерпий» (от *к'алт'ла* «кувшин»), *кумекчи* «помощник», *чархъачи* «борец»

(от *чархъа*), *къалайчи* «лудильщик», *каричи* «женщина» (пекущая хлеб по заказу, от *кари* «печь для печения хлеба, пекарня»), *къапучи* «вратарь, привратник», *къасапчи* «мясник», *цӀулкъячи* «кочегар», *хабарчи* «сказитель», *уркурчи* (цудах.) «аробщик», *байрахъчи* «знаменосец», *илхъичи* «табунщик», *илтилатчи* «шутник»; *къуйрукъчи* «рулевой».

Суффикс *чи*, повидимому, проник давно в даргинский язык: он и сейчас остается в нем продуктивным и образует новые слова: *гитлерчи Германия* «гитлеровская Германия», *атомчи* «атомщик».

-чев (*чевси*, в классный показатель) образует слова со значением обладателя чего-либо: *давлачев* «богач, богатый» (*давла* «богатство»), *гӀякълучев* «умный» (*гӀякълу* «ум»). При помощи этого элемента с суффиксом прилагательного и без него, пишущие на даргинском языке стараются образовывать новые слова. Слово *агар* (*агарси*) «не имеющий» — по значению противоположно элементу *-чев* и выражает отсутствие чего-либо: *гӀякълуагар* «безумец»; *пикриагар* «беззаботный» (*пикри* «дума, мнение, мысль»); *гьунарагар* «бессильный» (*гьунар* «способность, сила»), *хӀлягар* «бесстыжий» (*хӀля* «стыд»).

-гӀела происходит от наречия *гӀела* «назад, за»; встречается редко, прибавляется к форме мн. ч., или к слову с собирательным значением: *хуригӀела* «псарь», *цурмигӀела* «свинопас», *биглигӀела* (урах.) «пастух» (*биг* «стадо») *хӀлуегӀела* «чека» (закрепляющая колесо на оси).

-наба — встречается в нескольких словах: *ригнаба* «любовница», *игнаба* «любовник» (от *игес* «любить»); *ургънаба* «враг, кровник», *гӀеллугнаба* «подручный каменщика» (от *гӀерлугес* «подавать сзади»; *иргӀенаба* (урах.) нищий (*иргӀикайгьис* «ходить, бродить по домам»; букв.: ходящий по домам).

-уцӀ встречается в немногих словах: *муруцӀ* «сарай для сена» (усиш.); *къянуцӀ* «лгун, лжец»; *мукьруцӀ* «окотная» (овца); *нурбуцӀ* «вшивый»; *гьунуцӀ* «скаун» (от *гьуни* «путь, дорога»); *хӀеруцӀ* «явь» (от *хӀери* «дневное время»);

-аг (муг. *ак*) образует слова со значением: «издающий тот или иной звук, совершающий то или иное действие»; встречается редко, хотя является продуктивным, прибавляется к повторенной основе: *дьярдяраг* «трещетка» (*дьяр* — звукоподражание звуку этой игрушки); *гӀяртгӀяраг* «квакушка» (*гӀяр* — звук квакания); *пӀяспясаг* (губд.) «лягушка» (от *пӀяс* «прыжок»; букв.: прыгающий); *гӀяхгӀяхлаг* «попрыгунья» (от *гӀяхгӀ* «прыжок»); *пӀялпӀялаг* «осина» (от *пӀял* «растопыривание»), *буртуруг* «цевка» (надеваемая на веретено); *цӀудараг* (сорная трава, семена которой ядовиты; от *цӀудар* «черный»).

-*лукь*, -*укь* — образует слова со значением обладателя, встречается редко: *излукь* «болезненный (от *изес* «болеть»)»; *жалукуь* «спорщик» (от *жал* «спор»); *пинцлукь* «сопляк».

-*кьар* — образует только два слова: *узикьар* «двоюродный брат», *рузикьар* «двоюродная сестра».

-*тI* встречается только в слове *уркутI* «колесная дорога» (от *уркура* «арба»).

Образование множественного числа существительных.

Большинство существительных даргинского языка употребляются в единственном и множественном числах, но встречаются и такие существительные, которые в обыденной речи во множ. числе не встречаются: *кзукъу* «гром», *дукелци*, «смех», *дагъри* «ум», *биса* «плач», *аргъала* «сознание», *урехи* «боязнь, опасность», *гъягъя* «щебень», *яни* «зима», *куруга* «дикий абрикос», *авара* «хлопоты» и др. Многие отглагольные имена на *ни* во множ. ч. не употребляются: *вак'ни* «приход», *арукъни* «уход» и др.

Имеются и такие существительные, которые употребляются только во множественном числе: *чекъри* «сухой навоз»; *тIуй-ми* «верхняя часть спины»: *дукIари* «капли воды» (которые падают с потолка, когда крыша неисправна); *урхи* «ручная мельница» (множ. число); *декъари* (бруски, служащие для настилки потолка); *дагIи* «холода» (*дагI* «ветер»); *кьари* «голенища»; *сури* «сажа»; *хъубяхIруми* «весенний праздник, веселье»; *демдри* «опухоль»; *ккаиш* (муг.) «голод»; *зубри* «небо» (*зубари* «звезда»); *дацIи* «яловые» (коровы); *пяхъ-ланги* (муг.) «грипп»; *хъяшхъи* «прыщи»; *уницIби* (боковые вставки в рубашке под рукавами); *бяхIяслуми* «лысына» и др.

Имеются наконец и такие существительные, форма ед. числа которых употребляется как в един., так и во множ. числе: *урчи* «лошадь» и «лошади»; *картошка* «картошина» и собирательно «картошка»; *хъара* «горошина» и «горох»; *мирхъи* «пчела» и «пчелы»; *маза* «овца» и «овцы»; *хIянчи* «работа» и «работы»; *тIама* «голос» и «голоса, шум»; *дек* «кизяк» и «кизяки»; *урцул* «полено» и «дрова»; *секIал* «вещь, вещество» и «вещи», *кьар* «трава» и «травы»; *гIянжи* «земля» и «почва» (говорят «*ишиди гIянжи сари* и *иш гIянжи саб*» «это есть почва, это есть земля») и др.

В кайтагском диалекте таких существительных встречается больше: *хъяр* «груша» и «груши»; *чух* «орех» и «орехи», *ици* «яблоко» и «яблоки» и др.

Способы образования множ. числа.

Вопрос об образовании множественного числа существительных в даргинском языке довольно сложен. Кроме того

факта, что формы множ. числа существительных имеют много различных показателей, сама основа существительного при этом тоже часто подвергается фонетическим изменениям. Тем не менее все формы множ. числа, за исключением случаев, где множ. число образуется одной лишь внутренней флексией, имеют общую черту: все они оканчиваются на гласный *и* (цудах. *e*).

Не все существительные во множ. числе принимают специальный аффикс этой формы. Есть и такие существительные, у которых множественное число образуется при помощи лишь внутренней флексии, заменой гласного в основе гласным *у*:

набадари «морковка» — *набадури* (мн. ч.);

мухъари «ячменный хлеб» — *мухъури*;

гъятари «черемша» — *гъятури*;

гантари «уголь» — *гантури* (муг.);

чимичъали «ресница» — *чимичъули*;

мурчъали «воск» — *мурчъули*.

Как видно из примеров, такие существительные в ед. числе имеют в конце *-ари*, или *-али*, *-ала*, но не все существительные на *-ари*, *-али*, *-ала* могут давать такую форму множ. числа; этот способ образования множ. числа продуктивным сейчас не является.

В названиях народностей и племен, образуемых от названий аулов, мест, стран и в словах со значениями: «житель такого-то аула, житель гор, равнины, той или иной страны» встречается еще другая форма множественности или собирательности, которая тоже образуется с внутренней флексией, но не от формы единственного числа этого слова, а от названия селения, местности, страны, причем круг названий, от которых образуется эта форма, ограничен.

Как правило, в даргинском языке форма числа образуется от формы единственного, но в таких племенных названиях дело обстоит иначе: здесь от формы множ. числа прибавлением суффикса образуется форма единственного:

цъудхъур «цудахарцы» — *цъудхъран* «цудахарец»;

булхъур «балхарцы» — *булхъран* «балхарец»

хъурухъ «урахинцы» — *хъурухъан* «урахинец».

Изменения, происходящие в основе существительного при образовании множ. числа нельзя считать за чисто фонетическое явление (за исключением, пожалуй, случаев выпадения гласных), наоборот, это явление морфологическое и, весьма вероятно, что такое изменение в даргинском языке когда-то было главным способом образования множественного числа.

Суффиксы множественного числа.

Преобладающее большинство существительных во множественном числе принимает один из следующих показателей множественности:

-би: *хIеркI* — *хIуркIби* «реки»; *парта* — *партаби* «парты»;
унра — *унруб* «соседи»; *хIули* — *хIулби* «глаза»;

-ти; *адам* — *адамти* «люди»; *трактор* — *тракторти* «тракторы»; *метр* — *метрти* «метры»;

-ни: *хIяз* — *хIязани* «игры»; *хъар* — *хъарани* «верхи»;
хъаба — *хъабни* «горшки»; *хIяба* — *хIябни* «ремни»; *курс* —
курсани «курсы»; *парк* — *паркани* «парки»; *танк* — *танкани*
«танки» (иногда, как видим, с предшествующим гласным).

-ми: *хъу* — *хъуми* «посевы, поля»; *цIа* — *цIами* «огни»;
ши — *шими* «селения, аулы»;

-ри: *хъали* — *хъулри* «дома»; *бахI* — *бахIани* «лица, стороны»;
бекI — *бург* «головы»; *бятI* — *бутIри* «утки»;

В диалектах цудахарского типа в слове *хя* «собака» встречается окончание *де*: *худе* (акуш. *хари*). В наречии селения *Дизбук* от этого слова мы имеем множ. ч. *хурги*.

-и: *унц* — *унци* «быки»; *тум* — *туми* «жилы»; *бецI* — *буци*
«волки»; *къял* — *кбули* «коровы»;

-хъали в собственных именах: *Алихъали* «Алиевы»; *Патиматхъали* (Патимат с ее семьей или с ее подругами); *нешхъали* (мать и ее семья), *халанешхъали* «бабушка с ее семьей».

-дури: *гъуни* — *гъундури* «дороги»; *муса* — *мусадур*
«места».

-т: *губдалунт* «губденцы»; *лавашакунт* «левашинцы» (ед. ч. *губдалан*, *лавашакан*); *къадарунт* «кадарцы»; *хажакунт* «ходжалмахинцы» (ед. ч. *къадаран*, *хажакан*).

В школьной грамматике даргинского языка суффикс *-хъали* всегда включается в показатели множественного числа, но говорится, что он выражает лишь множественность лиц, объединенных семьей или иной взаимной общностью. Когда мы говорим *Алихъали*, мы не подразумеваем несколько лиц по имени «Али», а подразумеваем Али с его семьей, родом, товарищами. Когда мы говорим: *нешхъали* мы не подразумеваем несколько матерей, а мать с ее семьей и т. д.

Даргинское множественное число *Алихъали* аналогично русскому Алиевы, Тимохины; многие даргинские роды и племена носят собственные имена с суффиксом *-хъали*: *Бурагъанхъали* «Бурагановы», *Абдуразакъхъали* «Абдуразаковы» и др.

Сложные суффиксы множественности.

Перечисленные выше суффиксы являются простыми окончаниями множ. числа. Перед некоторыми из них (*би*, *ти*, *-ни*, *ми*) иногда появляются другие звуки, гласные и согласные, образуя таким образом сложные суффиксы множественности.

-рби: *ванза* «земля» — *ванзурби*, *вацIа* «лес» — *вацIурби*;
гIиниз «родник» *гIинзурби*; *иникъ* «пещера, ущелье» — *инкзурби*; *гIямзи*, «угол» — *гIямзурби*; *дазу* «граница» — *да-*

зурби; магіна «смысл, значение» — магінурби; аги «мотив» — агурби;

-нби: ибала «шов» — иблунби; байхгала «половина» — дайхгълунби; агІниахгала «вещь, утварь» — агІниахгълунби. Все существительные, оканчивающиеся во мн. ч. на нби могут оканчиваться и на -ми, -луми. Суффикс -нби является специфической особенностью акушинского диалекта;

-луми: ахІдеш «добро хорошее дело» — ахІдешлуми; вайбаркъ «зло» — вайбаркълуми; баркъуди «действие, дело» — баркъудлуми; артІгала «кусок, отрез» — артІлуми;

-руми: ула «сито» — улрумИ; къала «крепость, город» — къалрумИ; хали «охотничья собака» — халрумИ; бали «буivol» — балрумИ; гула «бык» (откормленный для убоя) — гулрумИ;

-рти: къяйда «правило» — къяйдурти; пайда «польза» — пайдурти; хІилла «хитрость» — хІиллурти; макру «интрига» — макрурти;

-нти: ч-арма «бочка» — чармунти; бурма «винт» — бурмунти; лезми «язык» (орган тела) — лезмунти. Суффикс этот встречается редко, вместо -нти часто употребляется -ни (чармуни, бурмуни, лезмуни);

-лти: ишара «знак, намек» — ишаралти (муг.); минара «минарет» — минарулти; гъадара «чашка» — гъадарулти; чядира «бязь» — чядирулти.

Кроме того, перед некоторыми из показателей множественного числа появляются гласные *а, у*; перед -би: — къянкъ «нос» — къянкъуби; кІентІ «губа» — к унтІуби; перед -рби — гІиниз «родник» — гІинзурби, иникъ «пещера, ущелье» — инкъурби; перед -ни (в односложных словах *а*, в многосложных *у*) — курс — курсани; мер «место» — мерани; къар «травы» — къарани; банк «банк» — банкани; къучакъ «молодец» — къучакъуни; букъакъ «халва» — букъакъуни; дудеш «отец» — дудешуни.

Таким образом форма множественного числа существительного в даргинском языке образуется примерно двадцатью суффиксами: -би, -уби, -рби, урби; -нби, -рти, -нти, -лти; -ани, -уни; -ми, -луми, -руми; -ри, -и; хъали, и посредством изменения основы без прибавления специального показателя. Если не учитывать те гласные и согласные, которые прибавляются перед показателями множественности, то простых суффиксов будет восемь: би, т, ти, ни, ми, ри, и, хъали.

Теперь мы остановимся на условиях употребления суффиксов множ. числа в отдельности:

Суффикс би.

Его принимают все новые заимствования из русского языка, кончающиеся на гласный:

парта — партаби; банка — банкаби; перо — пероби; партия — партияби.

Незаимствованные существительные, принимающие показатель *би*: *гІинц* «яблоко» — *гІинцби*; *хъяр* «груша» — *хъярби*; *галг* и *галга* «дерево» — *галгуби*; (или *гулгри*); *шин* «вода» — *шинани* (урах.); *кІентІ* «губа» — *кІунтІ (у) би*; *диъ* «мясо» — *диъби*; *хІуркІ* «река» — *хІуркІби* (урах. *хІуркІри*); *нед* «бровь» — *нудби*; *дех* «ноша, вьюк» — *духби*; *къярд* «долина» — *къярдби*.

Из существительных на гласный *би* регулярно принимают существительные с суффиксами *чи*, *къя*, *къяна*:

-*далайчи* «певец» — *далайчиби*; *гьункъя* «путник» — *гьункъяби*; *дугІкъя* «бродяга» — *дугІкъяби*; *аршикъяна* «жнец» — *аршикъянаби*.

Существительные с суффиксом *къяна* факультативно могут принимать и показатель *ти*: *аршикъянти* «жнецы», *муракъянти* «косари, косцы» и т. д.

Существительные, принимающие показатель множественности *би*, подвергаются иногда в основе различным фонетическим изменениям:

— конечный гласный выпадает:

гІена «плита» — *гІенби* и *гІунби*; *гІянкІа* «корка» — *гІянкІби*; *гьуни* «дорога» — *гьунби* и *гьундури*; *кани* «живот» — *кунби* (урах. *кумми*); *къяна* «ворона» — *къунби* (урах. *къявямми*).

— конечный гласный переходит в *у*:

кьюкъя «колени» — *кьюкьюби*; *галга* «дерево» — *галгуби* *дулгъа* «рукав» — *дулгъуби*; *зехни* «бревно» — *зехнуби* (муг. *зехнурби*); *шара* «озеро» — *шаруби*, *шараби* и *шарми*; *къяркъя* «камень» — *къяркьюби* (муг. *къяркъби*); *къярда* «кол» — *къярдуби*; *къяда* «куст» — *къядуби* и др.

— В немногих односложных существительных на согласный гласный *у* прибавляется в основе факультативно:

къянкъ «нос» — *къянкъ (у) би*; *кІентІ* «губа» — *кІунтІ (у) би*.

— В односложных существительных на согласный гласный основы переходит в *у*:

дерг «шишка» — *дургби*; *дехъ* «бревно» — *духъби*; *дагІ* «ветер» — *дугІби*; *дякъ* «проход» — *дукъби*.

— В существительных на гласный в два слога и больше вместе с выпадением гласного предпоследний гласный основы переходит в *у*:

кани «живот» — *кунби*; *тІени* «ясли» — *тІунби*; *къяна* «ложь» — *къунби* (урах. *къявямми*); *къяни* «сундук» — *къянуби* (урах. *къямми*); *кІана* «платок» — *кІунби* (урах. *кІумми*); *валликъяна* «спутник» — *балликъянуби*.

Таким образом, все изменения, происходящие в основе при прибавлении суффикса *би*, сводятся к выпадению конеч-

ного или предпоследнего гласного, к переходу конечного или предпоследнего гласного в *y*, к прибавлению гласного *y*.

Особняком стоит слово *урдур* «бедро» — *урдуби*, где выпадает конечный согласный *p*.

Все эти изменения свойственны лишь исконно-даргинским существительным. В новых заимствованиях мы никаких изменений не встречаем.

Нужно отметить, что все эти изменения свойственны не только одному или нескольким диалектам; они существуют во всех диалектах. Однако, как в живой речи даргинцев, так и в литературном языке, наблюдается стремление к сохранению по возможности основы слова без изменений.

Суффикс *ри*.

Этот суффикс встречается сравнительно редко, его принимают в основном существительные, состоящие из одного закрытого слога:

анхъ «сад» — *унхъри*; *баз* «луна» — *бузри*; *бахI* «страница» — *бухIри* и *бахIри*; *ганз* «шаг» — *гунзри* и т. д.

Этот же суффикс принимают и слова других типов:

— односложные с открытым слогом: *кла* «лист» — *клари* «листья»; *хя* «собака» — *хури*;

— двухсложные:

клапи «лист» — *клапри*; *клими* «хвост» — *климри*; *мама* (й) «женская грудь» — *мамри*; *тIама* «голос» — *тIамри*; *хъали* «комната» — *хъулри* (цудах. *хъунре*); *хъунул* «жена» — *хъунри* (урах. *хъунни*); *хIула* «колесо» — *хIулри* (цудах. *хIунруме*); *шали* «бок» (мяса) — *шулри*; *хамха* «тело» — *хумхри*; *гумул* «палец» (ноги) — *гумри* (муг. *ккамри*).

При показателе *ри* гласный основы обычно переходит в *y*: исключение составляют слова: *клими*, *клапи*, *мама* (й), *кла*, *тIама*.

Суффикс *рби*, *урби*, *руби*.

Этот суффикс принимают существительные на гласный в два слога:

къапу «ворота» — *къапурби*; *унза* «дверь» — *унзурби*; *анда* «лоб» — *андурби*; *анкли* «пшеница» — *анклурби* (мекег. *анклибе*), а также слова: *глиниз* «родник» — *глинзурби*; *иникъ* «пещера» — *инкъурби*; *гIянала* «подушка» — *гIянурби* и *гIянулби* (урах. *гIвяннуби*).

Конечный гласный основы перед *-рби* переходит в *y*; в словах с закрытым слогом добавляется гласный *y*. Существительные, принимающие этот суффикс, малочисленны.

Суффикс *ми*.

Почти все существительные, принимающие *ми*, имеют гласный исход (исключение составляет менее десятка слов).

Этот показатель принимают:

— Существительные, состоящие из одного открытого слога: *хъи* «вершок» (у корнеплодов) — *хъими*; *хъя* «клятва» —

хъими; *чи* «нитка» — *чилими*; *кли* «проволока» — *клими*; *эбе* «семя» — *эбеми*; *хъу* «посев» — *хъуми*; *ши* «аул» — *шими* и др.

Исключение составляют слова: *хя* «собака» — *хури* (цудах. *худе*; дибукск. *хургы*); *кла* «лист» — *клари* и *клами*;

— Существительные с основой на *ри*; при этом конечный *и* переходит в *у* или выпадает:

пикри «мысль, дума» — *пикруми*; *агри* «нужда» — *агруми*; *дабри* «обувь» — *дабруми*; *ругери* «русло» — *ругруми*; *хъу* *цлари* «плечо» — *хъуцлруми* (цудах. *хъуцлрумне*); *шури* «скала» — *шурми*; *клури* «большой кувшин» — *клурми*; *чури* «кося» (прическа) — *чурми*; *сири* «люлька» — *сирми*.

Исключение составляют существительные на *ари*, у которых множ. число образуется одной лишь внутренней флексией. Исключается также слово *хляри* «плетень» — *хляруби*.

— Существительные на *ала*, *ла*, *лла*, причем предпоследний гласный (*а*) выпадает, последний гласный переходит в *у* или выпадает; второй из двух *л* иногда переходит в *р* (явление диссимиляции), в некоторых словах на *ла*, *ли* наслаивается *р*:

аргала «отруби» — *аргълуми*, *аргьули*, *аргьулти*; *артлал* «отрез, кусок» — *артллуми*; *байхвала* «половина» — *дайхълуми*; *беркала* «кушанье» — *берклуми*; *бала* «шерсть» — *балми*; *кьала* «комок» — *кьалми* и *кьулми*; *гула* «бык» (откормленный для убоя), — *гулруми*; *цла* «сито» — *улруми* (урах. *уллуми*; цудах. *зунруме* от ед. *зула*); *бали* «буйвол» — *балруми*; *къала* «крепость» — *къалруми* (цудах. *къанруме*); *кьула* «бассейн» — *кьулруми*; *билла* «грабли» — *билруми*.

Но иначе образуют слова: *пяхла* «перо» — *пяхли* и *пухли*; *пусала* «пылинка» — *пусли*;

— Двухсложные существительные на *ра*, причем гласный *а* выпадает или переходит в *у*:

чара «круглый большой таз» — *чарми*; *хляра* «дуло» — *хлярми*; *кура* «лопата» (деревян.) — *курми*; *цура* «свинья» — *цурми*; *шара* «озеро» — *шарми*, *шаруби* и *шараби*; *тавра* «сумка» — *таврми*;

Но: *мура* «сено» — *мурби*.

Этим не исчерпываются существительные, принимающие окончание *ми*. Имеются и другие существительные, которые его принимают:

хьитла «чурбан» — *хьитлими*; *кигьа* «баран» — *кигьми* (муг. *кива* — *кивни*); *утли* «соска» — *утлими*; *гьякьлу* «ум» — *гьякьлуми*; *дурег* «расческа» — *дурегми*; *дуруг* «веретено» — *дуругми*; *киса* «карман» — *кисми* (урах. *кисни*); *дирихь* «туча, облако» — *дирихьми*, *дирхьми* и *дирихьуни*; *кулеха* «браслет» — *кулухми* (муг. *кулхми*); *тулека* «кольцо» — *тулукми*

(муг. *тІулкми*); *хІулега* «бублик» — *хІулугми*; *гъяй* «сани» — *гъяйми* (муг. *гъяйри*); *къада* «куст» — *къадми*, *къадуби*; *гъаруш* «буза» — *гъаршми* и *гъарушми*; *къзуруш* «рубль» — *къзуришми* и *къзурушми*; *чирагъ* «лампа» — *чирагъми* (муг. *чиргъми*); *гъая* «веревка» — *гъайми* (муг. *гъайгъби*); *хІячи* «корень» — *хІячми*; *дураз* «соха» — *дурзми*, *дуразми* и *дуразуни*; *лутІи* «подкова» — *лутІми*; *тур* «меч» — *турми*, *турани* и др.

Кроме выпадения конечного гласного или перехода его в *у*, в основе существительного с суффиксом *-ми* иногда происходят изменения: второй от конца гласный выпадает или переходит в *у*: это видно из следующих примеров:

ургала «середина» — *урглуми*; *бутІари* «кусок» — *бутІрумми*; *бургІяла* «обломок» — *бургІлуми*; *ругери* «русло» — *ругрумми*, *ругерти*.

Суффиксы *луми* (*румми*).

Этот суффикс принимают производные существительные, образованные элементами: *-деш*, *-баркъ*, *-уди*, *-бухъ*, *-булхъ*, *-лди*; эти существительные могут принимать и показатель мн. ч. *уни*:

шинкІадеши «сырость, жидкость», — *шинкІадешилуми*, *шинкІадешуни*; *ахІдеш* «добро» — *ахІдешлуми* и *ахІдешуни*; *ахІбаркъ* «добродетель» — *ахІбаркълуми* и *ахІбаркъуни*; *баркъуди* «действие» — *баркъудлуми*; *гъятІбухъ* «обвал» — *гъятІбухълуми*; *тясбулхъ* «каток» — *тясбулхъуни*, *къаралди* «фигура» — *къаралдлуми*.

Суффикс *и*.

Слова, принимающие суффикс *и* немногочисленны; в цудах диалекте круг употребления этого показателя шире, чем в акушинском или урахинском.

Большинство существительных, принимающих этот суффикс, состоят из одного закрытого слога:

бецІ «волк» — *буцІи*; *гъабиш* «рыба» — *гъубиши*; *гІемс* «мускул» — *гІемси* и *гІумси*; *къял* «корова» — *къули*; *мегъ* «железо» — *мугъи* и *мугъри*; *мекъ* «свадьба» — *мукъи* и *мукъри*; *тІентІ* «муха» — *тІунтІри*; *жяр* «ива» — *жяри* и *жярани*.

Гласные в основе при этом, как видим, часто переходят в *у*.

Некоторые существительные с числом слогов больше двух, оканчивающиеся на *р(а)*, *л(а)*, *л(и)*, принимая *и*, подвергаются изменениям: предпоследний гласный или выпадает, или переходит в *у*, конечный гласный *а* переходит в *и*:

уркур(а) «арба» — *уркри*; *уркъул(и)* «доска» — *уркъли*; *хъубзар(а)* «крестьянин» — *хъубзури*; *узикъар* «двоюродный брат» — *узикъури*; *рузикъар* «двоюродная сестра» — *рузикъури*; *имиари* и *имиала* «муравей» — *имиури* или *имиули*;

пусала «пылинка» — *пусли*, *уцлала* «щепка» — *уцли*; *пухляла* «перо» — *пяхли* и *пухли*.

Обращают на себя внимание слова *узбикбури*, *рузбикбури*, *чуднихинкли* «галушки с начинкой» (от ед. ч. *чудухинки* «пирог, галушка»).

Слова *узикбар* и *рузикбар* являются сложными, состоящими из *узи* «брат», *рузи* «сестра» и *кьяр* (не имеет самостоятельного значения). Во множ. числе в них изменяются обе части: *узи*, *рузи* (*узби*, *рузби*) и *кьяр* (*кбури*); *чуду* (*чудни*) *хинки* (*хинкли*).

В существительных на *ал* или *ул* гласный выпадает:

секлал «вещь, вещество» — *секли*; *клицул* «ложка» — *клицли*; *мурул* «муж» — *муили* (урах. *мурзул* — *музли*); *хьунул* «жена» — *хьунри* (урах. *хьунни*); *гляшул* (мүлеб.) «кремь» — *гляшли*.

Особняком стоит слово *эмхле* «осел» — *эмхли*, *умхли*, где первый гласный переходит в *у*.

Что касается слов *мурул* и *хьунул*, то здесь вместо ожидаемых форм *мурли*, *хьунли* мы имеем *муили*, *хьунри*.

Суффикс ни (ани, уни).

Этот суффикс принимают:

— новые заимствования, оканчивающиеся на согласные, кроме *б*, *в*, *й*, *л*, *ль*, *м*, *н*, *нь*, *р*, *рь*:

коммунист — *коммунистуни*, *большевик* — *большевикуни*; *совет* — *советуни*; *танк* — *танкани* и *танкаби*; *парк* — *паркани*; *курс* — *курсани*; *курсант* — *курсантуни*; *пиж* «печ» — *пижани*.

ани принимают также заимствованные односложные существительные с согласным исходом, когда в слове нет стечения двух согласных:

мел — *мелани*; *тел* — «телеграмма» — *телани*; *тыл* — *тылани*; *пар* — *парани*; *пай* — *паяни*.

В заимствованных словах с суффиксом множественности *ни* никаких изменений в основе не происходит, но перед *ни*, в зависимости от числа слогов, появляется *а* или *у* (в односложных словах без стечения согласных *а*, в других — *у*).

Что касается других существительных (не являющихся новыми заимствованиями), то с ними дело обстоит немного иначе. Этот суффикс мн. ч. принимают существительные как при конечном согласном, так и при любом гласном, причем перед гласным может стоять любой согласный. Его принимают и такие существительные, которые оканчиваются на один из указанных выше звуков, если существительное односложное:

гежба «козлик» — *гежбуни* и *гужби*; *гилавка* «фунт» — *гилавкуни*; *булеги* «лакеп» — *булузуни*; *цайба* «тетерев» — *цайбуни*; *чакма* «сапоги» — *чакмуни*; *буреба* «иголка» — *бурбуни*; *багъа* «цена» — *багъни*; *бугъа* «бугай» — *бугъни*;

девани и дугьби; куц «вид» — куцани; кьар «трава — кьарани; хьар «низ» — хьарани; мер «место» — мерани; бай «середина» — баяни; хлял «положение» — хлялани; хур «липа» — хурани, пал «треск» — палани; ар «черенок» — арани; хъяб «шея» — хъябани и хъубри; цледеш «фрукт» — цледешуни; ахлдеши «добро» — ахлдешуни и ахлдешлуми; клабатл «поднос» — клабатуни и клабатуни.

На ни оканчиваются факультативно также почти все те существительные, которые принимают суффикс мн. ч. *луми* (существительные на *деш*, *баркь* и т. д.).

Как видно из примеров с показателем *ни* даргинские исконные существительные подвергаются в основе флективным изменениям: там, где есть конечный гласный, он выпадает, или переходит в *у*; там, где его нет он появляется, гласный *а* выпадает или переходит в *у*: *хлуреба* «войско» — *хлурбуни*; *буреба* «иголка» — *бурбуни*; *гьякла* «штраф» — *гьякани*; *юзбашу* «старшина» — *юзбашуни*; *бурма* «винт» — *бурмуни*.

Суффикс *ти*.

Его принимают во мн. ч. следующие слова:

— Новые заимствования с количеством слогов больше одного, без стечения согласных с исходом на *б, в, й, л, ль, м, н, нь, р, рь*. трактор — тракторти; секретарь — секретарьти; бухгалтер — бухгалтерти; букварь — букварьти; метр — метрти; аэроплан — аэропланти; вагон — вагонти; герой — геройти; диплом — дипломти; план — планти; пристань — пристаньти; двигатель — двигательти; учитель — учительти; залив — заливти; остров — островти; пролив — проливти; устав — уставти; коллектив — коллективти; комбайнер — комбайнерти и др.

— Его принимают и другие многосложные существительные на согласные *б, в, й, л, м, н, р*.

гьязаб «мука, мучение» — *гьязабти*; *кьатав* «мозоль» *кьатавти*; *хъяйхъяй* «челюсть» — *хъяйкъуби*, *хъяйхъуйти*; *дарай* «шелк» — *дарайти*; *хлякул* «лопух» — *хлякулти*; *рухьер(и)* «краска» — *рухьерти*; *урхам* «жернов» — *урхамти*; *тухум* «род» — *тухумти*; *дарман* «лекарство» — *дарманти*; *арцан* «птица» — *арцанти*; *чягьир* «вино» — *чягьирти*; *чугур* «чугур» — *чугурти*.

— Из односложных имен существительных *ти* принимают: *хляз* «игра» — *хлязти* и *хлязани*; *дяв* «борьба» — *дявти* и *дявани* в значении «спор»); *вег* «хозяин» — *вегти*; *мар* «правда» — *марти*; *лагъ* «раб» — *лугъти* (муг., акуш. *лугъри*).

— Суффикс *ти* принимает также большая часть существительных на *ала, ила* (часть из них могут оканчиваться и на *ми* или *луми*) *ани, ари*:

аргала «отруби» — *аргьулти*; *агниахгала* «вещь, утварь, инструмент» — *агниахгьлуми*, *агниахгьулти*; *дургила* «гумно, ток» — *дургьулти*, *дургьлуми*; *дугени* «корм» — *дугенти*; *рур-*

гани «сверло» — *руганги*; *къянари* «кувшин» — *къянурти* (и *къянулти*); *кьицлатIари* «отрез» — *кьицлатIурти* (и *кьицлатIури*).

Суффикс -рти.

Его принимают слова на *ла, лу, ри, ру, му, я, ну*: *хIилла* «коварство» — *хIиллурти* и *хIиллуми*; *давла* «богатство» — *давлурти* и *давлуми*; *гIякьлу* «ум» — *гIякьлурти* и *гIякьлуми*; *пикри* «мысль» — *пикрурти* и *пикруми*; *амру* «повеление» — *амрурти*; *зулму* «гнёт» — *зулмурти*; *тутия* «цинк» — *тутиурти*.

Суффикс -лти.

Его принимают трехсложные слова с исходом на *ра*: *минара* «минарет» — *минарулти* и *минараби*; *гъадара* «чашка» — *гъадараби*; *чядира* «бязь» — *чядирулти*; *даража* «степень» — *даражулти*, *даражаби*, *даражуни*, *даражлуми*; *бадира* «ведро» — *бадирулти* и *бадираби*; *ишара* «знак» — *ишарулти* и *ишараби*.

Суффикс -нти.

Его принимают слова на *ма, ми*: *бурма* «винт» — *бурмунти* и *бурмуни*; *чакма* «сапоги» — *чакмунти* и *чакмуни*; *чялма* «чалма» — *чялмунти* и *чялмуни*; *лезми* «язык» — *лезмунти* и *лезмуни*.

Из всего сказанного видно, что формы множ. числа существительных в даргинском языке упрощаются и сокращаются; наращенные, стоящие перед показателями *лу, ру* и др. исчезают. Возможно, что в прошлом даргинских суффиксов множ. числа было даже больше, чем это мы находим ныне в лакском языке. Кроме того из примеров видно, что многие существительные факультативно принимают несколько суффиксов множ. числа; они в множ. числе имеют, следовательно, несколько факультативных форм. Это относится лишь к исконно даргинским словам и к словам, заимствованным даргинцами из других языков уже давно. В новых словах такого разнообразия в формах множественности мы не наблюдаем: здесь употребляются всего три простых суффикса множ. числа: *би, ни, ти*.

Падежи даргинского склонения.

В акушинском диалекте даргинского языка существуют семь общих падежей и сверх того местных падежей двенадцать (по 3 падежа в 4 сериях). Всего в даргинской системе склонения надо считать 19 падежей, а именно:

I. Общие падежи:

Именительный — *адам* «человек»;

Родительный — *адамла* «человека»;

Эргативный — *адамли* «человек» (как деятель);

Дательный — *адамлис* «человеку»;

Совместный — *адамличи* «с человеком»;

Предметный — *адамличила* «о человеке»;

Орудный — *адамличибли* «человеком».

II. Местные падежи:

Направительные — *адамличи* «на человека, к человеку» (*адамлизи, адамлихи, адамлиу*).

Местные — *адамличиб* «у человека, на человека»; (*адамлизиб, адамлихиб, адамлиуб*).

Исходные — *адамличибад* и *адамличибадли* «от человека, с человека» (*адамлизибад, адамлихибад, адамлиубад*).

Значение предметного падежа ясно из данного нами перевода этой формы.

От слова *адам* «человек» в реальной речи некоторые из приведенных форм не встречаются и являются как бы искусственно образованными (таковы, например, формы *адамлихи* «в человека», *адамлихибад* «из человека»). От других же существительных подобные формы являются живыми.

Элемент *б* в местных падежах и в орудном падеже является классным показателем, который чередуется (*в, р, б, д*) в зависимости от класса, того имени, к которому относится данный падеж. Элементы *ч, з, хI, ц* являются показателями так называемых серий падежей: *чи*, «на...» и «к...»; *зи* «в...»; *у* «под...». Элемент *чи* (*чиб, чибад*) в акушинском диалекте имеет два значения: «на...» и «к...» — *адамличи* значит «к человеку» или «на человека». В других диалектах эти оба значения выражаются отдельными формами: *чи*, или *ки* «на...» *чу* или *цу* «к...». Следовательно, в этих диалектах и серий местных падежей надо считать не четыре, а пять: *зи, хIи* (или *гIи, чи, чу, у*).

Не все диалекты даргинского языка имеют совместный и предметный падежи; например, в урахинском нет совместного падежа *адамличил*. В значении акушинского совместного падежа здесь употребляется направит. падеж со значением «к...» с последующим послелогом *варх* (*барх, дарх*) «вместе» — *адамчиичу варх*. В некоторых диалектах (например, в сургинском и кайтагском) вместо акушинского предметного падежа (*адамличила*), употребляют словосочетание *адимла хIекъицце* (*адимла* родит. падеж, *хIекъицце* мест. падеж от *хIекъ* «истина») о человеке». Эта же форма употребляется и в других диалектах, в том числе и в акушинском, параллельно с формой предметного падежа.

В урахинском диалекте для выражения падежей движения «через» имеется особая форма, отличная от формы исходн. падежа, с окончанием *-ббит* (*бб* — окаменевший классный показатель): *вацIализиббит арикъвян* «ушел через лес». Это значение в акушинском диалекте выражается формой исходного падежа.

Для выражения превосходства по качеству одного предмета над другим, в урахинском диалекте имеется особая форма па -*йишиб*: *адамзийшиб унц, декIли бирар* «бык тяжелее человека». Аналогичные формы имеются в цудахарском,

мугинском и других диалектах: *-лиргьяр* (цудах.) *-ликир* (муг.). В акушинском диалекте также это значение выражается формой, образуемой от разных падежей с добавлением окончания *-чиб*: *униц адамличиб декли бирар* «бык тяжелее человека».

Эта форма, называемая П. К. Усларом «уступающим» падежом, может быть образована почти от всех падежей кроме предметного и орудного:

от имен. — *эмхлечиб* «чем осел»

родит. — *эмхлелайчиб* «чем у осла, чем ослиный»

эрг. — *эмхленичиб* «чем осел»

дат. — *эмхлесичиб* «чем ослу»

совм. — *эмхлечиличиб* «чем с ослом»

направ. — *Лавашаличиб* «чем в Левашах»

мест. — *Лавашабичиб* «чем в Левашах»

исход. — *Лавашабадичиб* «чем из Левашей»

В цудахарском диалекте имеется особый звательный падеж, который оформляется передвижением ударения к началу слова, как об этом было упомянуто в разделе ударения.

Существительные, имеющие частичное склонение.

Несклоняемых существительных в даргинском языке нет, но есть такие существительные, которые склоняются частично, встречаясь лишь в некоторых формах. Таковыми являются старинные названия аулов, которые в даргинском языке отличаются рядом особенностей: направ. падеж от них оканчивается на гласный *а* или *и*. Иногда форма направ. падежа совпадает с формой именительного: *Ахъуша* — «Акуша» и «в Акуша»; *Бутри* — «Бутри» и «в Бутри»; *Цидахъар* «Цудахар» — *Цидахъарив* «в Цудахаре»; *Уркарахъ* «Уркарах», — *Уркарахъив* «в Уркарахе»; *Хиурехъи* — «Урахи» и «в Урахи».

Приведем здесь от названий аулов формы, выражающие приближение к ним, пребывание в них, удаление из них.

Хиурехъи «в Урахи», *Хиурехъив* «в Урахи», *Хиурехъивад* «из Урахи»; *Ахъуша* «в Акуша», *Ахъушав* «в Акуше», *Ахъушавад* «из Акуша»;

Цидахъари «в Цудахар», *Цидахъарив* «в Цудахаре», *Цидахъаривад*, «из Цудахара»;

Балхъари «в Балхар», *Балхъарив* «в Балхаре», *Балхъаривад* «из Балхара»;

Уркарахъи «в Уркарах», *Уркарахъив* «в Уркарахе», *Уркарахъивад* «из Уркараха».

Лаваша (в Левашах), *Лавашав* «в Левашах», *Лавашавад* «из Левашей».

Усиша «в Усиша», *Усишав* «в Усиша», *Усишавад* «из Усиша».

Ряд таких названий употребляется и в значении жителей данного аула. Тогда эти названия склоняются по всем падежам:

ахъушала «акушинцы» — род. п.;
ахъушани — эргатив;
ахъушачи «к акушинцам» направ.;
ахъушачил «с акушинцами» — совместный;
бутрила «бутринцы» — родит. п.;
бутрини — эргатив;
бутрис «бутринцам» — дат.;
бутричила «о бутринцах» — предметный.

Иначе склоняются новые названия аулов, селений и городов; они склоняются по всем падежам, образуя их по общему правилу:

Сергокъала «Сергокала»
Сергокъалала — родит.
Сергокъалали — эргатив.
Сергокъалализи — направ. и т. д.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ПАДЕЖЕЙ.

Подробно говорить о значениях даргинских падежей следует в синтаксисе. Здесь мы вкратце скажем только, каковы основные значения этих падежей.

1. Именительный падеж употребляется, когда называют какой-либо предмет. *Али сай* «Али (есть)», *табтар саби* книга (есть)». Этот падеж употребляется и как обращение: *Али, иша ваши* «Али, иди сюда»; имен. падеж выражает подлежащее (действующее лицо или предмет, который находится в том или ином состоянии); выражает именное сказуемое: *Али вакIиб* «Али пришел», *Али учитель сай* «Али учитель (есть)»; выражает прямое дополнение, когда сказуемое выражено переходным глаголом: *Алини кагъар белкIун* «Али написал письмо».

Кроме того, имен. падеж может выражать время, если перед ним стоит какое-либо определение: *ахIси замана*, *заб дариб* «в хорошее время дождь пошел», т. е. «дождь был во время».

2. Родительный падеж в большинстве случаев совпадает по употреблению в речи с родительным падежом русского языка; он выражает: притяжательность: *Алила табтар* «книга Али»; вещество, из которого сделан или состоит предмет: *дубсилла гажин* «медный кувшин»; *гъезла муцIур* «борода» (букв. «борода волос»; в даргинском языке «подбородок» и «борода» выражаются одним и тем же словом: *муцIур*); выражает относительное определение: *колхозла азбар* «колхозный двор» (букв.: «двор колхоза»), *Советунала Армия* «Советская Армия»; выступает в роли прилагательного (когда

образован от наречия): *дурала улкни* «внешние государства» (т. е. «иностранные государства»), *гьалабла замана* «прежнее время».

Во всех этих значениях родит. падеж выступает в роли определения, но нередко он употребляется и в других значениях. Он выражает субстантивированное прилагательное, может выражать при этом подлежащее и объект и может склоняться, будучи сам по себе падежной формой наравне с именем: *ахъушала баклиб* «акушинцы (или «акушинские») пришли», *нуни ахъушала чехлебаира* «я акушинцев не видел». Родит. падеж от имени, обозначающего племя или народность, употребляется собирательно, говорят: *ахъушала* «акушинцы», *цлудхъурла* «цудахарцы», *кларакъгала* «аварцы» и т. д. Однако, такое употребление родит. падежа ограничено: нельзя сказать *урусла* в значении «русские», *узбекла* в значении «узбеки», а надо прибавить существительное, определяемое этим падежом: *урусла халкъ*, *узбекла халкъ* (или: *урус*, *узбекуни*). Нельзя также сказать: *ахъушала* в значении «акушинец» или «акушинский» в единственном числе.

Родит. падеж выступает в роли прямого дополнения, когда действие как бы переходит на часть предмета: *чайла бержес* «попить чаю»; *кел чайла держира* «выпил два (стакана) чая».

Употребляется родит. падеж и в роли косвенного дополнения, когда с глаголом сливается определяемое им имя и в ряде других случаев: *дудешла хляздухъун* «отец захотел»; (букв.: отца охота вышла); *дила карандаш агара* «у меня карандаша нет» (букв.: мой карандаш отсутствует); *нушани тлутлила чягъир дарра* «мы приготовили вино из винограда».

Родит. падеж выражает также как бы «ограничительное» дополнение: *галга къялюбала беруб* «у дерева высохли ветки» (букв.: «дерево высохло веток»); *нуни галга къялюбала бурдира* «я у дерева порубил ветки».

3. Эргативный падеж выражает в даргинском языке подлежащее переходного глагола: *Алини кагъар белкун* «Али письмо написал»; подлежащее непереходного глагола в том случае, когда объектом является первая часть сложного глагола: *Алини гьандуциб* «Али выдержал, потерпел (букв. гьан «терпение» — объект); орудие действия: *нуни бардали урцули кадердира* «я топором дрова порубил»; объект: *ну къацли велкъунра* «я хлеба наелся» хлебом наелся, *ну газегали учлулра* «я читаю газету»; обстоятельство времени: *иш хлянци ца сагъятли барес вирар* «эту работу за один час можно закончить»; причину: *ит иззай вебклиб* «тот больной умер».

Даргинский язык допускает две различные эргативные конструкции, одинаковые по своему значению: 1) конструк-

цию, где эргатив выражает подлежащее (-субъект) действия переходного глагола при объекте в именит. падеже, и 2) конструкцию, где эргативный падеж выражает объект несовершенного (длительного) вида переходного глагола при подлежащем (субъекте) в именит. падеже — конструкция, обратная предыдущей.

Русскую фразу «я режу мясо» на даргинский язык свободно можно перевести в двух вариантах: *нуни диъ къисбирулла*, и: *ну диъли къисиклулла*. В первом предложении глагол *къисбирулла* переходный и по классу согласуется с прямым объектом *диъ* «мясо», во втором предложении несовершенный (длительный) глагол *къисиклулла* непереходный и согласуется по классу с подлежащим (субъектом) в именит. падеже: женщина скажет: *ну къисриклулла*, многие люди: *къисдиклулла*.

Употребление переходного глагола в непереходной длительной форме в виде указанной здесь конструкции для даргинского языка обыкновенное явление: *нуни къацI беркунра* «я съел хлеб» — можно выразить и так: *ну къацIли укунра* «я наелся хлеба» (хлебом).

нуни шин держира «я выпил воду»

ну шинни ужира «я напился водой» (т. е. «напился воды»);

нуни газета бучлулла «я читаю газету»

ну газетали учлулла «я нахожусь в процессе чтения газеты».

Переходный глагол даргинского языка, употребляемый непереходно, напоминает иногда возвратный или страдательный глагол русского языка:

нуни табтар бучлулла «я читаю книгу»;

ну табтарли учлулла «я занят чтением книги»;

нуни шин держира «я выпил воду»;

ну шинни ужира «я напился воды»;

нуни урчи чебиулла «я вижу лошадь»;

урчи чебиур «лошадь видна»;

нуни вявла бикьюлла «я крик слышу»;

вявла бикьюр «крик слышится, слышно»;

наб ишгъуна секIал гъанбиркулла «я такую вещь думаю»;

наб ишгъуна секIал гъанбиркур «мне такая вещь думается».

Когда мы говорим: *бадира бицIиб* «ведро наполнилось», подлежащим нужно считать *бадира* «ведро»; когда говорим: *Алини бадира бицIиб* «Али наполнил ведро», подлежащим нужно считать Али. Когда говорим: *шара шинни бицIиб* «озеро наполнилось водой», подлежащим может быть *шара* «озеро» и тогда глагол будет как бы в возвратном значении,

подлежащим можно здесь считать и *шинни* «водой», тогда глагол будет как бы действительным.

Когда же возвратный даргинский глагол по своей форме отличен от действительного, тогда двоякий грамматический разбор невозможен:

шара шинни бирцIур (возвр.) «озеро наполнится водой» (*шара* — подлежащее);

шара шинни бирцIу (действ.) «вода наполнит озеро» (*шинни* — подлежащее).

В таких фразах как: *дила уриши дявтазив кавшиб* «мой сын на войне убит», *кагъар белкIуй саби* «письмо написано» — подлежащим нужно считать *уриши* «сын» и *кагъар* «письмо».

4. Дательный падеж выражает: — то лицо, которому дано или дается что-нибудь: *Алис табтар беда* «отдай Али книгу»; — тот предмет, для которого или ради которого производится действие: *Алис пальто бирба* «сшей для Али пальто» — субъект глагола с семантикой чувственного восприятия: *Алис гъанбикиб* «Али вспомнил», *Алис дигиаур* «Али захотел»; — логический объект глаголов со значением: «ударить, ругать, приветствовать» и т. п.: *Алис бяхъя* «бей Али» (грамматическим объектом в этом примере является рука); говорят: *ХIясай Алис ханжал бяхъиб* «Хасан в Али ударил кинжал» (т. е. «Хасан ударил Али кинжалом»); — обстоятельство времени: *ил жагIайс бати* «это на завтра оставь».

5. Совместный падеж, с одной стороны выражает предмет, совместно с которым производится действие, а с другой — орудие действия: *Аличил вацIализи вякъунра* «С Али я пошел в лес»; *бардаличил урцуй кавдулра* «я с топором колю дрова», т. е. «топором». Кроме того, этот падеж выражает предмет, против которого направлено действие: *душмантачил ургъес* «бороться с врагами».

6. Предметный падеж выражает тот предмет, о котором говорят, думают или заботятся: *хIянчиличила гъайэс* «поговорить о работе», *вегIла анцIбукъличила пикрикIес* «думать о своем деле».

7. Орудийный падеж выражает причину или средство: *планна кумекличибли мер ункъли багъес имканбикIур* «с помощью плана можно узнать место», *хIечибли иш секIал беттаур* «из-за тебя это дело произошло». Падеж этот своими функциями примыкает к эргативу и к совместному падежу, будучи также близок к творительному падежу русского языка.

Направительные падежи выражают предмет или место, к которому направлено действие, а также время, до которого продолжалось (или будет длиться) действие.

1) При показателе *чи* в акушинском диалекте направительный падеж имеет два значения: «к...» и «на...», т. е. здесь выражается локализация около предмета, у предмета, или на

предмете, на поверхности предмета; это видно из следующих примеров:

дудешличи гъамизэ «приблизиться к отцу»;

уталичи кайэс «сесть на стул»;

дудешличи саламиклес «посылать привет отцу», букв.: «на отца салам говорить»;

узичи гапиклес «хвалить брата», букв.: «на брата похвалу говорить»;

савлиличи бикайчи «до утра».

2) *зи* обозначает направление действия (во что-нибудь сплошное) в стену, в тело и т. п., или внутрь предмета, состоящего из отдельных частей (в город, в лес): *шагбарлизи укьэс* «итти¹ в город»,

лацлизи къярда кабахъэс «вбить кол в стену»;

беклизи бяхъэс «ударить в голову», т. е. «ударить по голове»;

тйулбази бяхъэс «ударить в пальцы», т. е. «по пальцам»;

шизи гелабикес «кануть в воду»;

пикрумази илхес «углубиться в раздумье».

Кроме того элемент *зи* выражает лицо, которому дано что-нибудь для хранения или временного пользования: *урчи дурхлялизи бедиб, сай хъули ацлиб* «лошадь отдал мальчику, сам зашел в комнату»; выражает лицо, к которому обращена речь, вопрос или ответ: *дудешлизи хъарбаэс* «спросить у отца»; *нешлизи бурес* «сказать матери»; выражает то лицо, которое при каузативном глаголе заставляют действовать: *Ализи глярза белглахъен* «заставь Али написать заявление».

3) *гли* или *хли* (два окончания одинакового значения) — выражает: предмет или место, в замкнутое, пустотелое пространство которого направлено действие: *хъайгли* «в дом, домой»; *кисмахли* «в карманы»; *кьумрахли* «в тарелки»; выражает предмет, к которому направлено действие: *дила шулгли кайи* «около меня садись», *цлалигли ваши* «к огню иди».

В ед. числе эта форма направит. падежа в акушинском диалекте встречается редко, она вытеснена в этом диалекте другой формой на *-ла*: *цлала* «к огню», *мякьла* «около», *кьанила* «в сундук» и т. д., но множ. число этих же имен принимает и в акушинском окончание *хли*: *цламахли* «к огням»; *кьунбахли* «в сундуки» и т. д.

4) Направит. падеж на *у* выражает предмет под который направляется действие:

столлиу кабихъа «положи под стол»;

галгаллиу тлашизурра «стоял под деревом», букв.: «стоял под дерево»; *галгаллиу кайира* «сидел под деревом», букв.: «сидел под дерево».

Местные падежи, отвечающие на вопрос: где? образуются от каждого из перечисленных направительных падежей посредством прибавления классного показателя, согласуемого по

классу с тем предметом, который где-нибудь помещается, пребывает. Эти падежи выражают местонахождение предмета, место или время события или действия:

дудеш шагъарлизив сай, неш собранияличир сари, биштIа дурхIни хъайгIиб саби «отец в городе, мать на собрании, маленькие дети дома»;

диркъаличиб ургъули буру «говорят, что на равнине дождь идет»;

сентябрьличир нуша дучIес дехIдирхъехIе «в сентябре мы начнем учиться»;

Кроме того, форма местн. пад. на *чиб* употребляется и в значении «уступающей» или сравнительной формы:

нушачиб гIежачиб унц дурхъаси саби «у нас бык дороже, чем коза» (поговорка). Местн. пад. на *чиб* употребляется и в значении «над чем-нибудь»: *душмайчив чедишкес* «победить врага», букв.: «стать выше над врагом».

Местный падеж на *гIиб* или *хIиб* употребляется и в значении «по следам»: *урчилигIив умцIес* «искать лошадь», букв.: «искать по следам лошади». Эту же форму в мугинском и в акушинском диалектах употребляют и в другом значении: *цIалигIив урухкIес* «бояться огня», что в цудахарском и в некоторых других диалектах выражается формой исходного падежа: *цIалицила урухчIиз* (цудах.), *цIализивад урухчIис* (урах.) «бояться огня».

Исходные падежи образуются от местных падежей прибавлением суффикса *-ад*.

Они выражают предмет, место или время, от которого, что-либо удаляется или с которого начинают действие:

хъуливад дуравхъун «вышел из дома»;

нушачирад шагъарлизи вецIал километр тер «от нас в город 10 километров (есть)»;

шагъарлизивад чарухъун «вернулся из города»;

хъулрахIибад дурабухъун «вышли из домов»;

столшубад каса «возьми из-под стола».

РАЗНОГЛАСИЯ В ВОПРОСЕ О ЧИСЛЕ ПАДЕЖЕЙ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Выше мы перечислили падежи акушинского диалекта. Прежде исследователи даргинского языка П. К. Услар, Л. И. Жирков и С. Л. Быховская далеко расходились между собой в определении числа падежей в даргинском языке.

Из восьми общих падежей Услара Жирков отрицал четыре, из 24 местных — четыре. Быховская в отрицании четырех общих падежей Услара была согласна с Жирковым, а к четырем остальным общим падежам прибавляла три падежа (совместный, предметный и орудный); к местным падежам она также прибавляла еще одну падежную форму.

Как известно, Услар исследовал урахинский диалект, Жирков в своей грамматике даргинского языка (1926 года) пользовался исключительно его же материалами, а Быховская в основном опиралась на материал акушинского диалекта. Как мы говорили выше, количество падежей акушинского и урахинского диалектов различно, но одно это не могло служить причиной указанного выше разнобоя, так как формы, приведенные Усларом в качестве общих падежей и отвергнутые Жирковым и Быховской, являются общими для этих диалектов, а те общие падежи, которые прибавляла Быховская (кроме совместного) имеются не только в акушинском диалекте, но и в урахинском, хотя почему-то Услар и пользовавшийся его материалом Жирков не обнаружили эти два падежа (предметный и орудный) или не признали их падежами.

Одной из причин, создавших такой разнобой, является то, что в даргинском (как и во многих других горских языках Дагестана) иногда очень трудно отличить послелог от окончания, т. е. отличить сочетание имени с послелогом от формы имени в том или ином косвенном падеже.

В то время, как один исследователь принимает ту или иную форму имени за падеж, другой эту форму принимает за сочетание послелога с именем. Вопрос осложняется и тем, что большинство даргинских падежей действительно возводится к сочетанию имени с послелогом, т. е. исторически эти падежи являются сочетаниями имени с послелогом. Вопрос осложняется также и тем, что этот процесс в даргинском языке до сих пор еще продолжается и различные словосочетания находятся на различных ступенях развития в этом направлении. В то время, как некоторые послеложные формы уже потеряли все признаки словосочетаний и превратились в падежи, другие еще сохраняют эти признаки в той или иной степени.

Вопрос о числе падежей в даргинском языке может быть разрешен трояко: или мы скажем, что в даргинском языке имеются лишь три первичных падежа (именит., эргатив., родит.); или скажем, что все послеложные формы тоже являются падежами, или же, наконец, скажем, что кроме трех первичных падежей мы имеем еще послеложные — вторичные падежи; но не все послеложные формы являются падежами, а лишь часть их.

Последнее решение вопроса является единственно правильным решением, и поэтому все исследователи так или иначе шли по этому пути решения вопроса. Но этот путь представляет гораздо больше трудностей, чем два предыдущие. Мы здесь должны точно разобраться в том, чем послелог отличается от окончания. Только тогда мы установим границу между падежами и послеложными формами.

Как окончание, так и послелог в даргинском языке нельзя ничем, никаким другим словом, отделить от имени. Но это не

значит, что все послеложные формы (в том числе бесспорные) являются падежами. Невозможность вставить другое слово между послелогом и именем не может быть решающим доказательством того, что эта форма составляет одно слово. Такие сочетания послелога с именем, как *школала гьалаб* «около школы» тоже не допускают вставления слова между ними, тем не менее мы здесь имеем два слова, а не одно. В даргинском языке несамостоятельное наречие (послелог), так же, как и несамостоятельное прилагательное (*ахъ, урга*) вообще не отделяется от имени, к которому оно относится.

Показатели местных падежей *чи* (муг. *ки*), *чиб*, *чибад* (муг. *киб*, *китти*) *у*, *уб*, *убад*, послелоги: *кад*, *сад*, *сат*, в том или ином диалекте употребляются как наречия: *ки*, «наверх», *киб* «наверху», *китти* «сверху», *кат арикьвян* (муир.) «пошел вниз». В акушинском же диалекте эти элементы в такой форме не употребляются. При отдельном употреблении в этом диалекте они приобретают иную форму: *чеди*, *чедиб*, (*чебкад*), *уди* (*удиб*, *удибад*, *убкад*), *катхел* (*кад*), *сатхел* (*сад*). Что касается других диалектов (муиринский, мугинский и др.), то здесь, как мы говорили, эти элементы, вернее их диалектные соответствия, употребляются и отдельно в такой форме. В этих диалектах элементы *чи*, *у* и производные от них формы употребляются двойко: с эргативным падежом (в роли падежных окончаний) и с родит. п. (в роли послелогов):

столлиу «под стол»

столла у «под стол»

столлики «на стол»

столла ки «на стол» и т. д.

Показатель исходн. п. *ад* как в других диалектах, так и в акушинском, иногда употребляется в роли определения (ср. прилагательные типа наречий: *урга*, *чебахI*, *убахI*) говорят: *ад дагI* «южный ветер» (ветер, который дует с низменности). Но это не значит, что эти элементы, показатели местных падежей, являются сами по себе послелогам, так как один и тот же элемент здесь может употребляться как отдельное слово и как часть слова. Подобно этому много слов—наречий и имен в даргинском языке часто входят в состав глагола в качестве приставок и именных частей.

Таким образом ни отдельное употребление того или иного элемента, ни невозможность вставки между ним и именем другого слова не могут быть критерием, пригодным для отличения послелога от падежного окончания.

В числе признаков, отличающих послелог от падежного окончания, мы имеем и то, что падежное окончание не должно иметь конкретного локального значения, в то время как послелог имеет весьма конкретное локальное значение. Если мы сравним различные показатели падежей даргинского языка между собою, то мы увидим, что одни из них содержат в себе,

как вещественное значение, понятие направления на или под предмет, понятие покоя над или под ним, понятие удаления сверху или снизу от предмета. Другие же показатели, например, показатели эргатива и родит. падежа не содержат никакого конкретного вещественного значения. Их значение отвлеченное, чисто формальное. Часть показателей падежей: *с* (дат.) *зи* (*зиб*, *зибад*), (*зиб*, *зибад* или *хиб*, *хибад*) уже утратила свое конкретное вещественное значение. В этом отношении элементы *с*, *зи* (*зиб*, *зибад*) *ги* или *хи*, (*зиб*, *зибад*, *хиб*, *хибад*) гораздо ближе к бесспорным окончаниям падежей, какими являются *ли* и *ла*, чем показатели *чи* (*чиб*, *чибад*), *у* (*уб*, *убад*), которые уже употребляются как наречия.

О том, что направит. форма и форма покоя являются падежами, никто не спорит. Жирков, исключавший из числа местных падежей исходные падежи, почему-то не сомневался в том, что направит. и местный падежи являются падежами. Вероятно, потому, что от направит. падежа образуется местный, от которого тоже образуется еще форма: исходный падеж; он считал именно эту форму послеложной.

Однако возможность образования от форм местного падежа новой формы не может быть доказательством того, что исходные формы являются падежами, так как и послелог в даргинском языке подвергаются изменениям — склоняются по местным падежам: *чеди* «наверх», *чедиб* «наверху», *чедибад* «сверху». Следовательно, образование исходного падежа от местного, и местного от направительного в одинаковой мере можно рассматривать, как образование послеложной формы от падежа и как образование послеложной формы от другой послеложной формы, т. е. как различные формы послелога, стоящего после существительного.

Но за то, что элемент *ад* (показатель исходных падежей) является не послелогом, а падежным окончанием, говорят следующие соображения:

— в настоящее время в даргинском языке нет такого послелога, который требует перед собой постановку имени в местн. падеже; равно также нет такого послелога, перед которым имя ставится в эргативе;

— элемент *ад* возводится к наречию-послелогу *ад*, *ат*, соотносительному с *кад*, *кат*; *сад*, *сат* (*ад* первоначально означало «вверх», а в урахинском диалекте и сейчас иногда означает «вверх» *кад* «вниз», *сад* «сюда», но *ад* в роли наречия не употребляется ни в акушинском, ни в урахинском диалектах);

— в акушинском и урахинском диалектах *ад* прибавляется к местн. падежу с классным показателем. В акушинском диалекте в указательных местоимениях он может прибавляться факультативно и к местному и к направительному падежам: *итад*, *итабад* «оттуда» (*ит* «он, тот»; *ита* «туда»). Как видно, здесь из показателя *ад* остается один лишь согласный звук.

В мугинском диалекте акушинскому *ад* соответствует *т*, всегда прибавляемый к направит. падежу: *гьитат* «оттуда» (ср. акуш. *штад*); *шагьарлизит* «из города». В муиринском диалекте также этот элемент упростился до одного звука *р* (*шагьарлиццир* «из города»), всегда прибавляемого к направит. падежу: *шагьарлицци* «в город».

Таким образом, акушинский *ад* или *д*, мугинский *т*, *тта* и муиринский — одно и то же. Здесь, следовательно, нет никакого основания исключать исходный падеж из числа местных падежей; он является таким же падежом, каким являются направит. и местный.

Услар в число падежей включил также следующие послеложные формы:

- 1) Равняющий падеж: *адамцад* «столько, сколько человек»;
- 2) Уподобляющий падеж: *адамгьуна* «такой, как человек»;
- 3) Тожественный падеж: *адамъон* «так, как человек» (акуш. *ван*);
- 4) Уступающий падеж: *адамъийшиб* «чем человек».

Падежный характер этих форм Жирков отрицал правильно. Эти формы падежами не являются, а являются результатом сочетания имен со словами, потерявшими самостоятельное употребление; но еще не успевшими оформиться как падежные окончания. За это говорит следующее:

— они прибавляются к любому падежу: *адамлацад* «столько, сколько у человека», *адамлиццад* «столько, сколько (делает) человек», *адамлиццад* «столько, сколько человеку», *адамлиццицад* «столько, сколько к человеку» и т. д.; *адамлагьуна*, *адамлигьуна* и т. д.; *адамлаван*, *адамливан* и т. д., *адамлисийшиб* и т. д.

— От первых двух (*цад*, *гьуна*) можно образовать все падежи: *адамгьунала*, *адамгьунали*, *адамгьуначи* и т. д.

Здесь, как видим, склоняется целое словосочетание. Частицы *цад* и *гьуна* могут принимать падежные окончания: хотя в них семантика имени давно исчезла, но форма еще сохраняется;

— Элемент *ван* прибавляется не только к именам, но и к наречиям, деепричастиям и основам глагола: *ахъсиван саби* «высоковато»; *вакIуливан* «как только пришёл»; *ахъванбуцис* «приподнять».

Эти элементы мы не считаем за послелогов, так как послелог, как правило, управляет тем или иным падежом, чего нет в данном случае. Они в современном состоянии своем скорее всего похожи на словообразовательные частицы и являются вместе с именем как бы сложными словами: *гьуна* и *цад* синтаксически образуют прилагательные; *ван* и *ийшиб* образуют наречия.

В акушинском диалекте элемент *ван* как бы «выветривается» и часто упрощается до одного звука *н*: *итан* «так как он»;

вакӀилин «как только пришел». Но считать его суффиксом и сказать, что *Алин* «как Али» есть одно слово—наречие нельзя, так как прибавлением *н* имя не выходит из своей категории, оно остается таким же именем, каким оно было до этого.

Быховская¹ к местным падежам прибавляла еще одну форму на *кад* «вдоль, вниз по», *кӀадакад* «по долине», *гьуникад* «по дороге». Эту форму в школьной грамматике падежом не считают, как и многие другие послеложные формы. Впервые, эта форма по своему образованию выходит из морфологической системы местных падежей. Известные нам местные падежи даргинского языка образуются последовательно: от именительного образуется эргатив, а от эргатива: направительный, затем местный, затем исходный; или же направительный падеж образуется непосредственно от именительного падежа, а от направительного и остальные местные падежи. Например: *эмхӀе* «осел», *эмхӀечи* «на осла», *эмхӀечиб* «на осле», *эмхӀечибад* «с осла». Что касается формы на *кад* (*кадӀи*), то она образуется непосредственно от именительного падежа, не давая дальнейших образований.

Элемент *кад* в акушинском диалекте имеет значение направленности вообще: безразлично, вверх, вниз или прямо. В урахинском и других диалектах он употребляется как для обозначения предмета, по которому идет движение вообще, так и для выражения самого движения вниз. В последнем значении он соотносителен с *ад* в значении движения вверх (ср. *сад* для движения «сюда» и *бет* для движения «туда»). Во втором значении элемент *кад* (*каӀ*, *каӀӀ*) в других диалектах употребляется и отдельно.

Это показывает, что элемент *кад* в отличие от *ад* и других элементов, признаваемых нами как падежные окончания даргинского языка, отличается значительной самостоятельностью.

Когда мы говорим, что такая-то форма является падежом, мы говорим, что здесь мы имеем не два слова, а одно. И, наоборот, когда мы говорим, что данная форма является словосочетанием, мы говорим, что здесь мы имеем два слова. Но, как мы говорили выше, наличие двух слов в такой послеложной форме как *гьуникад* «по дороге», *итабахӀ* «в ту сторону», *итгӀеб* «туда» не обнаруживается ни морфологически, ни синтаксически. Нужно сказать, что подобные словосочетания послелогов и имен очень близки к падежным формам, что они составляют одно синтаксическое целое. Этим и объясняется то, что такие послеложные формы путем прибавления суффикса прилагательного дают прилагательное, в то время, как послелог (*кад*, *бахӀ*, *гӀеб* и т. п.) в отдельности не в состоянии принимать какие-либо окончания или суффиксы. Примеры: *кӀадакадси* «то, что по направлению долины», *ишабахӀси* «то,

¹ См. сборн. «Язык и мышление», 1940 г., № 10, стр. 64.

что обращено сюда», *итглевси* «тот, который находится там». Точно также все падежи, за исключением эргатива и направит. принимают суффиксы прилагательного и образуют особый вид отименного прилагательного: *Алиласи* «принадлежащий Али», *Алисси*, *Алисил* «причитающийся Али»; *Аличилси* «то, что с Али» и т. д.

В губденском диалекте, где местный падеж совпадает с направительным, прилагательное образуется как бы от направит. падежа: *хъулила* «то, что в комнате», *уркИлала* «то, что находится на сердце».

Прибавление суффикса прилагательного к родит. падежу практикуется и в литературном языке, хотя и подвергается возражениям со стороны отдельных даргинцев; в живом языке оно имеет место в гапшиминском диалекте. Все прилагательные, образованные от падежей и послеложных форм, фактически остаются формой существительного и не превращаются в прилагательные: *ит ахъси музаличибси хъали изба-читальня саби* «домик, который находится на том высоком холме изба-читальня». Здесь *ахъси* «высокий» является определением для *муза* «холм»; *музаличибси* «находящийся на холме» является определяемым для *ахъси* и определением для *хъали* «домик». Дело в том, что *музаличибси* исторически является словосочетанием, равным *музала чедибси* «находящийся на верху холма» (если переделать это словосочетание по-мугински, то будет: *музаликибси*, *музала кибси*). Несмотря на то, что словосочетание *музала кибси* приняло форму *музаликибси* (акуш. *музаличибси*), причем стало осознаваться, как одно слово с показателем местн. падежа и суффиксом прилагательного, оно еще остается словосочетанием. Прилагательное *музаличибси* исторически разлагается на два: *музала* (существительное в родит. падеже) и *чедибси*, *кибси* «находящийся на верху» (прилагательное, образованное от послелога).

В даргинском языке немало случаев, когда служебное слово (поскольку оно исторически является самостоятельным словом) склоняется (*гъуна* и т. п.) и принимает словообразовательные суффиксы, свойственные именам и корням с вещественно-качественной семантикой.

Образование таких прилагательных от тех или иных косвенных падежей говорит тоже за то, что эти падежи происходят от послеложных форм.

ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ПАДЕЖИ.

Перечисленные выше падежи даргинского языка можно разбить на две категории: на первичные и вторичные (или послеложные). Первичными падежами являются: именительный, родительный и эргативный. Вторичными — являются все остальные падежи. Все они исторически восходят к сочетанию имени в именит. или эргативном падеже с послелогами: для

дательного падежа с (цудах. з, кайт. жи, гинтинск. й); для совместного чил (цудах., ццила, кайт. ццилли, урах. чу, муг. чул); для предметного числа (цудах. яла, муг. кила); для орудного чибли (цудах. ябле, муг. кибли); для направит. чи (зи, гли, у); для местного чиб (зиб, глиб, уб); для исходного чибад (зибад, глибад, убад).

То, что элементы чи, гли, у и их производные формы чиб, чибад, глиб, глибад или хлибад, уб, убад исторически являются послелогоми и наречиями, легко доказать. Они, как уже было сказано, в том или ином диалекте употребляются и отдельно в роли послелогов и наречий. Они встречаются также в составе глагола в роли префиксов (чи, че; чебихъес «наложить»; гли, гле: глебяхъес «сберечь»; у: убихъес «подложить». Остаются не ясными до сих пор элементы дательного падежа с разновидностью направит. падежа зи.

Направит. падеж на зи можно было бы называть дательноместным, так как он употребляется и в роли дательного падежа. Между дательным на с и дательным на зи существует разница, заключающаяся в том, что первый падеж употребляется, когда хотят дать что-либо навсегда в собственность, а второй — когда хотят дать это на временное пользование, в чье-либо распоряжение.

Есть основания сказать, что эти два падежа генетически связаны между собою. Сравним цудах. з (кайтаг. ж, жи; дамиж, дамижи «мне», эттижи «тебе» и «на тебя»). Кайтагская форма на жи употребляется и в значении дательного падежа, и в значении направительного: кайтагское эттижи-даргин. хлед «тебе» и хлечи «на тебя»; умралжин «к соседу» — акуш. унрачи; ирчиф мярттавигара «сесть на лошадь» (акуш. урчиличи мурдайэс).

Это показывает, что дательный падеж даргинского языка имеет непосредственное отношение к местным падежам на зи и чи. Есть и другие факты, говорящие за то, что зи и чи генетически связаны между собою. Они когда-то были одним элементом с фонетическими разновидностями: зи, чи, цци. Акуш. зи — цудах. цци, кайт. жи; акуш. чил (совместн. пад.) — цудах. ццила. Отсюда: акуш. зи, цудах. цци с одной стороны, и акуш. чи, цудах. шу, цци — с другой.

Таким образом дательный падеж даргинского языка происходит от дательного-аллативного зи, который тоже возводится к направительному на чи, и является послеложным падежом. Поэтому и дательный падеж, и дательного-аллативный падеж на зи мы считаем вторичными падежами, хотя элементы с и зи в настоящее время не употребляются как послелогов ни в одном диалекте даргинского языка.

Остановимся на окончаниях совместного и предметного падежей — чил и чила. Легко убедиться в том, что элемент л в чил является показателем эргатива (ср. ли). За это говорит

тот факт, что в отдельных диалектах даргинского языка вместо окончания *ли* в эргативе мы часто слышим один *л* (кубачинский, гапшминский и др. диалекты). Кроме того, в отдельных диалектах и в поэзии встречается форма *чули* (вместо *чул, чил*); кайтагцы говорят *цилли*, цудахарцы *цила*. В таком случае совместный падеж исторически не что иное, как разновидность эргатива. Но в настоящее время его уже нельзя считать эргативом, он является самостоятельным падежом со своими функциями, совпадающими до некоторой степени с функциями эргативного падежа.

Таким образом мы имеем здесь несколько производных от эргатива форм: через направит. падеж (*чил*), через местн. падеж (*чибли*) и кроме того, показатель эргатива *ли* наслаивается и на исходный падеж (*алли*). Следовательно, показатель эргатива наслаивается на все местные падежи. Он же в основном дает начало всем косвенным падежам; эргатив даргинского языка — это основной падеж, давший начало склонению даргинского имени.

Что касается *ла* в предметном падеже (*адамличила* «о человеке»), то оно происходит от окончания родит. падежа. Его современное значение «о предмете» (*адамличила* «о человеке») развивалось от значения родит. падежа. В настоящее время фраза: *адамличила хабар бурес* «рассказать о человеке» разбирается в даргинской грамматике так: *адамличила* — косвенное дополнение, относящееся к глаголу *бурес*, *хабар* — прямое дополнение (объект). В прошлом *адамличила* дополнением не было, оно было определением для *хабар* и фраза осознавалась так: сказать рассказ (какой?) человека.

Таким образом и эти, как бы вторичные падежи: совместный, предметный, орудный образовались по типу первых двух падежей. Как в образовании первичных, так и в образовании вторичных падежей, участвуют одни и те же элементы *ла, ли*, которые возводятся к одному и тому же суффиксу косвенных падежей *л*. С другой стороны в образовании падежей принимали участие и послелого. Послеложный элемент *чи* сочетался с именем в эргативе (ибо имя, стоящее перед ним; стояло в эргативном или родительном падеже). Но поскольку *чи* исторически являлось именем, по старой традиции оно до сих пор склоняется и образует два падежа. Производная форма элемента *чи*, т. е. *чиб* (окончание местного падежа), тоже дает другой падеж — *чибли* (*карандашличибли* — «карандашом»).

Как видно, общие и местные падежи даргинского языка отличаются друг от друга не только семантически, но и по своей морфологической форме, по способу их образования. Показателем общих косвенных падежей является *л* и возводимые к нему фонетические разновидности, показателем же местных падежей является послелог, который тоже может склоняться. Изменение послелога по местным падежам является

своеобразным, так как это склонение вовсе не похоже на склонение имени по общим падежам.

Типы склонения в даргинском языке.

Имена в даргинском языке склоняются различно. Проще всего с морфологической точки зрения склоняется множ. число всех имен. От именит. падежа множ. числа заменой конечного *и* на *а* (в показателе множ. ч.) и прибавлением *ни* образуется эргатив множ. числа, причем добавление *ни* является факультативным; остальные падежи (в том числе и родительный) образуются от формы эргатива без *ни*; эргат. от *адамти* «люди» будет *адамтани* и *адамта*, *хъулри* «дома, комнаты», — *хъулрани* и *хъулра*, *Алихъвали* «Алиевы» — *Алихъгалани*, родит. падеж: *адамтала*, *хъулрала*, *Алихъвала*; дат. падеж: *адамтас*, *хъулрас*, *Алихъвалас*; направит. падежи: *адамтачи*, *хъулрачи*, *Алихъвалачи* и т. д.

Эргатив с усеченным окончанием, т. е. эргатив на *а*, большей частью употребляется тогда, когда в предложении он выражает не субъект, а косвенное дополнение.

Например: *хинкIа укес* «покушать хинкал», *хIязта виркъес* «играть» (букв.: «играми заниматься»), *къуна угъес* «лгать» (букв.: «ложь говорить»; «ложь» — *къуни* множ. число).

В акушинском диалекте в этом значении полная форма эргатива не употребляется, нельзя сказать: *хIязтани виркъес*.

Так как при окончании множественного числа — *хъали* эргатив на *а* совпадает с родит. падежом, то здесь усеченная форма не употребительна, хотя остальные падежи образуются именно от этой усеченной формы: *Алихъвалас*, *Алихъвалачи* и т. д.

Эта сокращенная форма эргатива встречается лишь в диалектах акушино-урахинский группы. В диалектах цудахарской группы для множ. числа существует единая форма на *ли*, общая с формой ед. числа. Склонение множественного числа в этих диалектах не отличается от склонения единственного:

	Акуш.		Цудах.	
	Един. число	Множ. число	Един. число	Множ. число.
Имен. п.	<i>адам</i> „человек“	<i>адамти</i>	<i>адим</i>	<i>адимте</i>
Эргат. п.	<i>адамли</i>	<i>адамта (ни)</i>	<i>адимли</i>	<i>адимтали</i>
Имен. п.	<i>хIяйван</i> „скотина“	<i>хIяйванти</i>	<i>хIяйван</i>	<i>хIяйванте</i>
Эргат. п.	<i>хIяйвай</i>	<i>хIяйванта (ни)</i>	<i>хIяйванни (из хIяйванли)</i>	<i>хIяйвантали</i>

В мугинском диалекте окончание множ. числа *хъали* подчиняется общему закону, действующему в диалектах акушинско-

урахинского типа и при склонении подвергается обычным изменениям *Алихъбай* (эрг.) *Алихъа* (родит.), *Алихъайчу* и т. д.

Множественное число прилагательных и местоимений в склонении не отличается от множественного числа существительного.

Иначе и по-разному склоняются существительные в единственном числе. Часть имен образует косвенные падежи прямо от именит. падежа, другая, большая часть образует их от эргатива. Сам по себе эргатив имеет три фонетически различных окончания: *ли*, *ни*, *й* причем косвенные падежи могут образоваться от разновидностей *ли* и *й*, но не от *ни*. Таким образом, склонение имен в даргинском языке не единое; в основном мы имеем четыре типа склонения: I-е — склонение имен в множественном числе; II-е — склонение имен, косвенные падежи которых образуются от именит. падежа; III-е склонение имен, эргатив которых оканчивается на *ли*; IV-е — склонение имен, эргатив которых оканчивается на *й*.

Отличие этих четырех склонений друг от друга заключается лишь в наличии в составе окончаний падежей элемента эргатива, или его отсутствия, с одной стороны; и в том — какова форма этого элемента эргатива — с другой. Что касается родит. падежа, то он большею частью образуется от именит. падежа; причем в тех именах, у которых эргатив на *й*, родит. падеж имеет усеченную форму на *а* (в урах. диалекте это *аа* долгое).

Для того, чтобы правильно склонять даргинские имена, нужно знать правила применения в разных именах окончаний эргатива. Нужно сказать, что эти правила изобилуют исключениями; легко формулируются они для имен на согласный, но очень трудно для имен на гласный, и в особенности имена односложные.

Окончание *ли* прибавляется:

— к именам на согласный звук кроме *н* и *л*; *дис* «нож» *дисли*; *рас* «пила» — *расли*; *миъ* «лед» — *миъли*; *хъалч* «крыша» — *хъалчли* и т. д. Кроме того, есть некоторые имена на «согласный *л*, которые, как исключение, принимают *ли*, как-то: *вакил* — *вакилли* «уполномоченный», *гъамбал* — *гъамбалли* «амбал», *дигинал* — *дигиналли* «диагональ» (материя).

— К односложным именам на гласный: *хя* «собака» — *хяли*; *зе* «соль» — *зели*; *цла* «огонь» — *цлали*; *хле* «кровь» — *хлели*; *хъу* «поле» — *хъули* и др.;

— К названиям неодушевленных вещей, оканчивающихся на гласный (в отношении *а*, *и*, *е* с тем условием, что перед ними не будет согласного *л*): *барда* «топор» — *дарбали*; *къелхе* «лопата» — *къелхели*; *гъякълу* «ум» — *гъякълули*; *партия* — *партияли*; *уркура* «арба» — *уркурли* и др.

Эта группа имен может принимать также суффикс *ни* факкультативно: *бардани*, *къелхени*, *гъякълуни*, *партияни*.

В одинаковой мере *ли* и *ни* могут принимать и некоторые названия живых существ на гласный: *узи* «брат» — *узили* и *узину*; *уриши* «сын» — *уришили* и *уришины*; *рурси* «дочь» — *рурсили* и *рурсини*; *дярхля* «мальчик» — *дярхляли* и *дярхляни*; *урчи* «лошадь» — *урчили* и *урчины* и другие.

Если же перед гласными *а*, *и*, *е* стоит *л*, то здесь встречаются все три окончания — *ли*, *й* и *ни*:

— *гили* (деревянная часть седла) — *гилини*; *гзули* «дикий лук» (растение) — *гзулини*; *тевле* «ясли» — *тевлени*; *кьяли* «ветка» — *кьялини* и *кьяй*; — *бала* «шерсть» — *балали* *гъала* «гарцевый сбор» — *гъалали*; *шала* «свет» — *шалали*; *ула* «сито» — *улали*; *къала* «крепость» — *къалали*; *чицала* «змея» — *чицалай*, *къала* «ком» — *къалали*; *хъали* «дом» — *хъай*; *хлули* «глаз» — *хлуй*; *канаула* «подпруга» — *канауй* и др.

Как правило, в таких именах должно бы быть *й*; *ли* и *ни* здесь допускаются лишь как исключения, когда имя при окончании *й* может смешиваться с другим словом, например, *бала*, *гъала*, *гъяли*, *шала*, *къала* и другие, которые принимают исключительно, *ли* или могут его принимать. Если бы мы образовали от них эргатив на *й*, то они звучали бы так: *бай*, *гъай*, *гъяй*, *шай*, *къай*, и смешались бы с другими словами: *бай* «середина», *гъай* «слово», *гъяй* «сани», *шай* (эргатив от слова *шали* «бок, сторона»), *къай* (ср. глагол *къайбикес* «прекратиться»).

Что касается *ни*, то это окончание допускается там, где в случае прибавления *ли* получается удвоение этого слога: *гзулили*, *кьялили* и т. д. (*гзулини*, *кьялини*).

Здесь нужно сказать и то, что в косвенных падежах имен, принимающих в эргативе *ли*, оно сохраняется. Но в акушинском в именах на согласный (кроме *л* и *н*) *ли* часто опускается, и все косвенные падежи образуются от именительного падежа:

Приведем примеры:

Акуш.

Имен. *МахIямад* «Магомед»;
 Эрг. *МахIямадли*;
 Родит. *МахIямадла*;
 Дат. *МахIямадлис* и *МахIямадис*;
 Совм. *МахIямадличил*
 и *МахIямадичил*;
 Имен. *трактор*
 Эрг. *тракторли*
 Род. *тракторла*
 Дат. *тракторлис* и *тракторис*.

Урах.

МухIяммад;
МухIяммадли;
МухIяммадла;
МухIяммадлис;
МухIяммадличил;
трактор
тракторли
тракторла
тракторлис.

дудеш «отец» — *дудешличи* и *дудешичи* «к отцу» (акуш.)
неш «мать» — *нешичи* (тоже)
жинжирагъ «юла, волчок» — *жинжирагъичи* и *жинжирагъ-личи*.

При окончании *й* основа имени подвергается фонетическим изменениям: *н, л* (*ла, ли, ле*) выпадают.

Окончание *й* прибавляется:

— к прилагательным и причастиям на *н* и к существительным на *н* или *л*: *сирх'Ян* «сургинский» и «сургинец» — *сирх'яй*; *губдалан* «губденский» — *губдалай*; *къялизан* «подойник» (посуда для доения) — *къялизай*; *х'яйван* «скотина» — *х'яйвай*; *хьунул* «женщина» — *хьунуй*; *мурул* «мужчина» — *муруй* и др.;

— к существительным на *ла, ли*: *бигъала* «веревка» — *бигъай*; *ибала* «шов» — *ибай*; *бурала* «поговорка» — *бурай*; *хъали* «дом» — *хъай*; *х'яли* «сало» — *х'яй*; *х'лули* «глаз» — *х'луй*.

Мы говорили, что отдельные имена на *л, ла, ли* не допускают окончания *й* или вместе с ним допускают и одно из окончаний *ли* и *ни*: *Али* (чтобы не смешивать с междометием *ай* «ой»); *вали* (чтобы не смешивать с восклицанием *вай!* «ай», или *вай* «поясница» и другие).

Окончание *ни* прибавляется:

— к множественному числу и к един. числу имен названий живых существ на гласный: *х'яйванти* «скот» — *х'яйвантани*; *эмх'е* «осел» — *эмх'ени*; *анхъчи* «садовник» — *анхъчини*; *валликъяна* «спутник» — *валликъянани*; *унра* «сосед» — *унрани*; *ярма* «белка» — *ярмани* и др.

Выше было сказано, что односложные имена на гласный оканчиваются в эргативе на *ли*: *хя* — *хяли* и т. д., поэтому не все названия живых существ подчиняются только что сформированному правилу. Среди них имеются и такие, которые допускают наряду с *ни* — *ли* или *й*: *валри* «верблюды» — *валрини* и *валрили*; *урчи* — *урчини* и *урчили*; *урши* — *уршини* и *уршили*; *рурси* — *рурсини* и *рурсили* и т. д.

Как мы видели, эргативный падеж в даргинском языке (так же, как и во многих других дагестанских языках) имеет много фонетических разновидностей. В урахинском диалекте число этих форм доходит до 12: *ли, й, ни, лин, лини, йин, йини, ан, ун, уни, а*: *урчи* «лошадь» — *урчили, урчилини, урчилини*; *х'яйван* «скотина» — *х'яйвай, х'яйвайин, х'яйвайини*; *аба* «мать» — *абаан, абаани*; *Уму* (соб. имя жен.) — *Умуун, Умууни*;

Как видно из примеров, окончания *ни-ини; ан-ани, ун-уни; лин (лини); йин (йини); а(ани)* (мн. ч.) факультативны, причем окончания *лин (лини), йин (йини)* и *ани* являются составными. Здесь мы имеем два окончания — явление наслаивания одного окончания на другое. Любопытен тот факт, что на окончания *ли* и *й* наслаивается окончание *ни*, а не наоборот. Обратного явления в диалектах акушино-урахинского типа

в эргативе (но не в производных от него косвенных падежах) не наблюдается, оно наблюдается в некоторых диалектах цудахарского типа, например, в гапшиминском, где в местоимениях 1 и 2 лица (но не в именах) на окончание *ни* наслаивается *ли*: *нунили*, *хлунили* (вместо акушинских *нуни*, *хлунни*).

Наслаивание вторых окончаний эргатива в акушинском диалекте встречается также в местоимении во вторичном склонении, в формах как *дилайли* «моим» (*дила* — родит. от *ну* «я», *дилайли* — эргатив с двумя окончаниями *й* и *ли*).

Разнообразие форм эргатива, которое наблюдается в акушинском и урахинском диалектах, отсутствует в диалектах цудахарского типа, в Губдене и Мюрего. В диалектах цудахарского типа единым окончанием эргатива является *ли* (которое после *н* основы переходит в *ни* — ассимиляция), в губдено-мюрегинском говоре *ни* как в единственном, так и во множественном числах является общим окончанием эргатива.

Если предположение о том, что показатель *ли* древнее показателя *ни* правильно, то появление *ни* в акушино-урахинских диалектах нужно рассматривать как дифференциацию показателей эргатива. Тогда, в губдено-мюрегинских говорах *ни* является результатом развития склонения в этих говорах по направлению к уравнию парадигмы. Любопытно, что в этих говорах суффикс наречия и деепричастия не *ни*, а *ли*, т. е. он с показателем эргатива является омонимичным.

Стремлением к уравнию парадигмы склонения можно объяснить и единый показатель *ли* в цудахарском диалекте. Цудахарский диалект из прежних двух показателей *й* и *ли* сохранил лишь последний.

Мугинский диалект сохранил всего лишь два окончания *ли* и *й*. Что касается *ни*, то оно встречается лишь в местоимениях 1 и 2 лица в един. числе: *нуни*, *хлунни*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в акушинском диалекте от многих имен на гласный косвенные падежи образуются от эргатива на *ли*, но в самом эргативе этих же имен мы видим *ни*:

<i>валри</i> «верблюд»	— <i>валрини</i> — <i>валриличи</i>
<i>барха</i> «мерка» (сыпуч. тел)	— <i>бархани</i> — <i>бархаличи</i>
<i>варгы</i> «войлок»	— <i>варгыни</i> — <i>варгыличи</i>
<i>рурси</i> «дочь»	— <i>рурсини</i> — <i>рурсилличи</i> , и др.

Устная народная поэзия показывает, что окончание эргатива *й* в прошлом в даргинском языке имело гораздо большее распространение, чем настоящее время (см. Абдуллаев «Что дает фольклор для изучения языка?» Лингв. сборник Даг. Базы Акад. Наук «Дагестанские языки». Издание 1947 г., стр. 143).

Формы направительных падежей.

Напомним, что различных серий направительных падежей, как мы говорили выше, имеются четыре (в урахинском и

других диалектах их даже пять): *чи* «на...» и «к...»; *у* «под...»; *гли* или *хли* «в...» и «около»; *зи* «в...».

Примеры:

уталичи «на стул» и «к стулу»; *урчиличи* «на лошадь» и «к лошади»; *уталиу* «под стул»; *шугли* «к стороне»; *цалигли* «к огню»; *хъайгли* «домой»; *шагъарлизи* «в город»; *шизи* «в воду».

Разница в значении между *гли* и *зи* заключается в том, что *гли* или *хли* выражает «внутри» такого предмета, который имеет внутри себя пространство, а *зи* — предмета, который состоит или из сплошной массы, или из частей, среди которых может что-либо находиться. Элемент *гли* в значении «к чему-либо» вообще встречается сравнительно редко.

Есть и другие формы направительных падежей, которые выражают то или другое из этих локальных понятий, а также такие, которые выражают сближение вообще без указания на отношения к предмету, с которым сближаются.

В акушинском диалекте существует форма, омонимически совпадающая с формой родит. падежа, но неупотребительная от названий одушевлённых существ, например: *кьякъала* «на улицу»; *шарала* «в озеро»; *анхъла* «в сад»; *бехла* «к краю»; *цала* «к огню»; *бархила* «на солнце»; *сандукла* «в сундук»; *цулала* «в зуб» (положить что-нибудь) и др.

По своему значению эта форма примыкает к направительной форме на *гли*. Имена, направит. падеж которых в акушинском диалекте оканчивается на *ла*, во множ. числе принимают окончания *гли*.

Нужно отметить, что форма на *ла* часто заменяется более употребительным окончанием *зи*.

Кьякьурбахли и *кьякьурбази* «на улицы»; *шурбахли* «в озера»; *сандукунахли* «в сундуки»; *унхърази* «в сады» (но не *унхърахли*).

Описанной форме акушинского диалекта в цудахарском соответствует форма на *ле* (совпадающая с окончанием эргатива в этом диалекте): *кьякъале* «на улицу», *анхъле* «в сад», *бехле* «на край», *цале* «к огню», *мякъле* «около», *берле* «на солнце» и др. В урахинском диалекте эта форма встречается как исключение, и омонимична с формой эргатива: *мякъли* «около» (вместо акушинского *мякъла*), *дубли* «на край» (вместо акушинского *дубла*).

По значению окончание *ла* (*ле*, *ли*) выражает то «внутри», то «около»: *цала* «около огня», *кьянила* «в сундук». Урахинская же форма на *ли* употребляется лишь во втором из указанных значений («около, у»).

В мугинском диалекте этой форме соответствует *легле* (муг. *гле* соответствует акуш. *гли*); *кьякьарлегле* «на улицу», *анхълегле* «в сад», *цалегле* «к огню», *мякълегле* «около», *сандуклегле* «в сундук», *цулалегле* «в зуб».

Нет сомнения в том, что цудахарская форма на *ле* и акушино-урахинские формы на *ла* и *ли* являются результатом упрощения первоначальной мугинской формы: в этих диалектах конечный согласный *gl*, *xl* выпал вместе с гласными *и*.

От некоторых исконно даргинских имен, обозначающих названия помещений или мест, мы можем видеть образование направительной формы на *ни*:

гIяйни «во двор» (*гIяя* «двор»); *дузани* «в лес» (*дуз* «лес, роща»); *диркьани* «на равнину» (*диркья* «плоскость, равнина»; противоположно понятию «в горы»).

В акушинском и многих других диалектах имена, допускающие такое окончание направ. падежа очень немногочисленны; это окончание в этих диалектах является уже архаическим. В урахинском диалекте оно употребляется шире: *кьванъани* «в сундук» (*кьванъи* «сундук»), *Жангани* «в Жанга» (название местности).

В мугинском диалекте вместо *ни* встречается окончание *на*: *шанкьана* «на мельницу», *муръана* «на оплачивание» (умершего) и некоторые другие. Этот элемент (*на*) является суффиксом отглагольных наречий: *ну вашна* «туда, куда я хожу». Этот же элемент мы имеем в наречиях: *чина* «куда», *бухIна* «внутри».

Есть имена, которые в направ. падеже оканчиваются на один гласный *и*, или *а*, или *е*:

дубри «в горы, на гору» (от *дубур(а)*); *гIинзи* «к роднику, на родник» (от *гIиниз*); а также в урахин. *кьякьри* «на улицу» (от *кьякьар(и)*); *шунн* (нареч.) «по воду» (от *шин*); *Диб-букIи* «в Дибук» (название селения); *Муэри* «в Муира»; *ша* «в селение, домой» (от *ши*); муг. *гIяйна* «во двор» (от *гIяйни*); *хъяйге* «во двор» (от *хъяйгIи*); *мижгита* «в мечеть» (*мижгит*); *ккисса* «в сени» (от *ккисси*); *дурхъя* «в конюшню» (от *дярхъ*); *шанкьана* «на мельницу» (от *шанкьан*); урах. *ГIяя* «в Ая» (селение).

Как видно из примеров, отдельные слова с этими окончаниями подвергаются флексии основы (*дярхъ* — *дурхъи*, *гIиниз* — *гIинзи*, *шин* — *шунн* и др.).

Есть имена, у которых при образовании направит. падежа окончание не изменяется, изменяется иногда лишь основа: *хъули* «домой, в комнату, в дом» (от *хъали*); *Мугри* «в сел. Мугри»; *ХIинтIа* «в Гинта»; *Бутри* «в Бутри», *МулебкIи* «в Мулебки»; *Ахъуша* «в Акуша», *Лаваша* «в Леваша»; *ХIям-шима* «в Гапшима» и др. (названия селений).

Для указания направления иногда служит и гласный *у* (*МухIу* «в селение Муги») или элемент *ли* (*архIяли* «в путь»; *архIя* «путешествие по делам»).

Направит. падежи с окончаниями *ни*, *а*, *и*, *у* встречаются лишь от исконно даргинских слов — названий селений,

помещений, земельных угодий, от местоимений, наречий (*гъала* «вперед», *гъела* «назад», *урга* «в середину») и в настоящее время являются непродуктивными.

От всех форм направительных падежей прибавлением к ним классного показателя образуются местные падежи: *галгаличи* «на дерево» — *галгаличиб* «на дереве»; *къунбахли* «в сундуки» — *къунбахлиб* «в сундуках»; *хъайгли* «домой» — *хъайглиб* «дома»; *хъули* «в комнату» — *хъулиб* «в комнате»; *дубри* «в горы» — *дубриб* «в горах, на горе»; *столлиу* «под стол» — *столлиуб* «под столом»; *гъайни* «во двор» — *гъайниб* «во дворе».

Наконец, от всех местных падежей прибавлением общего окончания *ад* образуются исходные падежи: *къунбаглибад* «из сундуков»; *хъайглибад* «из дома»; *хъулибад* «из комнаты»; *дубрибад* «с горы»; *столлиубад* «из под стола»; *гъайнибад* «со двора».

В урахинском диалекте все исходные падежи могут дифференцироваться по направлению движения сверху или снизу, причем образуются следующие формы: *адамгъулачибад* и *адамгъулашибад* «от людей кверху»; *адамгъулачубсад* «от людей сюда»; *адамгъулачибхъад* и *адамгъулашибхъад* «от людей сверху».

К формам исходного падежа в акушинском и урахинском диалектах факультативно прибавляется слог *ли*: *адамтачибад* и *адамтачибадли* «от людей»; *цъаличибад* и *цъаличибадли* «от огня».

Ко всем местным и исходным падежам для выражения значения «еще» прибавляется *-ал*:

: *адамличиб* «у человека», *адамличибал* «еще у человека»; *адамличибад* «от человека», *адамличибадал* «еще от человека»; *цъаличиб* «на огне», *цъаличибал* «еще на огне»; *цъаличибал* «с огня», *цъаличибадал* «еще с огня». Например: *хъула хъайглибал бехлемцурлири* «колесо было повреждено еще дома».

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Прилагательные даргинского языка, как часть речи, в основном получили полное морфологическое оформление. Своей формой они обычно отличаются от всех остальных частей речи, оформляясь при помощи специальных суффиксов. Но существуют и такие прилагательные, которые не имеют никакого морфологического оформления. Такие неформленные прилагательные можно разделить на две группы: прилагательные-основы и прилагательные-слова. Прилагательным-основой мы называем такое прилагательное, которое может принять суффикс прилагательного, но он «опущен». Такое прилагательное характеризуется тем, что оно употребляется

только с определяемым словом, вместе с определяемым словом составляя единое целое, синтаксически не расчленяемое. Между таким прилагательным и определяемым им словом нельзя вставить другое слово; такое прилагательное не склоняется и отдельно не отвечает ни на какой вопрос. На вопрос «какой» и т. п. приходится отвечать или прилагательным, оформив его суффиксом, или же словосочетанием: неоформленным прилагательным вместе с определяемым им словом: *ахъ дубур* «высокая гора» (полная форма *ахъси*), *мурхъ къада* «глубокое ущелье» (полная форма *мурхъси*); *вай адам* «плохой человек» (*вайси*), *ахI рурси* «хорошая девочка» (*ахIси*) и т. д.

Неоформленные прилагательные, являясь семантически самостоятельными словами с вещественным значением, формально приравниваются к служебным словам, они являются как-бы определительными приставками. Поэтому они без определяемого слова не употребляются. Определяемое слово как бы восполняет недостаточность неоформленного прилагательного.

Такие неоформленные прилагательные всегда сопровождаются в речи выражением эмоциональных чувств, они являются эпитетами в художественной речи и употребляются в поэзии, в разговорной же речи только тогда, когда хотят придать ей эмоциональность, когда хотят выразить те или иные чувства. С этой целью любое прилагательное может употребляться в неоформленном виде. Тем не менее, нужно полагать, что неоформленное прилагательное — это, вообще говоря, архаическая форма. Этим и объясняется его эмоциональность и тот факт, что оно держится в языке так устойчиво именно благодаря наличию этого оттенка повышенной выразительности.

Приведем примеры неоформленных прилагательных: *хIудра ахI саат бирабI* «и тебе счастливый час!» (букв.: «и тебе пусть будет хороший час»; *ахI* — неоформ. прилагательное *ахIси*); *вай замана вакIади, дила хIурхъан Батирай*: «в плохое время пришел мой урахинский Батырай»: (*вай* — *вайси* «плохой»); *бакIаали бугIяр дуги* «если придет холодная ночь» (*бугIяр* — *бугIярси* «холодный»); *муръул агвар бацI хъали* «пустая комната без мужа» (*агвар* — *агварил* «не имеющие»; *бацI-бацIси* «пустой»); *уркIилис къабул шалай* «любимая сердцу красавица» (*къабул* — *къабулил*, *къабулси* «любимый»); *усал субла асил мас* «недостойного мужа достойная жена» (*усал* — *усалси* «недостойный»; *асил* — *асилси* «достойный»); *хъар вацIайла хъанцI бицIван* «как серый волк нижнего леса» (*хъанцI* — *хъанцIа* «серый»); *цIяб хIяри жана-заван* «как труп в темную могилу» (*цIяб* — *цIябси* «темный»);

эвни дахгал ахъ дубрир «на высокой пышно цветущей горе»
ахъ — ахъси «высокий»¹.

В поэзии и в выражениях, сопровождаемых сильными чувствами, часто встречаются также неоформленные причастия: *мукъара ахIдихъиб бицIъван* «как волк, которому не досталось ягнёнка».

Другая группа неоформленных прилагательных — это слова, которые употребляются и отдельно от определяемого, но не в качестве прилагательных, а в качестве другой части речи: существительного или наречия. Слова, которые по своей морфологической форме не отличаются от существительных, но часто употребляются в роли прилагательного, естественно, являются существительными; в даргинском языке много существительных, употребляемых в качестве определения: *бекI* «голова» — *бекI някъ* «кисть руки» (букв.: «голова руки»); *хъяб* «шея» — *хъяб някъ* «запястье» (букв. «шея руки»); *бекI гIиниз* «основной источник»; *бекI мас* «капитал» (букв.: «голова товара»); *алхIят* «воскресенье» — *алхIят бархIи* «воскресный день»; *совет хIлукумат* «советская власть»; *коммунист партия* «коммунистическая партия» и пр.

В этой категории имен, как мы уже говорили, имеются и такие, которые по своей семантике непосредственно примыкают к прилагательным: *сукъур* «слепой, слепец»; *чулахъ* «калека»; *пакъыр* «несчастный, бедный, бедняк»; *мискин* «бедный»; *къиркъыр* «скупой, скупец»; *сахават* «щедрый» и др. Большинство таких имен заимствовано из лексики других языков.

Такие имена, с одной стороны, похожи на неоформленные прилагательные — они принимают суффиксы прилагательного: *сукъурси, чулахъси, мискинси* и т. д., но они отличаются от неоформленных прилагательных тем, что они употребляются и отдельно от определяемого слова и самостоятельно отвечают на вопрос определения, чего нет у неоформленных прилагательных, или у существительных в роли определения, которые в этой роли являются синтаксически прилагательными. Они или сливаются в единое целое с определяемым словом или же превращаются в прилагательное так, что несмотря на то, что они являются существительными, не могут быть определяемыми — к ним нельзя прибавить определение. Мы можем говорить *халал бекI* «большая голова», *бабза хъяб* «толстая шея». Но сочетание *халал бекI някъ* будет букв.: «большая голова руки», т. е. «большая кисть руки», *бабза хъяб. някъ* «толстое запястье». Это свойство таких сочетаний мы считаем за признак, говорящий об их лексическом объединении.

¹ Все примеры взяты из сборника песен Батырая, составленного С. Омаровым, 1928 года.

Другая подгруппа неформенных прилагательных — это некоторые наречия, которые употребляются как прилагательные: *урга школа* «средняя школа», *чебахI ши* «верхний аул», *убахI ши* «нижний аул», *гьала хъали* «передняя часть комнаты» (букв.: «передняя комната»), *г'ела хъали* «задняя часть комнаты» (букв.: «задняя комната») и др.¹

Слова: *урга* «в середину», *чебахI* «вверх», *убахI* «вниз», *гьала* «вперед», *г'ела* «назад» — по своей морфологической форме являются наречиями и большей частью употребляются в этом значении. Такие наречия с направительным значением иногда принимают суффикс прилагательного, но тогда значение прилагательного изменяется: нельзя сказать *убахIси ши* вместо *убахI ши*, так как с прибавлением суффикса прилагательного *убахI* приобретает качественное значение «низкий, ничтожный».

Суффиксы прилагательных.

В даргинском языке, если учесть его различные диалекты, имеется много суффиксов прилагательных: *а*, *си*, *л* (*ил*), *ла*, *ган* (муир.), *къа* (*къя*), *кай* (*кайт.*), *на* (*урах.*, *мекег.*), *бай* (*губд.*), *к* (*муир.*), *ан* (*ен*), *ар* (*ер*), *чи*, *кар* и др.

В суффиксах *а*, *ан*, *ар* гласный *а* чередуется с *е* (*э*) и *я* в зависимости от звуков основы, к которой эти суффиксы прибавляются (*бархъа* «прямой», *берхъе* «желтый», *блхъя* «шустрый»).

Суффиксами прилагательных акушинского диалекта являются: *а*, *си*, *л* (*ил*), *ла*, *ан* (*ен*, *н*), *ар*, *ер*, *чи*, *кар* и др.

Остановимся на этих суффиксах:

Суффикс *а*: *цIуба* «белый», *хъанцIа* «синий», «голубой», *бабза* «толстый»; *букIула* «тонкий» и др. Суффикс *а* прибавляется к корням — основам слов; он в настоящее время уже непродуктивен.

Прилагательные с этим суффиксом характеризуются тем, что они во множественном числе (в отличие от прилагательных с суффиксами *си*, *ил*) оканчиваются на *би* (когда такое прилагательное на *а* субстантивируется и употребляется отдельно от существительного).

Суффикс *си*: *буцIарси* (мн. ч. *дуцIарти*) «горячий»; *бугIарси* «холодный»; *ахъси* «высокий»; *гIяшси* «низкий»; *халаси* «большой»; *биштIаси* «маленький»; *цIакъси* «сильный»; *загIипси* «слабый, больной» и др.

Самым продуктивным суффиксом прилагательного в акушинском диалекте является именно *си* (мн. ч. *ти*) *буцIарси* *бархIи* «жаркий день», *дуцIарти* *бурхIни* «жаркие дни».

¹ Такие прилагательные в даргинской орфографии принято писать слитно.

(агарси) «не имеющий; например: *гякъблучев* «умный», *гякъбуагар* «безумный, безумец»; *давдачев* «богатый, богач».

При помощи *си* и частично *л* (ил) прилагательное можно образовать:

— от неформленной основы: *ахъси* «высокий», *гялиси* «низкий»;

— от указательного местоимения в именит. падеже: *итил*, *цархил* «другой»;

— от некоторых существительных в именит. падеже: *цакъ* «сила» — *цакъси* «сильный»; *вай* «зло» — *вайси* «злой, плохой»; *бекI* «голова» — *бекIси* «главный»; *диркъ* «равнина» — *диркъси* «ровный» и др.

— от наречия: *гьалаб* «вперед» — *гьалабси* «то, что впереди, передовой, предыдущий»; *гелаб* «позади» — *гелабси* «то, что позади, задний, отстающий» и др.;

— от любого имени в одном из косвенных падежей (за исключением эргатива и направительного): *дила* «мой» — *дилал* «собственный мой»; *Алила* — *Алиласи* «принадлежащий Али»; *колхозлэ* «колхоза» — *колхозласи* «колхозный, принадлежащий колхозу»; *колхозлис* «колхозу» — *колхозлисил* «то, что принадлежит колхозу»; *колхозличил* «с колхозом» — *колхозличилси* «то, что с колхозом»; *колхозличила* «о колхозе» — *колхозличиласи* «то, что о колхозе»; *колхозлизиб* «в колхозе» — *колхозлизибси* «то, что в колхозе»; *колхозлизибад* «из колхоза» — *колхозлизибадси* «то, что из колхоза».

Образование прилагательных от родит., дат., совместн., предметного падежей и от исходных падежей встречается в литературном (письменном) языке; устной речи большинство таких образований чуждо.

Многие послелогии, служебные слова и частицы в сочетании с именем путем прибавления суффикса дают сложные прилагательные: *кьадакад* «по долине» — *кьадакадси* «то, что вдоль долины»; *итабахI* «в ту сторону» — *итабахIси* «то, что направлено в ту сторону»; *нушагIеб* «на нашей стороне» — *нушагIебти* «те, которые стоят за нас» и др.

Частицы *гьуна*, *цад*, соединясь с именами, дают прилагательные: *Алигьуна* (*Алигьунаси*) «такой, как Али, подобный Али»; *Алицад* «столько, сколько Али». Частица *цад* встречается в роли наречия: *итцад кьалабали* «так быстро».

Прилагательные, образованные от косвенных падежей и послеложных форм имен при помощи служебных слов и частиц составляют особую категорию. Они с одной стороны являются прилагательными, а с другой — существительными. Поэтому прилагательное, образованное от косвенного падежа собственного имени при помощи суффикса, и прилагательное, образованное от любого падежа имени при помощи служебных слов и частиц, должны в даргинском языке писаться с заглавной буквы. Дело в том, что такое существительное

и после прибавления этого суффикса, или служебной частицы или слова остается именем собственным, оно не переходит в категорию прилагательных. Это можно доказать тем, что такое имя может быть определяемым в то время, как настоящее прилагательное не принимает определения: *нушала халал уриши* «наш старший сын», *нушала халал уришиличибси кьана* «шапка, находящаяся на нашем большом сыне». В последнем словосочетании *уришиличибси* является прилагательным, образованным от местного падежа *уришиличиб*, и является определением для *кьана* «шапка». В то же время *уришиличибси* является определяемым для *нушала* и *халал*.

Что касается прилагательного, образованного от родит. пад., то мы знаем, что его суффикс *ла* в то же время употребляется и в роли суффикса прилагательного: *дурала улкни* «внешние страны»; в губденском диалекте—*уркйилала секйал* «то, что содержится в сердце» и др. Видимо, в прошлом такое употребление было гораздо шире, сейчас же во многих диалектах даргинского языка это — явление архаическое, и *ла* как суффикс прилагательного непродуктивно. Поэтому в некоторых диалектах (например, в гапшиминском) и в литературном языке иногда к архаическому суффиксу *ла* прибавляется новый суффикс *си* — явление «наслаивания» продуктивного суффикса на непродуктивный, что вообще достаточно часто встречается в даргинском языке. Однако, недавняя, еще не укоренившаяся в языке, практика прибавления *си* пока не успела повлиять на такие имена и превратить их в прилагательные.

Изменение прилагательных по классам и числам.

Не все прилагательные даргинского языка изменяются по классам. Прилагательные, образованные от основы с классным показателем в начале или в конце (когда прилагательное образовано от наречия, при помощи суффикса *чев*, когда прилагательное образовано от падежной формы с классным показателем в окончании) изменяются по классам, согласуясь с определяемым:

— *вабза* «толстый» (мужчина), *рабза* «толстая» (женщина), *бабза* «толстое», *уклула* «тонкий» (мужчина), *руклула* «тонкая» (женщина), *буклула* «тонкое»;

— *чедибси* «верхний», *гьалавси* «передовой», *ургарси* «средняя»;

— *гякълучев* «умный», *гякълучер* «умная», *гякълучеб* «умное, умные».

Изменяемость по классам является свойством тех основ и слов, от которых образуется прилагательное. В даргинском языке есть основы с классным показателем, и прилагательные, наречия, глаголы, образованные от них, изменяются по классам. Есть также основы, в которых нет классного показателя,

и слова, в том числе и прилагательные, образованные от них, не содержат классных показателей.

В кубачинском диалекте классный показатель прибавляется и в начале, и в конце, или же только в конце прилагательного: *цлубазиб*, *цлубазив*, *цлубазий* «белый» и т. д.

В свое время Услар сделал попытку дать правило изменемости прилагательных даргинского языка. Эти правила, или, как сам он говорит «замечания», до некоторой степени годны и для недаргинца, практически изучающего даргинский язык, и могут несколько помочь ориентироваться в том, изменяется ли то или иное прилагательное по классам или нет. Тем не менее надо сказать, что сформулированные им правила являются далеко неточными.

Прилагательное в роли определения, как мы говорили, в числе согласуется или не согласуется с определяемым именем.

Не согласуются в числе неформленные прилагательные, прилагательные на «окаменелый» суффикс *а*: *ахъ дубура* «высокая гора» — *ахъ дубурти* «высокие горы»; *дянг майдан* «широкий простор» — *дянг майдунти*; *цлуб(а) кагъар* «белая бумага» — *цлуб кагъурти*. Не согласуются также все прилагательные на *ар*, *чи*, *кар*. Прилагательные на *си* и *л* (*ил*) в числе всегда согласуются с определяемым словом: *цулбар чар* «зубчатое колесо» — *цулбар чарани*; *сирхлян кьял* «сургинская корова» — *сирхлян кьули*; *стахановчи ялчи* «рабочий-стахановец» — *стахановчи ялчни*; *гясикар адам* «сердитый, нервный человек» — *гясикар адамти*; *ах!си колхоз* «хороший колхоз» — *ах!ти колхозуни*; *халал юрт* «большой дом» — *халати юртани*.

Что касается падежа, то прилагательное не согласуется с определяемым и всегда стоит в именит. падеже: *ах!си адам* «хороший человек» — *ах!ти адамтала* «хороших людей»; *халал хъали* «большая комната», *халал хъайчи* «к большой комнате», *халати хъулрачивад* «от больших домов».

Склонение прилагательных.

Склонение прилагательных почти не отличается от склонения существительных. Прилагательное не подвергается внутренней флексии ни при образовании множ. числа, ни при образовании падежей, и те фонетические изменения, которые имеют место в существительных на *л*, здесь не происходят: прилагательное на *л* в эргативе и родительном падеже сохраняют свою полную форму: *халалли*, *халалла*, *вишт!алли*, *вишт!алла* и другие. В отличие от прилагательных на *л*, прилагательные на *н* (*ен*, *ян*) подчиняются относящемуся сюда фонетическому закону и склоняются наравне с существительными: *сирхлян* — *сирхля* «сургинского»; *сирхляй* (эргат.) и т. д.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Числительные характеризуются тем, что они определяют предмет с его количественной стороны, при чем, в отличие от некоторых прилагательных, также выражающих количество, и от местоимений *чем, сецад* «сколько», числительное выражает количество точно.

По своей синтаксической роли даргинские числительные как порядковые, так и количественные, ничем не отличаются от прилагательного. Определяемое имя ставится после числительного и всегда в единственном числе: *хлябал адам* «три человека», *вецлну цара маза* «11 овец». Если перед определяемым числительным стоит прилагательное, которое согласуется с определяемым в числе, то оно (прилагательное) ставится во множественном числе, хотя определяемое имя остается в единственном: *хлябал ахлти урчи* «три хороших лошади», *вецлал глякълучебти адам* «десять умных людей».

Образование числительных.

В простых числительных даргинского языка от 2 до 100 мы различаем две составные части, одна из которых является корнем, а другая суффиксом. Приводим ряд количественных числительных:

ца «1», *клед* «2» (*кли-ал*), *хлябал* «3» (*хляб-ал*); *авал* «4» (*ав-ал*), *шел* «5» (*шу-ал*, муг. *шувал*, урах. *швал*), *урегал* «6» (*урег-ал*), *верхлед* «7» (*верхл-ал*, мекег. *ерхлед*; урах. *верхлал*), *гехлед* «8» (*гехл-ал*; урах. *гахлал*); *урчлемал* «9» (*урчлем-ал*, мугоб. *урчлебал*); *вецлал* «10» (*вецл-ал*); *вецлну цара* «11» (*вецл-ну, ца-ра*), *вецлну урчлемра* «19», - (*вецл-ну, урчлем-ра*); *гьал* «20» (*гья-ал*; урах. *гьяал* с долготой гласного, усиш. *гьяял, гьяал*); *гьану цара* «21» (*гья-ну, ца-ра*); *хлябцали* «30» (*хляб-цл-али*); *урчлемцали* «90» (*урчлем-цл-али*); *даршал* «100» (*дарш-ал*), *даршлим*¹ *ца* «101» (*дарш-лим*), *азир* «1000» (*азирлим-ца* «1001» (*азир-лим-ца*)).

Как видно из примеров, *ал* в простых числительных от двух до десяти и в числительных 20 и 100 является окончанием количественного числительного; в десятках от 30 до 90 к окончанию *ал* прибавляется *и* (*али*). В сложных числительных (до 99) это окончание выпадает и появляются элементы, связывающие обе части числительного *-ну, -ра*.

Иногда (в детской игре и в других случаях) употребляют лишь корни числительных без этих суффиксов: *ца, кли, хляб, ав, шу, урег, верхл, гехл, урчлем, векл*. Те же самые корни мы находим во многих дагестанских языках; в кубачинском диалекте они в колич. числительных употребляются без суффикса: *клев* — 2, *гяб* — 3, *авгь* — 4 и т. д.

¹ В мугобском вместо *лим* мы имеем *либ*, что значит «над»; *даршлиб ца* значит: «на сотне единица».

В лакском и в некоторых других языках Дагестана числительные снабжены классными показателями, которые согласуются в зависимости от класса определяемого имени. В даргинском языке числительные по классам не изменяются, но можно полагать, что и даргинские числительные в прошлом изменялись по классам, и согласные *в, д* (*верхел, вецлал, даршал*)¹ являются окаменелыми классными показателями.

Суффиксы составных числительных *-ну* и *ра* (*вецлну цара*) являются союзами, связывающими обе их части; *вецлну цара* буквально будет «десять и один и». Но в современном даргинском языке «союзнасть» этих элементов не создается; к тому же элемент *-ну* в современном даргинском языке является союзом не соединительным, а противительным.

Начиная от 30 до 90 составные десятки состоят из трех частей: двух корней, первый из которых выражает число десятков, а второй обозначает «десять» и суффикса *али*: *хляб* (3), *-цI*, (10), *-али* — 30. Но не так обстоит дело с *гьал* (20). Числительное *гьал* распадается лишь на две части — корень *гьа* и суффикс *ал* (а не *али*). По аналогии с другими десятками основа *гьа* должна была бы состоять из двух частей: числа десятков и самого десятка. Числительное 20 составляет исключение из общего ряда и в других языках Дагестана: в лакском, аварском, лезгинском и др.: дарг. *гьал* — лак. *кьуба* (6 кл. показ.), авар. *кьо-го* (пишется *кього*) лезг. *кьа-д*.

Это объясняется тем, что в этих языках наравне с десятиричной системой исчисления применялась и применяется двадцатиричная система. В настоящее время в даргинском языке нет двадцатиричной системы, но приходится сказать, что и в даргинском языке прежде, вероятно, применялась двадцатиричная система. Поэтому 20 не сознавалось, как два десятка, а сознавалось, как особое число, а 30, 40 и т. д. понимались как сумма 20 и 10, двух двадцаток и т. д.

В то время как сложные числительные до 99 включительно связываются между собою союзными суффиксами *-ну* и *-ра*, прибавляемыми к обеим частям сложного целого (*гьану цара* «21») числительные *даршал* «100» и *азир* «1000» со следующими за ними числительными, связываются посредством суффикса *лим*: *даршим ца* «101», *даршим вецлал* «110», *даршим вецлну цара* «111», *азирлим урчIемдаршим авцланну урчIемра* «1949».

Число, выражающее количество сотен и стоящее перед *даршал*, и само слово *даршал* при соединении теряют суффиксы *ал*: *кли-дари* (из *кIел-даршал*) «200»; *хляб-дари* (из *хлябал-даршал*) «300». Что касается *азир* 1000 и далее (*мил-*

¹ В мекегинском диалекте вместо *в* в числительном *верхел, вецлал* мы имеем *е*: *ерхIел, ецIал*.

лион, миллиард и т. д.), то они сохраняют свою полную форму: *кIел азир* (а не *кIиазир*) «2000».

Порядковые числительные.

Порядковые числительные образуются прибавлением к основе простого числительного или к составному числительному причастия *ибил* «сказанный», или *эсил* «то, что должно быть сказано»: *кIиибил* «второй» (букв.: «два сказанный»); *вецIъ-ибил* «десятый»; *гъаибил* «двадцатый»; *вецIну цара ибил* «11-й»; *хIябцIаибил* или *хIябцIали ибил* «30-й»; *цаэсил* «первый»; *даршэсил* «сотый».

Таким образом мы видим, что порядковые числительные в даргинском языке образуются тем же способом, как и в других дагестанских языках: аварском, лакском, табасаранском, лезгинском и др. Порядковые числительные даргинского языка являются как бы причастием сложного глагола, первой частью которого является числительное; другие формы таких глаголов не употребляются в языке.

Дробные числительные.

Дробные числительные в даргинском языке развиты слабо. Для выражения «половины» существует слово *байхъала* (б клас. показатель) диалектные разновидности: *баяхъала*, *белкьу*, *байхъу* (ср. *биркьа* «полмерки»). Это слово по происхождению связано со словами *бай* «середина», *байбяхъес* «резать пополам». Для выражения «четверти» употребляют слово *авбаркьала* (*ав* «4», *баркь* «деление», *ала* суффикс отвлеченности). Остальные дроби выражаются описательно: *хIябла ца*, *хIябал бутIала ца бутIа* « $\frac{1}{3}$ » (букв.: «трех один», «трех долей одна доля») *авла ца* « $\frac{1}{4}$ », *шула ца* « $\frac{1}{5}$ » и т. д.

Некоторые другие виды числительных.

Простое числительное с союзной частицей *ра* выражает определенность тех предметов, о которых говорится. Если фраза *кIел адам бакIиб* обозначает «два каких-то человека пришло», то фраза «*кIелра адам бакIиб*» обозначает «двое людей пришли, оба пришли» (причем оба известны слушателю).

Что касается числительного *ца* «один», то оно может выражать самые разнообразные значения, в том числе и значение неопределенности: *адам вакIиб* значит «пришел какой-то известный человек», а фраза: *ца адам вакIиб* «пришел какой-то человек».

От даргинского числительного при помощи различных суффиксов образуются различные слова, выражающие разные понятия: при помощи суффикса *-на* образуется кратное наречие: *кIина* «два раза», *хIяйна* «три раза», *авна* «4 раза», *шуйна* «5 раз», *вецIну царайна* «11 раз», *гъайна* «20 раз»,

хлябцайна «30 раз» и т. д. Понятие «один раз, однажды» выражается словом *гъачам* (но в сургин. диалекте: *цайна*).

При посредстве этих наречий выражается в языке умножение: (*Клина хлябал* «дважды три»; *хляйна шел* «трижды пять»).

Как видно из примеров, во многих числительных (*ца* в *цайна*, *кли* в *клийна*, *хляб* в *хляйна* и т. д.) при образовании кратного наречия происходят некоторые фонетические изменения. Мы видим, что перед *на* в числительных на гласный и в числительном *хляб* вставляется *й*. Историческое объяснение этому мы находим в кубачинском и муиринском диалектах. Кубачинские соответствия звучат так: *кльигна* «два раза», *глягна* (и *глябжина*) «три раза». В муиринском имеется служебное слово *гина* (*жина*) со значением «раз, только»; откуда и происходит суффикс *-на*.

При помощи суффикса *-ка* или *-рка* образуется основа со значением повторения, удвоения: *хлябкаци* «в три слоя» *кликаци* «двойной», *клиркали* (нареч.) «в два слоя».

Для выражения значений «одинарный, единица», «двойка» и т. д. существует форма на *-лик* (кумык.): *клилик* «двойка», *шулик* «пятерка» и т. д.

Для выражения «двукратный, двукратно» и т. п. существует форма на *някъ* (букв. «рука»): *клянякъли* «в двукратном размере» и др.

От этой формы образуется еще другая форма, которую можно называть порядковым наречием: *клянайс* «во-вторых, в другой раз, потом, второй раз», *хляйнайс* «3-й раз», *авнайс* «4-й раз» и т. д.; этой форме эквивалентна другая: *клянаэсил*, *хляйнаэсил* и т. д.

Диалектными разновидностями формы на *йс* являются: *клявналлиж* (усиш.), *члуйналлиз* (цудах.). Это показывает, что эти формы являются дательным падежом кратного наречия; с другой стороны их эквивалент на *эсил* показывает, что эта форма является как бы инфинитивом: *клянаэс*, *клянайс* «букв.: «дважды сказать».

Для образования распределительной формы числительного со значением «по одному», «по два» и т. д. в даргинском языке повторяется основа: *ца-ца* «по одному», *кликлел* «по два», *шушел* «по пять» и т. д.; или с оформлением наречия: *кликлили*, *хлябхлябли* и т. д.

Для выражения «пары» или вообще группы имеется форма на *бехI*, *дехI* (*б* и *д* являются классными показателями): *ца-дехI дабри* «пара обуви», *клядехI дабри* «две пары обуви», *хляббехI хъалибарг* «три семейства» и т. д.

Склонение числительных.

Склонение количественных числительных имеет некоторые отклонения от склонения существительных. Они заключаются в следующем:

в числительных от 2 до 10 и в круглых десятках, 20 и 100 — все косвенные падежи образуются от корня числительного без суффикса *ал*, причем эргатив принимает показатель *ли* *кӀел* «2» — *кӀили, кӀила, кӀилис, кӀиличи*; «3» *хӀябал* — *хӀябли, хӀябла, хӀяблис, хӀябличи*; в других числительных косвенные падежи образуются от полного числительного: «30» — *хӀябцӀали* — *хӀябцӀай, хӀябцӀа, хӀябцӀайс, хӀябцӀайчи*; «90» *урцӀемцӀали, урцӀемцӀай* — *урцӀемцӀа урцӀемцӀайс* «11» *вецӀну цара* — *вецӀну царали, вецӀну царала*.

МЕСТОИМЕНИЕ.

В даргинском языке имеются следующие разряды местоимений:

Личные: *ну* «я», *нуша* «мы»; *хӀу* «ты», *хӀуша* «вы»; *сай* «он»; «сам», *саби* «они, сами»;

Притяжательные: *вегӀ* (букв.: «хозяин»), *вегӀла* (родит. пад. от *вегӀ*; классн. показ. *в* в *вегӀ*, *вегӀла* в роли местоимений не чередуется: *вегӀ, вегӀла* употребляются для всех трех классов одинаково);

Указательные: *иш* «этот» (у 1-го лица), *ишди* множ. ч.; *ил* «этот, тот» (у 2 лица), *илди* множ. ч.; *ит* «тот», *иди* множ. ч. (пишется *итди*); *икӀ* «тот» (выше говорящего), мн. ч. *икӀди*; *их* «тот» (ниже говорящего), множ. ч. *ихди*.

Вопросительные: *чи* «кто», *чихъали* (множ. чис. от *чи*); *се* «что»; *чум* «сколько», *чумбехӀ, чумдехӀ* (множ. ч.); *чиди* «какой, который».

Определительные: *гъар, гъарил, гъар чиди, гъар чиди ца* «каждый, всякий», *баягъи, бегӀла (вегӀла, регӀла, дегӀла)* «самый»; *лебил, лебил, лебилра*, «все»;

Отрицательные: *чилра* «никто», *селра* «ничто», *цалра* «ни один» (при отрицании).

Неопределенные: *чумал, чумрил, цачумал* «несколько»; *чидил, чидирил* «какой-то»; *серил* «что-то»; *цаца* «некоторые»; *чи-биалра* «кто-нибудь»; *се-биалра* «что-нибудь»; *чиди-дигара* «какой угодно»; *се-дигара* «что угодно».

Отрицательные местоимения нами так названы условно, так как они употребляются в качестве неопределенных и без отрицания в вопросе;

хъулив чилра агара «в комнате нет никого»;

хъулив чилра кӀеву? «есть ли в комнате кто-нибудь?»;

ишаб селра леб «здесь имеется что угодно».

Местоимение 3-го лица *сай* (*саби, сари*) вместе с союзом *ра* и его множественное число *чули* тоже с союзом *ра* — во всех падежах в даргинском письменном языке получили широкое употребление в роли относительного местоимения, связывающего определительное придаточное предложение и придаточное предложение образа действия с главным предложением.

В роли местоимения 3-го лица употребляются указательные местоимения: *иш, ит, икI, их* «тот».

Склонение местоимений.

В отличие от имен существительных, прилагательных и числительных, которые все без исключения склоняются, среди местоимений имеются такие, которые встречаются лишь в именит. падеже; они не склоняются. Таковыми являются: *лебил* «все» (но не *лебилра*), *гыар* «всякий, каждый», *чумал, цачумал*, «несколько»; *чидил, чидирил* «какой-то»; *чирил* «кто-то»; *серил* «что-то» и некоторые другие.

Склонение личных местоимений отличается от склонения существительных следующими особенностями:

множественное число 1 и 2-го лица оканчивается на *ша* хотя в именах такого склонения множественности не встречается. Множественность в местоимении *сай* выражается классными показателями (*б, р*).

Все косвенные падежи местоимения 3-го лица во множественном числе образуются от другого корня *чу*: *чули, чула, чус* и т. д. причем эти падежи образуются, минуя форму эргатива. Что касается единственного числа, то здесь косвенные падежи образуются от основы именит. падежа, но с выпадением классного показателя и изменениями в основе: *сунела, сунени, сунес* и т. д. Следовательно, это местоимение все косвенные падежи имеет от архаического ныне неупотребительного эргатива *суне, суни*. Это предположение подтверждается тем, что в некоторых диалектах (урах. и др.) и сейчас форма *суни* употребляется как эргатив.

Родит. падеж местоимения 1-го лица образуется от другого корня *ди* (цудах. *дү* «я»): *дила* «мой»; дательный падеж образуется от видоизмененной основы *на*: *наб* «мне», и все падежи; за исключением эргатива, образуются от дательного: *набчи* «ко мне», *набчила* «обо мне» и т. д.

От личного местоимения 2-го лица эргатив образуется от основы *хлу*: *хлуни*, остальные же падежи образуются от видоизмененной основы *хле*: родит. *хлела*, дат. *хлед* и т. д.

Дательный падеж местоимений 1-го и 2-го лица своим окончанием отличается от дательного падежа существительных и местоимений 3-го лица: окончание 1-го лица *б* (в ед. и мн. ч.) 2-го — *д* (мн. ч. *б*): *наб, нушаб, хлед, хлушаб*.

В кайтагском и кубачинском диалектах произошло выравнивание парадигмы склонения местоимений 1 и 2 лица со склонением существительных: здесь к окончанию дательного падежа *м* прибавляется окончание *й, ж* (акуш. *с*): *дамиж, дамижи* (кайт.), *дамии* (кубач.) «мне»; *этижж* (кайт.), *итгий* (кубач.) «тебе».

Указательное местоимение 3-го лица *ит* и другие: *ил, иш, икI, их* перед падежным окончанием принимают гласный *и*, который в родит. падеже переходит в *а*: эрг. *итини*, родит. *итала*, дат. *итис* и т. д.

Приводим таблицу склонения личных местоимений в акуш. диалекте и наиболее отклоняющиеся от них формы цудахарского диалекта:

	Акуш.	Цудах.	Акуш.	Цудах.
1-ое	<i>Ну</i> «я»	<i>ду</i>	<i>нуша</i> «мы»	<i>нухъхъа</i>
эрг. п.	<i>нуни</i>	<i>дале</i>	<i>нушани</i>	<i>нухъхъале</i>
род. п.	<i>дила</i>	<i>дила</i>	<i>нушала</i>	<i>нищала</i>
дат. п.	<i>наб</i>	<i>дам</i>	<i>нушаб.</i>	<i>нищаб</i>
	<i>набчил</i>	<i>дамцела</i>	<i>нушачил</i>	<i>нищаццела</i>
	<i>набчила</i>	<i>дамияла</i>	<i>нушачила</i>	<i>нищаябле</i>
	<i>набчибли</i>	<i>дамиябле</i>	<i>нушачибли</i>	
	<i>набчи</i>	<i>дамицу, дамия</i>	<i>нушани</i>	<i>нищу,</i> <i>нищя</i>
	<i>набчиб</i>	<i>дамушуб, дамияб</i>	<i>нушачиб</i>	<i>нищашуб,</i> <i>нищяб</i>
	<i>набчибад</i>	<i>дамуцула, дамияла</i>	<i>нушачибад</i>	<i>нищашула</i> <i>нищяяла</i>

	Акуш.	Цудах.	Акуш.	Цудах.
2-е л.	<i>хIу</i> «ты»	<i>гIу</i>	<i>хIуша</i> «вы»	<i>гIуца</i>
эрг. п.	<i>хIуни</i>	<i>гIеле</i>	<i>хIушани</i>	<i>гIуцали</i>
род. п.	<i>хIела</i>	<i>гIяла</i>	<i>хIушала</i>	<i>гIуцала</i>
дат. п.	<i>хIед</i>	<i>гIят</i>	<i>хIушаб</i>	<i>гIуцаб</i>
	<i>хIечил</i>	<i>гIяцила</i>	<i>хIушачил</i>	<i>гIуцаццала</i>
	<i>хIечила</i>	<i>гIяяла</i>	<i>хIушачила</i>	<i>гIуцаяла</i>
	<i>хIечибли</i>	<i>гIяябле</i>	<i>хIушачибли</i>	<i>гIуцаябле</i>
	<i>хIечи</i>	<i>гIяцу, гIяя</i>	<i>хIушачи</i>	<i>гIуцашу,</i> <i>гIуцая</i>
	<i>хIечиб</i>	<i>гIяшуб, гIяяб</i>	<i>хIушачиб</i>	<i>гIуцашуб,</i> <i>гIуцаяб</i>
	<i>хIечибад</i>	<i>гIяцула, гIяяла</i>	<i>хIушачибад</i>	<i>гIуцашула,</i> <i>гIуцаяла</i>

	Акуш.	Цудах.	Акуш.	Цудах.
3-е л.	<i>сай</i> «он»	<i>сайе</i>	<i>саби</i>	<i>сабе</i>
эрг. п.	<i>сунени</i>	<i>сунеле</i>	<i>чули</i>	<i>чуле</i>
род. п.	<i>сунела</i>	<i>сунела</i>	<i>чула</i>	<i>чула</i>
дат. п.	<i>сунес</i>	<i>сунез</i>	<i>чус</i>	<i>чус</i>

Акуш.	Цудах.
сунечил	сунеццела
сунечила	сунеяла
сунечибли	сунеябле
сунечи	сунецу, сунея
сунечиб	сунецуб, сунеяб
сунечибад	сунецула, сунеяла.

Акуш.	Цудах.
чучил	чуццела
чучила	чуяла
чучибли	чуябле
чучи	чуцу, чуя
чучиб	чуцуб,
	чуя
чучибад	чуцула,

	Акуш.	Цудах.
3-е л.	ит «он, тот»	ит
эрг. п.	итини	итили
род. п.	итала	итила
дат. п.	итис	итиз
	итичил	итиццела
	итичила	итияла
	итичибли	итиябле
	итичи	ития
	итичиб	итицуб
		итияб
	итичибад	итицула
		итияла

	Цудах.
	чи «кто»
эрг. п.	чили
род. п.	чила
дат. п.	чис
	чичил
	чичила
	чичибли
	чичи
	чичиб
	чичибад

	Акуш.
	се «что»
эрг. п.	сели
род. п.	села
дат. п.	селис
	селичил
	селичила
	селичибли
	селичи
	селичиб
	селичибад

	Акуш.
	че
	гъили
	гъила
	гъиз
	гъиццела
	гъияла
	гъиябле
	гъицу, гъия
	гъицуб, гъияб
	гъицула; гъияла.

	Цудах.
	се
	сели
	селла
	селиз
	селиццела
	селияла
	селиябле
	селицу, селия
	селицуб, селияб
	селицула, селияла.

Г Л А Г О Л.

Общая характеристика даргинского глагола.

Даргинский глагол имеет много наклонений, имеет сложную систему личных окончаний, которыми он согласуется то с объектом, то с субъектом. Он имеет длительный и недлительный виды, однократный и многократный виды, чрезвычайно ярко выраженные морфологически.

Даргинский глагол, как часть речи, морфологически богато оформлен. Несмотря на это, анализируя состав даргинского глагола, почти во всех случаях легко установить пути оформления и сравнительно недавнего выделения его различных морфологических форм. Основа даргинского глагола является в то же время формой желательного наклонения и отглагольным существительным (хотя не от всех глаголов она употребительна в последнем значении):

белкI «письмо» и «чтобы написал»

белчI «чтение» и «чтобы прочитал»

баркь «действие, поступок» и «чтобы сделал».

Любая основа глагола в предложении в сочетании с другими словами может употребляться для выражения желательности (пожелание, заклинание, проклятие и проч.). При этом такая основа глагола является существительным и склоняется наравне с ним.

Примеры: *Чинава иши давла маг?* ...«где этот, чтобы ему добра не было!» (*маг* от глагола *гес* «дать»).

Ит давла магги бетахъахъиб «этот, чтобы ему добра не было, потерял».

гъавакIигу, ит вебкIичи «пойди же к этому, чтобы он умер!»

Здесь же упомянем о том, что слово *сай* (*саби, сари*) в даргинском языке употребляется и в роли местоимения (сам, он), и в роли вспомогательного глагола-связки при сказуемом.

Даргинский глагол можно точно отличить от всех остальных частей речи, но для этого недостаточно принимать во внимание одну какую-либо особенность, а нужно привлечь совокупность всех показателей. Такая совокупность является необходимой и достаточной для разграничения глагола от имени. Какие же это показатели?

Даргинский глагол выражает действие или состояние, изменяется по лицам (за исключением описательных форм прошедшего времени на *ри* и формы на *ши*), по временам, по наклонениям и видам. Он может быть переходным и непереходным. Преобладающее большинство даргинских глаголов принимает классные показатели.

Изменение по лицам и временам однако не является отличительным признаком только глагола. Будучи сказуемым, любое слово в даргинском языке изменяется по лицам и временам, при помощи добавления к нему окончаний сокращенной связки (*ра, ри*) *ну хьуливра* «я дома» (*ну* «я», *хьулив* местн. п. от *хьали* «дом», *ра* связка 1-го лица), *хьу хьуливри* «ты дома» или «ты был дома» (*хьу* «ты», *ри* связка 2-го лица и показатель прошедшего времени), *ну хьуливри* «я был дома», *нура* «это я», *хьури* «это ты» или «это был ты»; *нури* «это был я», *ну учительра* «я учитель», *хьу учительри* «ты учитель» или «ты был учителем», *ил учитель сай* «он учитель», *ит учитель сайри* (и сокращенно: *ит учительри*) «он был учителем»; *хьури?* «это ты?», это был ты?, *чи сай?* «кто такой?», *ит чи сайри* «кто он был?», *итри* «это был он».

Классные показатели также не могут служить достаточным признаком глагольности; они принимаются не только глаголами, но и другими частями речи (существительным, прилагательным, числительным, местоимением и наречием).

Одному лишь глаголу свойственны категории наклонения, вида и залога. Быть хотя бы в нескольких наклонениях, быть совершенным и несовершенным, переходным или непереходным — может только глагол. Этим мы и отличаем глагол от имени-сказуемого, которое также выражает лицо и время. Но тогда из круга глаголов как бы выходят такие глаголы, как *сай* «есть», *ахьен* «нет», *леб* «имеется, находится». Эти глаголы встречаются лишь в изъявительном наклонении, в других наклонениях они не бывают.

Мы должны найти следовательно такой признак глагольности, который бы охватил и эти три глагола.

Даргинский глагол имеет и иные формальные признаки, по которым можно различать глагол от имени. Одним из них является возможность прибавления суффикса отглагольного существительного *ни*. Этот суффикс можно прибавить только к глаголу, причем ко всем глаголам без единого исключения.

Поэтому для даргинского глагола можно дать такое определение, которое охватило бы все его разновидности с одновременным исключением всех слов, которые не являются глаголами: глагол — часть речи, которая может принимать суффикс *ни*. Такое определение, конечно, не раскрывает вполне сущность даргинского глагола, но практически оно является полезным.

К другим признакам глагола относятся отрицательные префиксы *х'е*, *ма*. Их можно прибавить только к глагольным формам, однако, четыре глагола не принимают их:

сай «есть», *ах'ен* «не есть», *леб* «имеется», *агара* «не имеется».

Однако, в кубачинском диалекте отрицательный (аналогичный акушинскому *ах'ен*) глагол образуется прибавлением отрицательного префикса *а*: *а саби* «не есть».

Суффикс инфинитива *эс* (*ес*) не принимают лишь три первые из указанных глаголов (*сай*, *ах'ен*, *леб*), остальные глаголы все принимают его и таким образом все образуют инфинитив.

Таковы характерные признаки даргинского глагола.

Классные показатели в глаголе.

Место классного показателя в даргинском глаголе — непосредственно перед корнем глагола. Отрицательные префиксы и префиксы места стоят перед *сай*, *леб*, где классный показатель стоит после корня.

В одном и том же глаголе мы часто видим два и больше классных показателя. Это бывает тогда, когда префикс или именная часть глагола или обе части также имеют классные показатели:

гьаббердес «прорвать» (*гьаб* префикс с кл. показ. б), — *гьардердес* «прорвать» (в конце префикса *р*, в начале глагола *д*); *чевваргес* «насмехаться» (*чев* префикс с кл. показ.) — *черббаргес*; *увватес* «покинуть, оставить» — *уббатес*; *гьаввиэс* «определить» — *гьаббиэс*; *гьаввухъес* «убежать» — *гьаббухъес*;

При стечении двух в одно из них (второе) часто выпадает: *чеввердес* и *чевёрдес* «оторваться»; *чеввахъес* и *чевяхъес* «отделить»; *чевваргес* и *чеваргес* «насмехаться».

В мугинском диалекте кл. показатель *р* в префиксах *гьар*, *кир*, *г'ер* и др. окаменел:

гьарухъис «убежать» — *гьарбухъис*; *киряхъяс* «отделить» — *кирбахъяс*; *г'ерерттис* «искореняться» — *г'ерберттис*.

В кубачинском в причастиях классный показатель имеется и в конце слова.

акуш.

белк'унси
левси

кубач.

кабжибзиб «написанный»
левзив «тот, который находится».

Не все глаголы в даргинском языке изменяются по классам. Есть глаголы, в которых тот или иной показатель окаменел, больше всего показатели *д*, *б*: *дукелц'идухъес* «стать смешным», *х'яздухъун* «охота появилась», *гьимидухъес* «гневаться», *дигес* «любить» (в акуш.; в других диалектах в этом глаголе классные показатели чередуются).

Есть глаголы, которые не содержат классных показателей: аклес «родиться, создаться», атлес «завязнуть», акес «спаять», какьес «насыпать», касес «взять», сасес «получить», серхес «стать бодрым», хес «принести», гес «дать», кес «привести» и другие.

Есть глаголы, в которых классный показатель появляется лишь в отдельных формах:

арукьес «уйти» — аррукьес, арбукьес, ардукьес; но аркьяс «уйду» (для всех классов); арбухес «унести» — арухес, аррухес, ардухес; но архис (архид арху) «унесу» для всех классов); арбукьес «увезти» — аррукес, арбукес, ардукес; но арку «унесет» (для всех классов).

При образовании от совершенного вида с классным показателем вида несовершенного и наоборот, иногда классный показатель выпадает, но не перед звуком *а*:

биршес «сжать жатву» — иршес; бирзес «подоить» — изес; биркес «побелить» — иркес; белклес «написать» — луклес; белтлес «ощипать» — лутлес; белкьес «насытиться» — лукьес, и др.

Классные показатели выпадают также после префиксов и именных частей сложного глагола.

Инфинитив

Инфинитив в акушинском и во многих других диалектах имеет суффикс эс (ес, яс) в урахинском диалекте: ис, (яс): белклес «написать», белтлес «прочитать», кайэс «посидеть, сесть», чезэс «увидеть», и др.

В цудахарском диалекте вместо эс (ес) имеем из, что сближает даргинскую форму инфинитива с аварской формой на изе: ваклес, цуд. вачлиз (ср. авар. вачлизе) «придти»; абхьес (цуд. абшиз) «открыть»; кайэс (цуд. кайжиз) «сесть».

Даргинский инфинитив имеет морфологическое сходство и с лезгинским деепричастием на из, играющим в этом языке роль инфинитива. Он имеет также сходство с инфинитивами агульского, цахурского, рутульского и других дагестанских языков, где инфинитив также оканчивается на *с*.

Вместо цудахарского *з* в отдельных диалектах цудахарской группы мы имеем *ж* или *й*: ваклизж (усиш.), ваклий (бутрин.). Эти соответствия (*с-з-ж-й*) в даргинском языке наблюдаются только в окончаниях инфинитива и дательного падежа, ср. Алис (дат. от Али), Ализ, Алижж, Алий.

В кайтагском языке такой формы инфинитива нет, но есть равносильная с ней по значению другая форма на ара, ана: барккара «найти» (акуш. баргес), цявана «придти» (акуш. ваклес).

Такая же форма существует и во многих диалектах цудахарской группы. В некоторых из них, например, в мугинском,

эта форма употребляется наравне с формой на *ис* (акуш. *эс*): *айзараайзис* «встать», *элзанаэлзис* «вставать», *кайаракайис* «сесть», «сидеть», *керанакерис* «сидеть» (мугинский диалект).

Нужно отметить, что как *эс* (*ис*), так и *ана*, *ара* сами по себе являются инфинитивами от простейших глаголов: *эс*, *ара* (*ана*), что значит «сказать, сделать, становиться»; от них образуются во всех диалектах формы наклонения и временные формы. Разница между *ана* и *ара* фонетическая. Чтобы знать, какие глаголы принимают *ана* и какие *ара*, в тех диалектах, где есть эти суффиксы, — можно помнить следующее соотношение: если прошедшее время совершенного вида оканчивается на *н*, то инфинитив совершенного вида будет на *ана*: *вякюн* «посетил, сходил» — *укьяна*, *белкюн* «написал» — *белкIана*, *атIун* «завяз» — *атIана* (мугинский диалект). Инфинитив несовершенного вида оканчивается на *ана*: *вашана* «ходить», *элзана* «вставать», *балтана* «оставлять» и др. (муг.). В остальных случаях инфинитив будет образован на *ара*: *багыара* «узнать», *айзара* «встать», *батара* «оставить» (муг.).

Даргинский инфинитив Услар называл неокончательным наклонением, Жирков — долженствовательной формой. Мы не находим никакой надобности выдумывать для даргинского инфинитива новые названия, хотя и «инфинитив» тоже термин неудачный. Можно называть его и неопределенной формой или неопределенным наклонением, так как здесь не определено, к какому времени и лицу относится действие или состояние, выражаемое инфинитивом.

Даргинский инфинитив резко отличается от отглагольного существительного на *ни*. В то время, как отглагольное существительное склоняется наравне с другими именами, инфинитив принимает окончания лишь нескольких падежей: родительного (*вакIесла меллав* «вместо того, чтобы придти») и локатива — уступающего (*вакIесличиб* «чем придти»). Если отглагольное существительное на *ни* вместе с послелогом *багыандан* «по причине, ввиду, ради» в предложении выражает причину, инфинитив с тем же послелогом выражает цель: *вакIни багыандан* «ввиду прихода», т. е. «ввиду того, что пришел»; *вакIес багыандан* «для прихода», т. е. «для того, чтобы придти».

Таким образом, даргинский инфинитив имеет двойное употребление: он употребляется и как русский инфинитив, и в значении «чтобы» с инфинитивом: *вакIес* значит «прийти» и «чтобы прийти».

Повидимому, даргинский инфинитив имел прямое отношение к будущему времени глагола, за что говорят, между прочим, два факта: совпадение его по форме с будущим следственным и невозможность образования его от глаголов, которые не имеют будущего времени *сай*, *ахIен*, *леб*. Тем не менее называть даргинский инфинитив целевой или долженст-

вательной формой нет необходимости, так как он употребляется не только в значении «чтобы» с инфинитивом, но чаще всего в значении «чистого» инфинитива.

Если сравнить даргинский инфинитив с русским, то надо признать, что даргинский инфинитив по значению конкретнее русского. По-даргински, как известно, нельзя сказать «прочитать»; а можно лишь сказать, соблюдая согласование по классу, прочитать нечто мужского, женского среднего класса или прочитать много чего-либо», например, читать сочинения мужчин или женщин, читать по списку их имена и проч.; *белкес* значит: «прочитать нечто среднего класса или много мужского или женского класса». В отличие от русского инфинитива, даргинский инфинитив требует подлежащего в именительном, активном или дательном падеже, как и всякая другая форма глагола. К русскому же инфинитиву нельзя поставить подлежащее в именительном падеже. Мы можем сказать «я прочитал газету», «я» здесь подлежащее. Если мы заменим «прочитал» инфинитивом, то связь между «я» и глаголом исчезнет: «я» не может быть грамматическим подлежащим для инфинитива «прочитать».

В даргинском языке можно сказать: *ну учлес дигулра* и *наб учлес дигулра* «я хочу» или «мне хочется учиться». Какая же синтаксическая разница между этими даргинскими предложениями? В первом предложении *ну* «я» является подлежащим для инфинитива *учлес* «учиться», а во втором *наб* «мне» является подлежащим для глагола *дигулра* «хочу». Таким образом даргинский инфинитив наравне с другими спрягаемыми и не спрягаемыми формами глагола определяет падеж подлежащего и в предложении играет роль как бы придаточного сказуемого, обстоятельства цели и дополнения. Однако, дополнением даргинский инфинитив может быть только тогда, когда его подлежащее совпадает с подлежащим дополняемого глагола, как в предыдущих примерах. Если же оба подлежащих не совпадают, то вместо инфинитива мы встречаем деепричастие или (редко) отглагольное существительное. *Наб хлу учлули (учлни) дигулра* «я хочу, чтобы ты учился».

Отрицательная форма инфинитива образуется правильно от его положительной формы.

Основа глагола и её состав.

Основой глагола мы считаем ту часть его, которая остается после опущения окончания. Почти все даргинские глаголы распадаются на эти две части. Например, глагол *белкес* «написать» мы можем разбить на две части, одна из которых «окончание», другая — основа: *белк1-ес*.

Исключение составляет глагол *эс* «сказать», в котором «окончание» совпадает с основой. Дело в том, что глагол *эс*

служит в то же время и окончанием для других глаголов. Он является первичным глаголом, который как бы «дал» спряжение почти всем остальным глаголам даргинского языка.

Основа даргинского глагола, как мы говорили, в то же время есть желательное наклонение, которое употребляется и как отдельное слово в этом значении.

Исключение составляют глаголы *сай, ахлен, леб, агара* и некоторые другие, основа которых состоит из одного лишь согласного: *гес* «дать», *хес* «принести», *кес* «привести». Основы этих глаголов *г, х, к*, не выступают в роли желательного наклонения и образовать его от них нельзя. Нельзя образовать желательное наклонение и от глаголов *сай, ахлен, леб, агара*. Это объясняется тем, что все эти глаголы употребляются в настоящем или в прошедшем времени, а желательное наклонение выражает желание чего-либо в будущем. Глагол *эс* также составляет исключение. От этого глагола желательное наклонение будет *(а)*. Но в инфинитивной форме этого глагола мы основы *(а)* не видим. Поэтому определение основы даргинского глагола как части его, которая остается по отнятии от инфинитива окончания, не охватывает всех ее типов.

Основа глагола может быть первичной или производной, вторичной. Первичная основа даргинского глагола всегда состоит из одного слога и имеет согласный исход. Другие же основы можно рассматривать как производные. Первичная основа даргинского глагола, как таковая, не имеет никакого оформления, т. е. в даргинском языке основа не образуется никаким суффиксом.

Инфинитив

барес «сделать»
касес «взять»
белкес «написать»

Основа

бар
кас
белкI

В некоторых глаголах по отделении окончания от основы в конце ее появляется гамза:

<i>кайэс</i> «сесть, посидеть» (акуш.)	<i>кай</i>
<i>аэс</i> «дойти вверх»	<i>а</i>
<i>каэс</i> «дойти вниз»	<i>ка</i>
<i>эс</i> «сказать»	<i>а</i>
<i>хьалъис</i> «остаться» (урах.)	<i>хьалъ</i>
<i>алъис</i> «отрезать»	<i>алъ</i>
<i>беръис</i> «высохнуть»	<i>беръ</i>
<i>керъис</i> «садиться»	<i>керъ</i>
<i>амъис</i> «очиститься»	<i>амъ</i>

Как видно из примеров, в акушинском диалекте гамза появляется лишь после *й* и *а*; в урахинском и мугинском

диалектах—и после согласных *л, р, м*. В этих глаголах с гамзой перед окончанием слышится перерыв голоса: *беръис*. Он отчётливее слышен в урахинском и мугинском диалектах, чем в акушинском. В акушинском диалекте перерыв голоса после *л, р, м* исчез, исчезла также гамза в составе основы.

урах.	акуш.
<i>хьалъ</i>	<i>кал</i>
<i>алъ</i>	<i>ал</i>
<i>беръ</i>	<i>бер</i>
<i>амъ</i>	<i>ам</i> (от <i>амъэс</i> «очиститься»).

Явление это — чисто фонетическое. Гамза перед гласным окончания переходит в простой перерыв голоса: *кайъэс* — *кайс*, *хьалхъис*. Эта гамза сохраняется в конце чистой основы и перед согласным аффикса: *кайъни* «сидение», *хьалъни* «от *хьалъис* «остаться»).

Во многих диалектах цудахарской группы вместо акушино-урахинской гамзы мы имеем согласные *г, ж, з*, которые сохраняются во всех формах:

Таким образом, гамза в конце основы не является каким-либо формативом, она входит в состав корня.

В составе первичной основы выделяется часто корень и классный показатель, который (если он есть) должен стоять непосредственно перед корнем. Первичный корень даргинского глагола состоит большею частью из одного или двух согласных, первым из которых является один из звуков *л, н, м, б*. Но бывает и так, что в корне мы находим только один гласный, который иногда сливается с гласным префикса и дает долгий гласный (в урахинском диалекте), или же выпадает; а в чистой основе перед согласным суффиксом, как было упомянуто выше, сопровождается гамзой.

Примеры слияния гласного корня с гласным префикса:

каэс «дойти вниз»; *аэс* «дойти вверх»; *саэс* «дойти сюда».

В урахинском диалекте гласный *а* в префиксе долгий: *хьаайис*, *ааис*, *сааис*; в цудахарском диалекте после гласного стоит согласный *гъ*: *кегъиз*, *сегъиз*.

Как видно, в акушинском диалекте произошло упрощение формы: корень, состоящий из гамзированной гласной, выпал из середины глагола, префикс сам занял место корня.

Гласный, стоящий перед корневым согласным, часто чередуется с другим для выражения значения совершенного или несовершенного вида:

барес «сделать» — *бирес* «делать»;

бемдес «распухнуть» — *бумдес* «пунуть»;

бемхлес «промокнуть» — *бумхлес* «мокнуть».

Следовательно, гласный в этом случае не является принадлежностью первичного корня, но является формативом.

Если слившиеся с корнем префиксы от корня уже не отделяются, то классный показатель стоит перед ними, а не после них, как это вообще бывает при отделимых префиксах:

биэс «делаться» (префикс *би*)

чебаэс «увидеть» (префикс *че*)

Отличить простую основу глагола от производной трудно.

При наличии в глаголе классного показателя легко узнать имеется ли при глаголе префикс (как и начальная именная часть) или нет: та часть основы, которая стоит перед классным показателем, будет префиксом или именной частью данного сложного глагола.

Легко обнаруживается префикс (или именная часть) вставлением отрицательного префикса в основу; отрицание будет стоять после префикса (или именной части).

Такой способ различения простой основы от производной при выражении отрицания в акушинском диалекте вполне оправдывает себя:

аклес «создаться, родиться» — *ахлеклес*; *асес* «купить» — *ахлесес*.

Для урахинского диалекта это правило не применимо, так как в нем отрицание не всегда ставится после префикса:

хьабихьиб «положил» (*хьа* — акуш. *ка*) — *ах1хьабихьиб* «не положил»

ах1 — акуш. *х1е*); *арбуха* «унеси» — *армахуд* «не уноси».

Начальный звук *а*, во многих глаголах принадлежностью корня первоначально не был. Это префикс, уже окаменевший в данных глаголах. Тот факт, что *а* здесь префикс, подтверждается и тем, что в урахинском, цудахарском и других диалектах при отрицании он принимает ту же самую форму, к которой вообще исторически возводится префикс *а* в даргинском глаголе, т. е. форму *ад* (*ат*, *гыат1*):

адах1аак1вис «не родиться»; *атхлессиз* «не купить».

В даргинском языке различаются две параллельных основы: основа совершенного вида глаголов и основа несовершенного вида.

Основа совершенного вида выражает совершенное, законченное действие или закончившееся состояние; основа несовершенного вида выражает не совершенное, не законченное или повторяющееся действие или состояние. Основа совершенного вида большею частью совпадает с первичной основой; основа же несовершенного вида производится от нее путем внутренней флексии:

Основа совершенного вида

батес «оставить»

бат1ес «обругать»

бацес «вспахать»

Основа несовершенного вида

балтес «оставлять»

бал1тес «ругать»

балцес «вспахивать»;

битес «поколотить»
биклес «выбрать»
бицлес «налить»
белклес «написать»
барес «сделать»
бамсес «устать»
бяхъес «ударить»
бирзес «подойти»
бирбес «сшить»
беркес «покушать, поесть»
бержес «попить»
белцлес «прочитать»

биртес, итес «колотить»;
бирклес «выбирать»;
бирцлес «наливать»;
луклес «писать»;
бирес «делать»;
бумсес «уставать»;
бирхъес «бить, ударять»;
изес «дойти»;
ибес «шить»;
букес «кушать, есть»;
бужес «пить»;
буцлес «читать».

Как видно из примеров, звуки *л* и *р* в отдельности или с чередованием гласных, большею частью образуют основу несовершенного вида.

Выше даны примеры на чередование гласных при образовании несовершенного вида, но встречается, хотя редко, и чередование согласных: *вакI* (*ваклес*) — *ваш* (*вашес*) «итти».

Как видно из примеров, не всегда *р* и *л* дают основу несовершенного вида, *бирз* например, является основой совершенного вида, при основе несовершенного вида *из* «дойти» и др.

Таким образом, основа совершенного вида не всегда является первичной, а наоборот, иногда основа несовершенного вида является первичной: *иклес* «выбрать», *изес* «дойти», *ибес* «шить» дают основы совершенного вида: *биркI*, *бирз*, *бирби* и др.

Есть отдельные глаголы, у которых обе основы по форме совпадают: *бурес* «сказать, сказывать», *укес* «кушать, есть», *ужес* «выпить, пить» и др. Есть также незначительное число глаголов, у которых нет совершенной основы: *узес* «работать», *улхъес* «танцевать».

В то время, как префиксы играют в глагольном словообразовании большую роль, продуктивными суффиксами даргинский глагол не богат; имеются, однако, суффиксы, образующие отглагольные имена и наречия. Отдельно мы остановимся на суффиксе каузатива (понудительного залога).

Как основы совершенного, так и несовершенного вида прибавлением суффикса *ахъ*, *яхъ*, *ехъ* образуют каузативную (понудительную) форму основы:

эс «сказать» — *ахъэс* «заставить сказать»;
гес «дать» — *гахъес* «заставить дать»;
хес «принести» — *хахъес* «заставить принести»;
кес «привести» — *кахъес*; «заставить привести».
лугес «давать» — *лугахъес* «заставить дать»
бихес «носить» — *бихахъес* «заставить носить»
бикес «водить» — *бикахъес* «заставить водить»

бяхъес «ударить» — *бяхъяхъес* «заставить ударить»
белгъес «сеять» — *белглехъес* «заставить посеять»

Можно полагать, что даргинская форма каузатива в прошлом была описательной. Из двух глаголов в этой форме получился один глагол: *лукъес* «писать», *ахъес* «заставить сказать» — вместе дало: *луклахъес*. Две основы *лук* и *ахъ* соединились, из них образовалась составная основа. Вторая основа потеряла свое вещественное значение и превратилась в суффикс.

Отрицательные формы глагола образуются прибавлением отрицательного префикса к положительной основе глагола. Отрицательный префикс в даргинском глаголе стоит перед корнем.

Примеры утвердительных и отрицательных форм глагола с отрицательным префиксом *хле*:

гес — *хлегес* «не дать»;
хес — *хлехес* «не принести»;
кес — *хлекес* «не привести»;
акъес — *ахлекъес* «не родиться, не появиться»;
бакъес — *хлебакъес* «не придти»;
бяхъес — *хлебяхъес* «не сломать».

Примеры повелительных и желательных форм утвердительных и с отрицательным префиксом *ма*:

блячен — *маблячад* «не сломай»;
бебкъаб — *мебебкъаб* «пусть не умрет»;
айзаб — *амайзаб* «пусть не встает»;
касаб — *камасаб* «пусть не берет».

При отрицании основа глагола подвергается некоторым изменениям, а именно:

— классный показатель *в* вместе со следующим гласным выпадает:

вебкъес — *хлебкъес* «не умереть»;
вакъес — *хлекъес* «не придти».

— основа глагола, если в ее составе нет префикса для усиления отрицания повторяется (факультативно):

батес — *хлебатес* и *батхлебатес* «не оставить»;
белкъес — *хлебелкъес* и *белчхлебелкъес* «не прочитать»;
багъес — *хлебагъес* и *багъхлебагъес* «не узнать».

— при основе глагола с префиксом места — отрицание ставится после префикса места:

акъес — *ахъекъес* «не родиться»;
касес — *кахлесес* «не взять»;
сасес — *сахлесес* «не получить»;
чегъес — *чехлегъес* «не надеть».

В мугинском диалекте в таких случаях префикс может быть выпущен:

вакъис — *хлекъис* «не прийти»;
кассис — *хлессис* «не взять»;

При сохранении в мугинском в отрицательной форме префиксов *ка, са, а* — они восстанавливаются в своей полной форме *кат, сат, ат*:

кабихъис — *катхлебихъис* «не положить»;

сассис — *сатхлессис* «не взять»;

ассис — *атхлессис* «не купить».

В урахинском и цудахарском диалектах префиксы *хъа, са, а* также сохраняются с восстановлением полной формы, (урах. *хъад, сад, ад*; цудах. *катI, сатI, атI*), причем в урахинском диалекте префиксы *хъа, са, а* повторяются и после отрицания, но уже в неполной форме:

айзис — *адахIайзис* (урах.)

хъайис — *хъадахIхъайис* (урах.)

сааисс — *садахIсааисс* (урах.)

гъайжиз — *катIгъайжиз*;

кайжиз — *катIкайжиз*;

сассиз — *сатIсассиз*.

Сложные основы глаголов.

В даргинском языке многие глаголы имеют сложные основы, первой частью которых является какое-либо имя, иногда даргинское по происхождению (порою даже ныне уже отдельно неупотребительное), иногда же заимствованное из другого языка (русс., араб., тюрк.).

В даргинском языке есть такие служебные глаголы, которые прибавляются к заимствованным словам и придают им настоящую даргинскую глагольную форму; с другой стороны имеется много основ, которые входят в сочетание с известной группой простых глаголов и образуют сложные глаголы. Таковы многие русские глагольные заимствования:

Организовать-барес «организовать», буквально: организовать — сделать»; *качать-барес*, «качать», буквально: «качать — сделать».

организовать-биэс «организоваться», буквально: «организовать — сделаться».

отказ-изэс «отказаться» буквально «отказ — сделаться».

Такой прием глаголообразования встречается во многих языках (дагестанских, иранских, тюркских и др.).

В таких глаголах мы видим две основы. Одна из них — вторая, является собственно глаголом, который может принимать классные показатели, отрицательные префиксы и префиксы места. Первая же часть может быть именем, наречием или такой основой, которая не употребляется, как отдельное слово в речи; первая часть может быть как мы видели, также русским глаголом в форме инфинитива.

Примеры сложных основ, где первая часть — имя существительное:

пикри «дума, мысль» — *пикрибарес* «думать», *пикриухъес*, *пикришэс* «подумать, задуматься», *пикришклес* «думать»; *ял* «терпение; выдержка» — *ялбуцес* или *ялбарес* «потерпеть, вытерпеть»; *кьас* «намерение» — *кьасбарес* «намереваться».

Примеры глаголов, где первая часть — основа, употребительная только с глаголом:

гьандуцес «терпеть»; *таманбарес* «закончить»; *халабарес* «увеличить»; *цлуббарес* «побелить».

Примеры глаголов, где первая часть — наречие:

дура «наружу» — *дурабитлес* «вынуть»; *бухйна* «внутри» — *бухйнаасес* «внести»; *гьала* «вперед» — *гьалабикес* «опередить»; *гьела* «назад» — *гьелабикес* «отстать» (даем здесь лишь основные значения).

Примеры сложных основ, где первая часть — глагол:

гьайшклес «говорить» — *гьайшклесвахлес* «начать говорить»; *луклесвахлес* «начать писать»; *учлескаэс* «начать читать».

Основы, которые в настоящее время не употребляются как отдельные слова, частью являются заимствованиями из других языков, как: *ахтарди* «проверил», *мисхиллади* «высмеивал»; (кумык.); *отказ, качать* (русс.) частью — словами, ранее употреблявшимися и отдельно. Со временем или само такое слово исчезло из языка, как *гьан* «терпение, воспоминание», или же устарела данная его форма, как *хала*, *бишгла* (*халабаэс* «увеличиться»; *бишглабаэс* «уменьшиться»); *лехл* (*лехлахъес* «послужать»).

Сливаться с простым глаголом и образовать сложный глагол имя может не только в именительном падеже, но и в других падежах:

Примеры такого слияния:

пикришклес «думать»; *гьайшклес* «говорить»; *хъелибаклес* «покрыться кровью» (букв. «кровью придти»); *дягльибяхъес* «проветриться» (букв.: «ветром побиться» — эргат.); *зелабарес* «посолить» (букв.: «соли сделать» — родит.); *сунес барес* «присвоить» (букв.: «себе сделать» — дат.).

Имя, слившееся с глаголом, исторически являлось подлежащим, прямым или косвенным дополнением простого глагола. При слиянии грамматического подлежащего с глаголом логическое подлежащее может ставиться в форме родит. или дат. падежа, а иногда в форме местн. падежа:

дила дукелцидухъун «мне смешно стало» (букв.: «мой смех вышел»);

итала уркелцидухъун «ему жалко стало» (букв.: «его жалость вышла»);

наб децл агиб «мне обидно стало» (буквально: «мне обида попалась»);

наб гьанбикиб «мне вспомнилось», т. е. «я вспомнил»;

набчи буглярагиб «я простудился», (букв.: на меня попал холод).

Классный показатель в глаголах *дукелцидухъун*, *урклецидухъун* согласуется с именной частью *дукелци* «смех», *урклеци* «жалость».

При слиянии прямого объекта с глаголом, глагол становится часто непереходным, но подлежащее остается в эргативном падеже:

Нуни гьандуцира «я выдержал» (*гьан* «терпение»; отдельно не употребляется). Здесь глагол в лице согласуется с подлежащим *нуни* в эргативном падеже, а по классу — с именной частью глагола.

Иногда имя, как объект, сливается с глаголом; глагол остается однако переходным и принимает при себе другой объект в именительном падеже, с которым он и согласуется по классу:

пикрибарес «подумать» (букв.: «думу сделать»; глагол требует при себе прямого объекта, напр. *масъала* «вопрос»), *гъай отказбарес* «отказаться от слова» (букв.: «отказ сделать»); *мас глааббарес* «имущество потребовать» (букв.: «требование сделать»).

Таким образом в даргинском языке мы видим, как спрягаемый глагол может присоединять к себе поясняющие его слова (имена, наречия и т. д.), образуя сложные глаголы. С течением времени слово, входившее в состав глагола в отдельном употреблении может измениться или выйти из употребления как отдельное слово, но в составе глагола оно может сохранить свою форму. В языке таким образом образуются глагольные основы, которые не употребляются отдельно, как имена или наречия. В конце концов эти основы сливаются с глаголом так, что вне глагольной формы они не встречаются, тогда данный глагол как бы перестает быть глаголом, он по существу становится формативом, а именная часть при нем — корнем. И далее, сложный глагол опять может стать как бы простым, и в свою очередь может вступать в сочетание с пояснительными словами, опять может поглощать их и мы получаем таким образом все новые и новые сложные глаголы.

Глагол с префиксом с этой точки зрения — это тот же сложный глагол, первая часть которого — наречие. Все префиксы даргинского глагола в то же время, в том или ином диалекте употребляется и отдельно в значении наречий, или возводятся к таковым.

Из простых глаголов, игравших роль в таких сложениях первое место занимал глагол *эс* «сказать». Такую же роль стали играть и другие глаголы: *барес* «сделать», *бизс* «стать, сделаться», и др., которые в отдельности почти не поддаются переводу.

Приведем примеры (давая здесь этим глаголам лишь самые общие значения):

барес «делать» — *икъалабарес* «помогать» *къайгъибарес* «постараться» (*къайгъи* «забота»); *цлакъбарес* «усилить» (*цлакъ* «сила»);

биэс «делаться» — *ахIбиэс* «улучшиться»; *таманбиэс* «закончиться»;

бикIес «говорить, делать» — *пикришкIес* «думать»;

буцес «держаться» — *ахъбуцес* «поднять»; *гIяшбуцес* «опустить»; *чебуцес* «наставить»; *гIеббуцес* «поддерживать»;

бухъес «вывести, утратить, пройти» — *уркIухъес* «испытаться»; *пикриухъес* «подумать»; *гъайухъес* «поговорить»;

буэс «остаться, разрушиться» — *букъбуэс* «испортиться», *чярхIбухъэс* «выплеснуться»;

бушес «сбросить» — *чебушес* «накинуть»; *убушес* «подостать»; *чеббушес* «выбить»;

бизес «встать» — *тIагбизес* «стоять»; *хIакбизес* «оцепенеть, стоять в недоумении»; *халабизес* «показаться большим»; *ункъбизес* «показаться хорошим, понравиться»;

багIес «закрывать» — *чебагIес* «закупорить», * *дадбагIес* «стоять растопырив ноги»;

бахIес «начать» — *изесбахIес* «заболеть» (произн. *идзес*);

ахъес «ставить» — *хъарахъес* «опереться»; *лехIахъес* «послушать»; *бахIахъес* «выставить»;

бикес «падать» — *къайбикес* «перестать»; *хъарбикес* «стать зависимым»; *уббикес* «отстать»;

аэс «сделаться» — *тIашаэс* «остановиться».

Так как процесс образования сложных глаголов продолжается, то иногда трудно установить, имеем ли мы дело со словосочетанием, состоящим из простого глагола и поясняющего его слова, или со сложным глаголом, так как одно и то же имя или наречие, то употребляется как отдельное слово, то сливается с глаголом:

тап шкодала гъала кабикиб («мяч упал около школы» — *урчи гъалакабикиб* «конь опередил»;

нуни ахIя някъ буцира «я держал руку гостя» — *някъбуцес* «взяться за руку»;

хIева чеб батес «рубашку оставить» (на теле) — *хIева чеббатес* «рубашку снять».

Отличить сложный глагол от сочетания глагола с поясняющим его словом для даргинца нетрудно. Для этого достаточно попробовать прибавить к глаголу перед корнем усиленный префикс *ка*. Если можно его прибавить, то глагол сложный.

Таким образом:

хIерэс «посмотреть» (букв.: «взгляд сделать») — *хIеркаэс*; *лехIахъес* «послушать», (букв.: «ухо повесить») — *лехIакахъес*; *гъалабихъес* «предложить» — *гъалакабихъес*; *гъалабикес* «опередить» — *гъалакабикес*; *къакъIчиликес* «лечь на спину»

— *кэаключикайкес* (*гьала, кэакэличичи* являются составными частями глагола, а не пояснительными словами к глаголам *бихьес* «положить», *бикес* «сделаться»).

Характерной особенностью основы даргинского глагола является и то, что ее можно отделить от окончания, вставляя после основы модальное слово или частицу. Сложная основа отличается тем, что она после вставленного слова не повторяется, а простая основа — повторяется.

вакIра вакIиб гэайра ухэун «пришел и поговорил».

В первом глаголе простая основа (*вакI*) повторяется, а во втором сложная основа (*гэай*) — не повторяется.

Глагольные префиксы.

Здесь мы должны говорить только о тех префиксах глагола, которые не являются классными показателями или отрицательными префиксами, т. е. о префиксах направления и места.

Перечислим префиксы даргинского глагола: *а, ка, кат, катхIел, катхIелбяхI, лаг, лагбяхI; са, сат, сатхIел, сатхIелбяхI; ар, бу; бе; бет, бетхIел, бетхIелбяхI; бат; лу, ля; че, чеб, чеди; чебяхI; у, уди, уб, убяхI; гьа, гьаб; гьала, гьалабяхI; гIе, гIеб, гIела, гIелабах, гIелам; гIер, гIергэи; дура; бухIна; урга, ургар; ургада; ахэ, гIяш; л, т, х, кI.*

Кроме того, эти префиксы употребляются в сочетаниях друг с другом.

Последние четыре названных префикса *л, т, кI, х* встречаются лишь в глаголе-связке и потому, строго говоря, префиксам не являются: *леб* «имеется», *теб* «имеется» (на том же уровне), *клеб* «имеется» (вверху), *хеб* «имеется» (внизу).

Эти же согласные звуки в указательных местоимениях выступают как суффиксы: *ул* «этот» (у второго лица), *ит* «тот» (на том же уровне), *их* «тот внизу», *икI* «тот вверху». Это обстоятельство дает нам возможность предполагать происхождение глагола со значением «имеется» от указательного местоимения с классным показателем, понимать его как бы форму местного падежа: *леб, илеб, илеби*. Можно предполагать два пути такого развития. Один из них — образование этого глагола от глагола *би* «имеется» (без точного указания места) и локализирующего его указательного местоимения. Второй возможный путь — образование этого глагола от указательного местоимения в местном падеже какого-либо глагола; затем форма *илеб (илаб)* «там, у второго лица» приобретает глагольное значение: «имеется (там)» и наконец начальный гласный выпадает, что дает форму *леб*.

Таково, по нашему предположению местоименное происхождение префиксов *л, т, кI, х* и глаголов-связок *леб, теб, клеб, хеб*. В губденском диалекте этих четырех префиксов нет;

в нем для всех значений «имеется» употребляется глагол *леб*. В акушинском и в других диалектах *леб* также употребляется для выражения понятия «имеется вообще» без локального оттенка.

В кайтагском диалекте этих префиксов, повидимому, не было и вместо даргинских *леб*, *теб*, *клеб*, *хеб* там существует один глагол *би* (*б* классный показатель, изменяемый в формах *ри*, *ди*, *ви*).

Даргинские префиксы по значению можно классифицировать следующим образом:

— Префиксы, выражающие направление или место действия относительно горизонта («вверх», «вниз»);

— префиксы, выражающие направление или место действия относительно горизонта и говорящего лица или другого предмета («сюда», «отсюда»);

— префиксы, выражающие направление или место действия относительно предмета («перед», «впереди», «назад», «позади», «над», «наверху», «под», «внизу», «внутри», «снаружи», «посередине»);

— префиксы, выражающие направление действия без отношения к горизонту или к предмету («верх», «вниз»);

— префиксы, выражающие движение в оба конца («вверх-вниз», «туда-сюда»).

Многие из префиксов в настоящее время приобрели отвлеченные значения, подчас далекие от своих основных локальных значений.

Приведем здесь префиксы акушинского наречия, причем дадим основные переводы этих префиксов. Значения глаголов с префиксами мы будем указывать на все, приводя лишь одно более употребительное, основное значение:

а «вверх»: *абацлес* «влезть», *абатес* «посадить вверху», *абухъес* «стремиться вверху», *айзес* (*аизес*) «встать», *абитлес* «вынуть», *атес* «подсадить», *аклес* «родиться, появиться».

ка «вниз»: *кайэс* (*каизэс*) «сесть», *кацлес* «опуститься», *кабатес* «опустить вниз», *кабухъес* «стремиться вниз».

Префикс *ка* в ряде глаголов сохраняя свое локальное значение, приобретает еще значение усилительности. В состав любого сложного глагола или глагола с префиксом можно вставить префикс с усилительным значением: *таманбариб* «закончил» — *таманкабариб* «уже закончил»; *гьалабикиб* «опередил» — *гьалакабикиб* «уже опередил».

Производные от *ка* префиксы *кат*, *катхел*, *катх'елбях!* употребляются лишь с несколькими глаголами: *катухъес* «стремиться вниз», *катх'елликес* или *катх'елвяхликес* «отправиться вниз».

лаг, *лагвях!* «вверх»: *лагизес* «наткнуться», *лагикес* или *лагвяхликес* «отправиться вверх», *лагухъес* «стремиться вверх».

са «сюда»: *сасес* «взять», *сабаэс* «дойти сюда», *сабухэс* «стремиться сюда», *сабатес* «высидеть» (цыпленка).

Производные от *са* префиксы *сат*, *сатхлел*, *сатхлелбяхл* встречаются лишь в двух-трех глаголах.

ар «отсюда»: *арбухес* «унести», *арбукхес* «уйти», *сархес* «выиграть».

бу, *бе*, *бет*, *бетхлел*, *бетхлелбяхл* (б кл. показатель) «туда»: *хес* «принести» — *бухес* «унести», *гес* «дать мне, тебе» — *бедес* (из: *бедгес*) «отдать, дать ему»; *бегухэс* «стремиться туда», *бетхлелбикес* «отправиться туда».

бат «от»: *батбухэс* «развязаться, освободиться», *батаэс* «отпустить» (ср. нареч. *батли* «свободно»).

лу, *ля* «сюда, ко мне, к тебе»: *гес* «дать мне, тебе» — *лугес* «давать мне, тебе», *лявкхяс* «приду сюда, к тебе».

че «на»: *чебихэс* «наложить», *чебатес* «добавить», *чебуцес* «наставить», *чебиэс* «надеть».

че «сверху»: *чеббердес* «снять», *чеббелклес* «переписать», *чеббатес* «скинуть».

чеди «над»: *чедибикес* «победить», *чедиартлес* «покрыть глазурью» (посуду), *чедибухэс* «переправиться».

челяхл «наверх»: *чебяхлбухэс* «влезть на верх», *чебяхлбикес* «дойти до верху».

у «под» (цудах. *гу*): *убихэс* «подложить», *убуцес* «подставить», *убиэс*, «устроить засаду», *убикес* «осесть».

уди «под»: *удибикес* «подпасть», *удиакхес* «подсыпать»;

уб «под»: *уббушес* «выбить» (из под чего-либо), *уббатес* «оставить», *уббухэс* «освободиться».

убяхл «вниз»: *убяхлбухэс* «опуститься», *убяхлбикес* «упасть».

гва «перед»: *гвабихэс* «заслонить, предложить», *гвабуцес* «потянуть», *гвабухэс* «податься вперед».

гваб «спереди, впереди»: *гваббердес* «прорвать», *гваббикес* «прорваться», *гваббухэс* «убежать», *гваббаклес* «зайти, показаться».

гвала «вперед»: *гвалабикес* «опередить», *гвалаэс* «заградить», *гвалабаклес* «заделать».

гвалабяхл «вперед»: *гвалабяхлбиэс* «наладиться».

гле «назад»: *глебяхэс* «накинуть», *глеклес* «закрыть, засунуть».

глеб «сзади»: *глеббердес* «искоренить», *глеббуцес* «поддерживать», *глеббаэс* «догнать».

глела «назад»: *глелабикес* «отстать», *глелабяхэс* «сэкономить».

глелабяхл «назад»: *глелабяхлбизес* «податься назад».

глелам «назад»: *глеламбизес* или *глелабяхлбизес* «разла- диться».

глер «сзади»: *глердарес* «подражать».

г'ергзи «после, сзади»: *г'ергзишхъес* «следовать, побежать следом» (пишется *эргзи*).

дура «наружу»: *дурабухъес* «выйти», *дурлэс* «выпустить, дураесес (*дураасес*) «вынуть».

бух'на «внутри»: *бух'набухъес* «войти», *бух'набикес* «ворваться», *бух'наэс* (*бух'нааэс*) «посадить, загнать».

урга «в середину»: *ургабикес* «попасть в середину»;

ургабухъес «перебить».

ургар «из середины»: *ургарухъес* «освободиться, найти время, удосужиться».

ахъ «верх» (акуш. *глахъ*) *ахъбуцес* «поднять», *ахъбиэс* «подняться».

г'ляш «вниз»: *г'ляшбуцес* «опустить», *г'ляшбиэс* «понизиться, опуститься».

Префиксы по своему составу бывают простые и производные. Последние состоят из двух простых префиксов или из префикса места и классного показателя. Второй префикс может быть повторением первого или противоположным первому по значению. Классный показатель большею частью стоит в конце префикса, а иногда в начале: *чегъес* «сдать» (*че* — простой префикс); *чebbатес* «снять» (одежду) (*чeb* — префикс с кл. показателем в конце); *бетухъес* «стремиться туда» (*бет* — префикс с кл. показателем в начале); *чeb-чebбухъес* «перелиться через край» (повторение префикса *чeb*); *уди-чедибизс* «вернуться вверх дном»; *бет-садбулхъес* «туда-сюда ходить»; *урчebбикес* «собраться»; *ита-ишабикес* «пропасть» (букв.: туда-сюда уйти).

Повторение одного и того же префикса дает то же значение, но с оттенком ослабления или усиления. В акушинском диалекте повторяются лишь те префиксы, которые имеют некоторую самостоятельность.

Префикс в составе глагола занимает то же место по отношению к корню, что и именная часть в сложных глаголах, т. е. он стоит перед отрицанием.

Характерной особенностью даргинских префиксов является то, что любой из них можно отделить от глагола, вставив ту или иную частицу или модальное слово между префиксом и глаголом (если только данный глагол без префикса вообще употребляется). И эта особенность сближает префигированный глагол со сложным глаголом, именную часть которого также всегда можно отделить от простого глагола.

Примеры: *бухес* «понести», *арбухес* «унести» — *ар чина бухеса!* «какое там унес!» (буквально: куда унес!; *ар* — префикс, *чина* «куда», частица *а* в конце слова *бухеса* — вопросительная частица); *асиб* «купил» — *а чина асеса!* «какое там купил!» (т. е. не купил; префикс *а* здесь повторяется, так как данный глагол без префикса не существует); *чeасиб* «взял на себя, обязался», *чeра асиб*, *таманра бариб* «и обязался и

исполнил» (*че* — префикс, *ра* — союзная частица; *таман* — именная часть сложного глагола *таманбариб* «исполнил»).

Как именная часть даргинского глагола, так и большинство префиксов, а именно, те из них, которые в данном диалекте, в таком же виде употребляются и как отдельные слова, в поэзии могут стоять и после глагола: *бухъун гъала*, т. е. *гъалабухъун* «опередил», *бикиб чеди*, т. е. *чедибикиб* «победил».

Эти свойства даргинских префиксов, общие с именными частями глагольного спряжения показывают, что даргинские префиксы еще не окончательно слились с глаголом. Глагол с префиксом — это исторически сложный глагол, первая часть которого когда-то была отдельным наречием. Префиксация сейчас должна рассматриваться как часть продолжающегося процесса слияния пояснительных слов с глаголом. Поэтому можно сказать, что префиксация является в языке категорией развивающейся. Незначительная сравнительно роль префиксов в акушинском диалекте объясняется некоторым недоразвитием его в этой области, в противоположность урахинскому и цудахарскому диалектам.

Инфиксы видовых форм даргинского глагола *р* и *л*, которые теперь нам кажутся вставленными внутрь корня, были конечными звуками прежних префиксов. Потом начало префиксов (*би*, *ба* и др.) окаменело, они перестали изменяться, а звуки *р* и *л* сохранились в середине нового корня как формативы, образующие виды глагола: *бацес* — *балцес* «вспахать — вспахивать», *батес* — *балтес* «оставить — оставлять», *бицлес* — *бирцлес* «наполнить — наполнять», *бицес* — *бирцес* «продать — продавать».

Согласование глагола по классу и по лицу.

Даргинский глагол в составе предложения по классу всегда согласуется с тем именем, которое в предложении стоит в именительном падеже, причем при переходном глаголе это имя будет объектом, а при непереходном — субъектом:

нуни кагъар белкунра «я написал письмо»

нуни кагъурти делкунра «я написал письма»

Патимат раклиб «Патимат пришла»

хленкъ баклиб «стадо пришло»

Что касается связи при деепричастии или причастии в описательных формах переходного глагола, то она может согласоваться по классу или с именительным падежом (объектом), или с эргативным падежом (субъектом):

В урахинском диалекте чаще встречается согласование связи с объектом.

Примеры:

Колхозникунани пергерти гьунарти сархули сари «колхозники добиваются блестящих успехов (*сари* здесь согласовано

с объектом *гьунарти* «подвиги, успехи»; *сархули* — деепричастие от глагола *сархес* «выиграть»).

Лебилра аршикьянабала 90 процентли хІянчила нормаби тамандирули саби «90 процентов жнецов выполняют свои нормы» (*саби* согласовано с эргативным падежом, т. е. с субъектом — *процентли*; *тамандирули* — деепричастие от *тамандирес* «выполнить, закончить»). Из обл. газеты «Колхозное знамя»; 10 августа 1947 года.

хІуни кагъар лукІули виадли, нуни пиж билкъас «если ты пишешь письмо, то я затоплю печку» (*виадли* согласовано по классу с *хІуни*).

С согласованием по лицам дело обстоит иначе. Здесь переходный глагол, при условии, что объектом является 3-ье лицо, а субъектом 1-ое или 2-ое лицо, всегда согласуется с 1-м или со 2-м лицом, стоящим в форме именительного падежа, эргативного или дательного. Если же 1-ое и 2-е лицо при глаголе стоит одно в именительном, а другое — в эргативном или дательном падеже, то глагол по лицу согласуется с именем в именительном падеже.

нуни ит валас «я его знаю» (*валас* по лицу согласовано с эргативным падежом *нуни*).

хІуни ит валад «ты его знаешь» (*валад* согласовано с *хІуни*)

итини ну валара «он меня знает» (*валара* согласовано с *ну*, т. е. с имен. падежом).

итини хІу валари «он тебя знает» (*валари* согласовано с *хІу*, т. е. с именительным падежом),

нуни хІу валари «я тебя знаю» (согласовано с *хІу*, т. е. с имен. падежом).

хІуни ну валара «ты меня знаешь» (согласовано с *ну*)

наб хІу дигулри «я тебя люблю» (согласовано с *хІу*)

хІед ну дигулра «ты меня любишь» (согласовано с *ну*, т. е. с имен. падежом).

наб ит дигулра «я его люблю» (согласовано с *наб*, т. е. с дат. падежом).

итис ну дигулра «он меня любит» (согласовано с *ну*, т. е. с имен. падежом).

Точно также глагол согласуется и во множественном числе.

В учебных грамматиках даргинского языка принято было считать объект (прямое дополнение) второстепенным членом предложения, поясняющим глагол-сказуемое. Но если судить по согласованию глагола с объектом по классу всегда, а по лицу частично, то мы должны признать, что прямой объект при переходном глаголе в даргинском предложении не является подчиненным членом предложения, а наоборот подчиняющим.

Иным является положение субъекта в даргинском предложении. С одной стороны, глагол согласуется с ним лишь по

классу и частично по лицу, с другой стороны, глагол управляет субъектом: в зависимости от залога, переходности или непереходности глагола субъект ставится то в именительном, то в эргативном, то в дательном падеже.

Таким образом субъект и глагол-сказуемое в даргинском предложении взаимно подчинены друг другу. Субъект требует, чтобы глагол был поставлен в том или ином классе, в том или ином лице, а глагол в свою очередь требует, чтобы субъект был поставлен в том или ином падеже. Глагол управляет субъектом и в то же время согласуется с ним. Объект же не обнаруживает никаких свойств подчиненного слова; он всегда стоит в именительном падеже, требует постановки глагола в том или ином классе, в том или ином лице.

Итак, объект в даргинском предложении является таким же главным членом предложения, как и субъект.

Глаголы утверждения и отрицания.

В даргинском языке имеются две пары противоположных по значению глаголов, служащих для выражения утверждения и отрицания: *саби* «есть» и *ахIен* «не есть», *леб* «имеется» и *агара* (усилительная форма *бугагара* с начальным классн. показ.) «не имеется, отсутствует». Первая пара глаголов: *сай* — *ахIен* является связками при именном и наречном сказуемом и без них в отдельности не может выступать в роли сказуемого. Вторая же пара: *леб* — *агара* самостоятельно может служить сказуемым.

Эти четыре глагола в своей основной форме выражают настоящее время и изменяются по лицам:

ну адам сайра «я человек»

хIу адам ахIенри «ты не человек»

ит адам сай «он человек»

ну левра «я присутствую, нахожусь» (здесь)

хIу леври «ты присутствуешь, находишься (здесь)»

ит лев «он присутствует, находится (здесь)»

ну агус «я отсутствую, меня нет».

нуша агехIе «мы отсутствуем, нас нет».

хIу агуд «ты отсутствуешь, тебя нет».

хIуша агудая «вы отсутствуете, вас нет».

ит агара «он отсутствует, его нет».

итти агара «они отсутствуют, их нет».

Для выражения прошедшего времени к глаголам *сай*, *ахIен*, *леб* прибавляется суффикс *ри* (мн. 2-ое лицо *рая*)

ну адам сайри «я был человек»

хIу адам сайри «ты был человек»

итра леври «он тоже присутствовал»

Что касается глагола *агара*, то он изменяется по временам наподобие правильного глагола несовершенного вида:

ну агаси «я отсутствовал, меня не было»
нуша агехлери «мы отсутствовали, нас не было»
хлу агади «ты отсутствовал, тебя не было».
хлуша агадари «вы отсутствовали, вас не было»
ит аги «он отсутствовал, его не было»
итди аги «они отсутствовали, их не было».

Будущего времени эти глаголы не имеют; будущее их образуется от других глаголов: *биэс* «иметься, находиться»; *бетаэс* «становиться» (отрицательные формы *хлебиэс*, *бетхлеэс*).

Утвердительные глаголы *сай* и *леб* изменяются по классам: *сай, саби, сари; лев, леб, лер*. Отрицательные глаголы *ахлен* и *агара* по классам не изменяются.

Отглагольные имена и наречия образуются от формы настоящего времени: *сайни, сабли; ахлини, ахли; лебни, лебли*.

Глагол *агара* отличается от других глаголов тем, что он имеет форму настоящего времени, не похожую на форму других глаголов, и тем, что он имеет для 1 и 2 лица форму будущего времени в значении настоящего и общего времени.

В системе глагола имеются отрицательные частицы или префиксы отрицания: *hle* (*хля*), *ма* (*мя, ме*), в которых гласные чередуются в зависимости от гласного корня.

ма (*мя, ме*) употребляются только при желательных-повелительных формах, при остальных формах употребляется *hle* (*хля*).

Примеры:

мабирид «не делай»,
мякьяд «не приходи»,
вебкмебкляб «пусть не умрет»,
хлякьян «не придет».

Акушинскому отрицательному префиксу *hle* (*хля*) в ураинском соответствует *ахл*. Это показывает, что глагол *ахлен* и префикс *ахл*, а следовательно и *hle* (*хля*) имеют одно происхождение.

Глагол *ахлен* в кубачинском диалекте отсутствует, его заменяет *сай* с отрицанием *а*.

Диалектные разновидности отрицания: *хла* (муиринский диалект), *гля* (цудухарский), *е* (гинтинский), *а* (кубачинский, кайтагский и некоторые другие диалекты).

Глаголы-связки.

В даргинском языке сказуемое главного предложения может быть выражено или глаголом в личной форме или связкой, или заменяющей связку частицей. Сказуемое, выраженное неличной формой глагола или выраженное другой частью речи должно быть связано с подлежащим при помощи связки.

Связка *сай* часто опускается и заменяется окончанием, выражающим время и лицо. Говорят:

ну лявкьули сайра «я иду» и *ну лявкьулра*;
хлу лявкьули сайри «ты идешь» и *хлу лявкьулри*;
ну адам сайра «я человек (есмь)» и *ну адамра*;
хлу адам сайри «ты человек (еси)» и *хлу адамри*;
ну ахлси сайра «я хорош (есмь)» и *ну ах.сира*;

При подлежащем в 3-м лице связка настоящего времени *сай* не опускается.

Окончание *ри* выражает и 2-е лицо наст. времени и прошедшее время всех трех лиц. Поэтому в прошедшем времени при именном и наречном сказуемом лицо не выражается; окончание *ри* указывает на любое из трех лиц:

ну аркьулри «я шел» (*аркьули сайри*)
хлу аркьулри «ты шел»
ит аркьулри «он шел»
ну адамри «я был человек»
хлу адамри «ты был человек»
ит адамри «он был человек»

Полная форма связки: *сай, сайри, сайра* — исторически, повидимому, предшествовала сокращенным формам *ра, ри*. Таким образом, глагольное значение именно связано с элементом *сай* и лишь заимствовано от него частицами *ра, ри*. Поэтому в 3-м лице *сай* одно служит связкой.

ит адам сай «он человек»
ит лявкьули сай «он идет».

Связка *сай* изменяется по классам: *сай* (муж.), *саби, сари*; вместо этих форм встречаются и их сокращения: *саб, сар*.

Связку *сай*, как выражение сказуемости заменяют не только окончание *ра, ри*, ее может заменить и ряд других частиц: вопросительные, союзноусилительные: *гу, ну, кьалли*:

ит чи сай? ХлЯсану? «Кто он? Гасан?» (вопрос. частицы *а, у*)

ит адаму? «Он человек?»

ит лявкьулив? «Он идет?» (вопр. частица *в*)

ил далайгу «ведь это — песня» (*гу* «ведь»)

хларая, либквалину: «смотрите, идет»: (*ну; урах.*)

иш карандаш кьалли «это же карандаш» (*кьалли*)

Вообще связка часто опускается в восклицаниях

хлера, бец! лявкьули! «смотри волк идет!»

Если бы мы считали *ра, ри* глаголами, то нам пришлось бы считать глаголами и все частицы, играющие в том или ином типе предложения роль связки. Элементы — *ра, ри* являются просто окончаниями, выражающими одновременно сказуемость (вместе со связкой *сай* и без нее), время и лицо.

Мы говорили, что при именном и наречном сказуемом в прошедшем времени *ри* лица не выражает. Иначе обстоит дело при глагольном сказуемом; элементы *ра, ри* в его соста-

вѣ играютъ нѣ роль связки, а роль личных окончаний, какъ в настоящемъ времени:

ну вакъира «я пришелъ»

хлу вакъири «ты пришелъ»

хлуша дакъирая «вы пришли»

В акушиноурахинской группѣ диалектовъ эти элементы по лицамъ различны лишь в настоящемъ и прошедшемъ времени. В будущемъ времени в отдельныхъ диалектахъ этой группы факультативно, а в другихъ обязательно, къ окончаниямъ 1-го и 2-го лица прибавляется *ра*:

ну ливкъясра «я приду» (урах.)

хлу ливкъядра «ты придешь»

гьит ливкъян «онъ придетъ».

В цудахарскомъ диалектѣ во всехъ трехъ лицахъ будущего времени появляются окончания *ра* (для 3-го лица), *да* (из *ра*; для 1-го лица) и *де* (из *ри*; для 2-го лица):

ду левгъяд(да) «я приду»

глу левгъяд(де) «ты придешь»

ит левгъя(ра) «онъ придетъ».

Такимъ образомъ, элементы *ра*, *ри* по традиціи появляются и тамъ, гдѣ в нихъ уже нѣтъ надобности. Если в глаголе прошедшаго времени они выражаютъ 1 и 2 лица, то в глаголе будущаго времени лица выражены и безъ нихъ.

Переходность и непереходность глагола.

В даргинскомъ языкѣ различаются глаголы переходные, непереходные и переходно-непереходные. По формѣ переходный глаголъ от непереходнаго в акушинскомъ диалектѣ отличается только в будущемъ категорическомъ времени и в повелительномъ наклоненіи. В остальныхъ временахъ и наклоненіяхъ переходный и непереходный глаголы по своей морфологической формѣ одинаковы.

Переходный глаголъ от непереходнаго в формѣ будущаго категорическаго времени отличается, с одной стороны, субъектно-объектнымъ спряженіемъ, с другой стороны, переходный глаголъ в 3-мъ лицѣ всегда имѣетъ гласный исходъ: *а(я)*, *е* или *у*; а непереходный — согласный исходъ: *ан(ян)*, *ен*, *ар* или *ур*. Что касается 1-го и 2-го лица, то показателями переходности или непереходности глагола здѣсь служатъ гласные *а*, *и*, *у*, которые стоятъ передъ показателями лица *с*, *д* и чередуются в зависимости отъ переходности (*а* или *и*) и непереходности (*у* и в редкихъ случаяхъ *а*) глагола.

Что касается повелительнаго наклоненія, то здѣсь форма глагола зависитъ не только отъ его переходности или непереходности, но и отъ вида глагола: глаголы несовершеннаго вида, здѣсь образуютъ все одинаковую форму, независимо отъ ихъ переходности или непереходности. Такую же форму обра-

зүйлг глаголы, прошедшее категорическое время которых оканчивается на *ун* или *ур*. Форма повелительного наклонения, оканчивающаяся на гласный образуется лишь от глаголов совершенного недлительного вида, прошедшее категорическое время которых оканчивается на *иб* или *уб*.

Ниже мы даем спряжение нескольких глаголов по всем трем лицам в будущем категорическом времени и повелительные наклонения этих же глаголов.

**Переходный глагол, оканчивающийся на гласный а
в 3-м лице буд. катег.**

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
	(в лице согласуется с субъектом)		
Един. число	<i>белхэас</i> «я разрушу»	<i>белхэад</i>	<i>белхэа</i>
Множ. число	<i>белхэхелэ</i>	<i>белхэада(я)</i>	<i>белхэа</i>

(в лице согласуется с объектом)

Един. число	<i>белхэара</i>	<i>белхэари</i>	<i>белхэа</i>
Множ. число	<i>белхэара</i>	<i>белхэара</i>	<i>белхэа</i>
" "	<i>делхэара</i>	<i>делхэара</i>	<i>делхэа (белхэа)</i>

**Переходный глагол, оканчивающийся на гласный у
в 3-м лице буд. катег.**

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
	(в лице согласуется с субъектом)		
Един. число	<i>кайсис</i> «я возьму»	<i>кайсид</i>	<i>кайсу</i>
Множ. число	<i>кайсехелэ</i>	<i>кайсидая</i>	<i>кайсу</i>

(в лице согласуется с объектом)

Един. число	<i>кайсури</i> «меня возьмут»	<i>кайсура</i>	<i>кайсу</i>
Множ. число	<i>кайсура</i>	<i>кайсурая</i>	<i>кайсу</i>

**Непереходный глагол, оканчивающийся на ан
в 3-м лице буд. катег.**

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Един. число	<i>булкIус</i> «я искривлюсь»	<i>булкIуд</i>	<i>булкIан</i>
Множ. число	<i>дулкIехелэ</i>	<i>дулкIудая</i>	<i>булкIан (дулкIан)</i>

**Непереходный глагол, оканчивающийся на *ар*
в 3-м лице буд. катег.**

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Един. число	<i>усус</i> «я буду спать»	<i>усус</i>	<i>усар</i>
Множ. число	<i>дусехе</i>	<i>дусудая</i>	<i>бусар (дусар)</i>

**Непереходный глагол, оканчивающийся на *ур*
в 3-м лице буд. катег.**

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Един. число	<i>иршус</i> «я буду жать» (займусь жатвой)	<i>иршуд</i>	<i>иршур</i>
Множ. число	<i>ирсехе</i>	<i>иршудая</i>	<i>иршур</i>

Последний пример — один из случаев употребления переходного глагола, в качестве непереходного, что часто встречается в даргинском языке.

Повелительное наклонение.

	СОВЕРШ.		НЕСОВЕРШ.	
	Един. число	Множ. число	Един. число	Множ. число
Перех.	<i>бехъа</i> «разрушай»	<i>бехъая</i>	<i>белхъен</i>	<i>белхъеная</i>
	<i>каса</i> «возьми»	<i>касяя</i>	<i>кайсен</i>	<i>кайсеная</i>
	<i>бирша</i> «пожни»	<i>биршая</i>	<i>иршен</i>	<i>иршеная</i>
Непер.	<i>бехъи</i> «разрушись»	<i>дехъирая</i>	<i>белхъен</i>	<i>делхъеная</i>
	<i>балкъан</i> «скривись»	<i>далкъеная</i>	<i>булкъеная</i>	<i>дулкъеная</i>
	<i>усаэн</i> «засни»	<i>дусаэнная</i>	<i>усен</i> «спи»	<i>дусенная</i>
			<i>иршен</i> «жни»	<i>иршеная</i>

Глагол *бахъес* переходно-непереходный; совершенный вид глагола *иршес* «жать» переходный, а несовершенный — переходно-непереходный.

Переходный глагол требует субъекта в эргативном (или реже в дательном) падеже; объект стоит в именит. и (редко) в родит. падеже. Субъект непереходного глагола, как правило, стоит в именит. падеже, но при сложных непереходных глаголах иногда субъект стоит в эргативе:

нуни гъайбарра «я, отправился»
хъуни ахъил гъандуцири «ты хорошо выдержал, вытерпел».

Одни глаголы всегда употребляются как **непереходные**, другие употребляются и как **переходные**, и как **непереходные**.

Непереходные.

ацлес «войти»

усес «спать»

висес «плакать»

улхвес «танцевать».

Переходно-непереходные.

буцес «держат, держаться»

бицлес «наполнить, наполниться»

бахвес «разрушить, разрушиться».

Будущее категорическое таких переходно - непереходных глаголов имеет две формы личных окончаний:

бурцу «удержит» (переходн. значение)

бирцу «наполнит»

белхъа «разрушит»

бурцар «удержится» (непереходн. значение)

бирцур «наполнится»

белхъан «разрушится»

Из любого переходного глагола в даргинском языке можно образовать непереходный глагол, образовав от него формы несовершенного вида. Несовершенный вид от переходного глагола имеет значение или непереходного, или переходно-непереходного:

асес «купить» — *исес* (переходно-непереходный);

бердес «сорвать» — *удес* «срывать» (переходно-непереходный);

беркес «съесть, покушать» — *укес* «кушать» (непереходный)

бержес «выпить» — *ужес* «пить, напиться» (непереходный)

белцлес «почитать» — *бучлес* «читать» (переходный, но: в значении: *учлес* «читать, учиться» — непереходный).

Если глагол может быть переходным и непереходным, то субъектом глагола соответственно может быть как эргативный падеж, так и именит. падеж:

Шара шинни бицуб «озеро наполнилось водой» (*шара* «озеро» — подлежащее, *шинни* «водой» — косвенное дополнение), или: «вода наполнила озеро» (*шинни* — подлежащее, *шара* — прямое дополнение).

Даргинский язык допускает две различных эргативных конструкции, одинаковых по своему значению: 1) конструкцию, где эргатив выражает подлежащее (субъект) действия переходного глагола при объекте в именительном падеже; и 2) конструкцию, где эргативный падеж выражает объект (косвенное дополнение) непереходного глагола при подлежащем (субъекте) в именительном падеже — конструкция, обратная предыдущей.

Русскую фразу «я режу мясо» на даргинский язык свободно можно перевести в двух вариантах: *нуни дигъ кысбирулла*, и: *ну дигъли кысикъулла*. В первом предложении глагол *кысбирулла* — переходный и по классу согласуется с прямым объектом *дигъ* «мясо», во втором предложении глагол *кысикъулла* непереходный и согласуется по классу с подлежащим (субъектом) в именит. падеже: *ну*. (Женщина скажет: *кысрикъулла*, многие «мы» *кысдикъулла*).

Употребление переходного глагола в непереходной длительной форме в виде указанной здесь конструкции для даргинского языка обыкновенное явление. *Нуни къацъ беркунра* «я съел хлеб» — можно выразить так: *ну къацъли укунра* «я наелся хлеба (хлебом).

Нуни шин держира «я выпил воду»
ну шинни ужира «я напился водой» (т. е. напился воды)
нуни газета бучъулла «я читаю газету»
ну газетали учъулла «я нахожусь в процессе чтения газеты».

Переходный глагол даргинского языка, употребляемый непереходно, напоминает иногда возвратный или страдательный глагол русского языка:

нуни табтар бучъулла «я читаю книгу»
ну табталли учъулла «я занят чтением книги»;
нуни шин держира «я выпил воду»
ну шинни ужира «я напился воды»
нуни урчи чебиулла «я вижу лошадь»
урчи чебиур «лошадь видна»
нуни вявла бикъулла «я крик слышу».
вявла бикъур «крик слышится»
наб цшгъуна секъал гъанбиркулла «я такую вещь думаю»
наб цшгъуна секъал гъанбиркур «мне такая вещь думается».

Когда мы говорим: *бадира бицълиб* «ведро наполнилось», подлежащим нужно считать *бадира* «ведро», когда же говорим: *Алини бадира бицълиб* «Али наполнил ведро» подлежащим нужно считать Али. Когда говорим *шара шинни бицълиб* «озеро наполнилось водой» подлежащим может быть *шара* «озеро» и тогда глагол будет в возвратном значении; подлежащим можно здесь считать и *шинни* «водой», тогда глагол будет действительным.

Когда же возвратный даргинский глагол по своей форме отличен от действительного, тогда двоякий грамматический разбор невозможен:

шара шинни бириу (возвр.) «озеро наполнится водой»
(*шара* — подлежащее);
шара шинни бириу (действ.) «вода наполнит озеро»
(*шинни* подлежащее).

В таких фразах как:

дила урши дьвтазив кавшиб «мой сын на войне убит»,
кагъар белкли саби «письмо написано», — подлежащим нужно считать *урши* «сын» и *кагъар* «письмо».

От любого даргинского глагола можно образовать каузатив, или принудительную форму, — разновидность переходного глагола.

Али усаун «Али заснул» — *нуни Али усаухъунра* «я Али усыпил» (убаюкал).

Алици кагъар белклиун «Али написал письмо» — *нуни Алици кагъар белклахъунра* «я заставил Али написать письмо».

При каузативе от непереходного глагола субъект остается в том же именительном падеже, но ставится грамматическим объектом.

При каузативе от переходного глагола непосредственный деятель выражается формой направительного падежа с окончанием *зи*.

Субъект выражающий лицо, понуждающее к действию, при каузативе выражается эргативным падежом.

Наклонения и времена.

Даргинский глагол имеет следующие наклонения: желательное, желательно-повелительное, повелительное, изъявительное, вопросительное, следственное, сослагательное и три условных.

Все эти наклонения имеют положительные и отрицательные (запретительные) формы. Изъявительное, следственное и все три условных наклонения имеют различные временные формы. Вопросительное наклонение, которое выражает вопросительную форму сказуемого, может быть рассматриваемо как разновидность любого из остальных наклонений, могущих выступать в роли сказуемого.

Об инфинитиве мы выше говорили; нам остается здесь говорить о других наклонениях.

Желательное наклонение.

Всякая основа даргинского глагола, взятая в отдельности без добавления каких-либо формативов дает желательное наклонение, выражающее желание или заклинание:

вакI «чтобы пришел!»

алх «чтобы умер!»

ургъ «чтобы жил! чтобы здоровствовал!»

Услар это наклонение называл повелительно-желательным, а Жирков — повелительной формой. Однако, это наклонение не выражает никакого повеления, оно выражает только желание.

Услар приводил пример урахинской фразы: *xlu xвийтагы!* переведенный им так: «превратись в собаку»; это не точно. Точный перевод этой фразы будет: «чтобы ты превратился в собаку!». Как в русском так и в даргинском языке повелительное наклонение вообще можно употреблять в значении желания: *ургыи*: «будь здоров!» *вебкли* «умри!» Что же касается употребления желательного наклонения в значении повеления, приказания, то в даргинском такого употребления не встречается; нельзя сказать *белки* в значении *белклен* «напиши».

Желательное наклонение даргинского языка, как мы видим, отличается от других наклонений отсутствием какого бы то ни было морфологического оформления. Оно является основой (основной формой) даргинского глагола, от которой образуются во всех остальных наклонениях все спрягаемые и неспрягаемые формы глагола.

Желательное наклонение по лицам не изменяется, но по числам изменяется и может склоняться как имя, сохраняя значение желательного наклонения:

сай алх! «чтобы он умер!»

сай жявли вебкли! «чтобы он поскорее умер!»

саби алхари! «чтобы они умерли!»

Показатель множественности *ари*, *яри*, *ери* в других глагольных формах не встречается, но встречается в именах.

Желательная форма встречается сравнительно редко в речи, хотя Жирков ошибочно считал в «Грамматике даргинского языка» (1926 года), что она самая употребительная повелительная форма. Главным образом эта форма встречается в проклятиях и восклицаниях. По своему значению это наклонение аналогично подобной форме кумыкского языка: *гелгир* «чтобы пришел», *кьалгьир* «чтобы остался».

Желательно-повелительное наклонение.

От желательного наклонения образуется желательно-повелительное наклонение. Услар называл его будущим допуском; Жирков — будущим II; нам кажется, что правильнее его назвать так, как мы здесь предлагаем. В отличие от желательного наклонения, формы желательно-повелительного наклонения изменяются по лицам.

НЕПЕРЕХОДН. ГЛАГОЛ.

	Ед.	Множ.
1 л. Соверш.	<i>ваклас</i> «чтобы я пришел».	<i>дакIехIе</i>
Несов.	<i>вашас</i> «чтобы мы ходили»	<i>дашехе</i>
2 л. Соверш.	<i>ваклаби</i>	<i>дакIабая</i>
Несов.	<i>вашаби</i>	<i>дашабая</i>
3 л. Соверш.	<i>вакIаб</i>	<i>бакIаб</i>
Несов.	<i>вашаб</i>	<i>башаб</i>

Ед.

- 1 л. Соверш. *бацас* «чтобы я вспахал»
Несов. *балцас* «чтобы я пахал»
2 л. Соверш. *бацаби*
Несов. *балцаби*
3 л. Соверш. *бацаб*
Несов. *балцаб*

Множ.

- бацехле*
балцехле
бацабая
балцабая
бацаб
балцаб

Форма на *аба* для 1 лица ед. и мн. числа употребляется в отдельных диалектах, хотя ее нет ни в акушинском, ни в урахинском. В этих диалектах 1-е лицо оканчивается иначе и изменяется по числам: *ну ваклас* «чтобы я пришел» (акуш.) *нуша дакলেখле* «чтобы мы пришли».

Для 2-го лица ед. числа тоже имеется другая диалектная форма на *ад*: *хлу ваклад* «чтобы ты пришел» (ср. условн. *вакладли*).

Форма желательного-повелительного наклонения часто встречается между прочим в выражениях поздравлений и благопожеланий:

хлукхули ша вааби! «чтобы ты достиг своего селения веселый!» (говорится уезжающему или находящемуся где-то далеко от родины); *вебкласли, вебклас* «если умру, то пусть умру» (в ответ тому, который говорит «ты умрешь»).

Эта форма употребляется и для выражения предположения: *ит ваклаб ну ваклас — декларси ахлен* «он ли придет, или я — безразлично»; *ит ваклаб, хлу ваклад — се деклардеша?* «какая разница, он ли придет, или ты?».

Множественное число 1-го лица этой формы в урахинском диалекте употребляется в значении так называемой следственной формы. Урахинцы говорят: *ну ваклишав?* я приду ли? (т. е. мне можно или нужно прийти?). Но: *нуша даклахлав* «мы идем ли?» (вместо *нуша даклишав?*).

Таким образом, форма желательного-повелительного наклонения имеет несколько значений, близких к значению будущего времени с тем или иным оттенком.

Повелительное наклонение.

К желательного-повелительному наклонению по своему значению близко стоит повелительное наклонение, которое образуется непосредственно от желательного наклонения (от основы) путём прибавления особых окончаний: *а, а (я); и, ира (я); ен, ена (я); аба (я)*.

бара «сделай», *бара (я)* «сделайте».

багы «узнай», *багыра (я)* «узнайте»

бирен «делай», *бирена (я)* «делайте»

укян «иди», *дукьяна (я)* «идите»

Ну х.уни велклаба «меня ты запиши», *ну хлушани велклаба (я)* «меня вы запишите».

Повелительное наклонение глаголов несовершенного вида всегда оканчивается на *ен* (*ян*): *лук^{ен}* «пиши», *бален* «знай», *уч^{ен}* «учись» и т. д.

На *ен* (*ян*) оканчивается также повелительное от глаголов у которых прошедшее категорическое в 3-м лице кончается на *ун*: *белк^{ун}* «написал» — *белк^{ен}* «напиши», *белч^{ун}* «прочитал» — *белч^{ен}* «прочитай»; *бацун* «вспахал» — *бацен* «вспаши».

На *а* (*я, е*) оканчивается повелительное от таких переходных глаголов, у которых прошедшее категорическое в 3-м лице оканчивается на *иб*:

касиб «взял» — *каса* «возьми»

бариб «сделал» — *бара* «сделай»

буриб «сказал» — *бура* «скажи»

На *и* оканчивается повелительная форма от всех других глаголов:

баг^{ур} «узнал» — *баг^и* (прош. на *ур*)

акл^{уб} «родился» — *акл^и* (прош. на *уб*)

вакл^{иб} «пришел» — *вакл^и*.

Что касается форм повелительного наклонения на *аба*, *абая*, то они, служат для выражения приказа воздействовать на самого приказывающего (ср. форму жел. повел. наклонения на *аба*).

ну х^{луни} велк^{лаба} «меня ты запиши»;

нуша х^{луни} делк^{лаба} «нас ты запиши»;

ну х^{лушани} велк^{лабая} «меня вы запишите»;

нуша х^{лушани} делк^{лабая} «нас вы запишите».

Повелительное наклонение в запретительной форме образуется посредством прибавления запретительного префикса *ма* (*мя, ме*) перед формой будущего категорического 2-го лица, как переходной так и непереходной формы:

лук^{лад} «ты напишешь» — *малук^{лад}* «не пиши»

лук^{луд} — *малук^{луд}*.

Жирков в свое время неправильно считал, что «запрещение выражается посредством специального отрицания *ма* плюс будущее II в любом лице». В действительности же будущее II с отрицанием *ма* — это не запретительная форма повеления, а своего рода отрицательное будущее II. Здесь мы имеем две формы отрицания: отрицательную форму повелительного наклонения и отрицательную форму желательного-повелительного наклонения.

Изъявительное наклонение.

Изъявительное наклонение имеет в даргинском языке много временных форм, как простых, так и сложных описательных. Все эти формы образуются посредством прибавления к основе различных показателей.

В отличие от других наклонений изъявительное наклонение имеет все три времени — прошедшее, настоящее и будущее. Настоящее время выражается при помощи описательных форм, состоящих из деепричастия и вспомогательного глагола. Есть также описательные формы прошедшего и будущего времени.

Изъявительное наклонение во всех временах изменяется по лицам. Все временные формы изъявительного наклонения имеют специальное оформление: показателями прошедшего времени в 3-м лице являются *и, иб, ун, уб, ур*; будущего времени: *а, у, ан, ар, ур*.

Окончания будущего времени различны по переходности или непереходности значения глагола и по тому, согласуется ли глагол в лице с субъектом или с объектом.

Следственное наклонение.

Под следственным наклонением мы подразумеваем форму, которая употребляется для выражения ряда модальных значений. Это наклонение Жирков называл так же, как и мы; Услар называл его «зависимым от условия». Как первое, так и второе названия оправдываются лишь для отдельных случаев употребления этого наклонения в прошедшем времени и частично в будущем; настоящее время от этой формы не образуется.

Общими для всех времён и лиц показателями этого наклонения являются: *иш, ес (эс)*.

Ну ваклиши (цуд. *вачлинди*) «я пришёл бы», «допустим, что я пришёл бы»;

хлу ваклиши «ты пришёл бы», «допустим, что ты пришёл бы»;

ит ваклиши «он пришёл бы», «допустим, что он, пришёл бы» (множ. число как ед.)

ну ваклиша (цуд. *вачлида*) «может быть, я приду», «в таком случае я приду»;

хлу ваклиши (цуд. *вачлиди*)

ит ваклес (цуд. *вачлиз*)

нуша даклиша

хлуша даклиша(я)

итди баклес

Белики, ну усули вишиа? «может быть, я сплую?»

Как видно, эта форма по лицам изменяется только в будущем времени, по числу изменяется лишь 2-е лицо будущего времени.

Эта форма в 3-м лице внешне совпадает с инфинитивом. Формы на *иша, иши* легко возводятся исторически к форме 3-го лица на *ес (эс)*: *ваклиша* из *ваклица*; *ваклиши* из *ваклицы*.

С другой стороны, это наклонение по смыслу связано с желательного-повелительным наклонением — эти формы взаимно дополняют друг друга. Когда нужно спросить, можно ли (или нужно ли) придти, то в даргинском языке употребляется именно это наклонение, при чем в 3-м лице форма на *эс* заменяется формой на *аб* (жел.-пов. накл.):

ну вакIшав? «придти ли мне?»

нуша дакIшав? «придти ли нам?»

ит. вакIлабу? «придти ли ему?»

В отдельных диалектах (губденский и др.) последняя форма будет *вакIесу*. В урахинском диалекте множ. число *дакIшав* отсутствует, его заменяет жел.-повел. наклонение. Урахинцы говорят: *нуша даклахIав?*

Таким образом, желат.-повелит. наклонение и следственное наклонение — и по смыслу и по форме тесно между собою связываются.

Для выражения значения русского сослагательного наклонения в даргинском языке есть еще одна форма несовершенного вида, совпадающая с прошедшим временем этого вида.

Следств. сослаг.

1 л. *баласи* «я узнал бы, знал бы»; *вашаси* «ходил бы»

2 л. *балади* «ты узнал бы, знал бы», *вашади* «ты ходил бы»

3 л. *бали* «он узнал бы, знал бы» — *ваши* «он ходил бы»

Прош. несоверш.

баласи «я знал, знавал» — *вашаси* «я ходил, хаживал»

балади «ты знал, знавал» — *вашади* «ты ходил»

бали «знал» — *ваши* «ходил».

В урахинском диалекте форма 1-го лица этого времени образуется с окончанием *ира*:

ну лукIира «я писал», *нуни кайсира* «я брал» и т. д.

Условное наклонение.

Мы видели, что все формы условного наклонения, за исключением сослагательного (прош. несов.), образуются непосредственно от основы. Условные наклонения, образуются от желательного-повелительного наклонения.

Ед. число

белкIасли «если напишу»

лукIасли «если буду писать»

белкIадали «если напишешь»

лукIадали «если будешь писать»

Множ. число

белкIелIелли

лукIелIелли

белкIадалли

лукIадалли

белкIалли «если напишет»

лукIалли «если будет писать»

белкIас(ли)ри «если бы я написал»

лукIасри «если бы я писал»

белкIадри «если бы ты написал»

лукIадри «если ты бы писал»

лукIад(ли)ри «если бы он написал»

лукIал(ли)ри «если бы он писал»

белкIас(ли)ра «хотя я и написал»

лукIас(ли)ра «хотя я и писал»

белкIад(ли)ра «хотя ты и написал»

лукIад(ли)ра «хотя ты и будешь писать»

белкIал(ли)ра «хотя он и написал»

лукIаллира «хотя он и написал»

(как ед. ч.)

белкIехIел(ли)ри

лукIехIел(ли)ри

белкIадал(ли)ри

лукIадал(ли)ри

(как ед. ч.)

белкIехIел(ли)ра

лукIехIели(ли)ра

белкIадал(ли)ра

лукIадал(ли)ра

(как ед. ч.)

Диалектные разновидности:

ну вакIас (вакIасли) (гапшим.)

хIу вакIад (вакIадли)

ит вакIар (вакIалли) и т. д.

ду вакIанне «если я приду» (цудах.)

эт вакIанне «если он придет»

ду вакIалле «если я приду» (бутр.)

ит вакIалле «если он придет»

вакIарле «если он придет» (усиш.)

бахарла «если он узнает»

белкIанне «если он напишет»

нуша дакIахIаали «если мы придем» (урах.)

хIуша дакIадаали «если вы придете».

гьит вакIаали «если он придет».

Образование условного наклонения от жел.-повел. наклонения в 1-м и 2-м лицах не нуждается в объяснениях. Что касается 3-го лица, то здесь форма условного наклонения образуется от ныне неупотребительной формы на *ар*, *ан*. Это видно из диалектных примеров: *ит вакIар*, *вакIарле*, *бахарле*, *белкIанне*, *вакIанне*.

В диалектах, где чередуется *ар* и *ан*, в усиш. диалекте, отношение их чередования такое же, как и у инфинитива на *ара*, *ана*.

Следовательно, акушинские формы происходят:

белкIалли из *белкIарли*;

багьарли из *багьаллири*, *багьарлири*;

багьалра из *багьаллира*, *багьарлира*.

В акушинском диалекте *р* уподобился согласному *л*, а в урахинском он выпал, но долгота гласного перед ним компенсирует его. То же самое нужно сказать насчет двух *л* в акушинском диалекте в окончаниях мн. числа *хIелли*, *далли*:

белкIехIелли из *белкIехIерли* (*белкIехIерали*);

белкIадалли из *белкIадарли* (*белкIадарали*).

Такие первоначальные исходные формы в даргинских диалектах существуют. В мюрегинском диалекте после личного окончания буд. времени мы имеем добавленным и окончание *pa*: *лъявсра* «я приду», *лъяхIра* «мы придем» (в бутринском вместо *p* мы наблюдаем *b*: *лядкьяхIеба* «придем», *лукIехIеба* «мы напишем, что дает нам возможность сказать, что *p* и *b* в личных окончаниях здесь как бы эквивалентны).

В цудахарском диалекте 1-е лицо по форме, как видим, совпадает с 3-м лицом. Это можно объяснить образованием и 1-го лица в этом диалекте от формы на *p* (*n*) или *pa* (*na*).

В акушинском и урахинском диалектах будущее категорическое в 1-м и 2-м лицах имеет для субъекта и объекта различные окончания. В урахинском диалекте формы условного наклонения также имеют эти две разновидности окончаний.

Приведем примеры из урахинского диалекта:

ну хIуни вакъарали «если меня ты сделаешь» (окончание *ара* согласуется с объектом 1 л. *ну* «я»)

хIу нуни вакъарили «если тебя я сделаю» (окончание *ари* согласуется с объектом 2 л. *хIу* «ты»)

гыт нуни вакъасли «если его я сделаю» (оконч. *эс* согласуется с субъектом 1 л. *нуни* «я»)

гыт хIуни вакъадли «если его ты сделаешь» (оконч. *ад* согласуется с субъектом 2 л. *хIуни* «ты»).

Во второй разновидности условного наклонения *ри* является показателем прошедшего времени, в третьей разновидности *ра* — союзной частицей. Эти разновидности условного наклонения у Услара называются: 1) условным настоящим и будущим (*асли*, *адли*, *алли*); 2) условным предполагаемым (*аслири*, *адлири*, *аллири*) и 3) условным допускаемым (*аслира*, *адлира*, *аллира*). Жирков называет их иначе: условным, условным прошедшим и уступительным.

Как видно из примеров, приведенных нами выше и из примеров, приводимых Усларом, условное на *ли* всегда выражает действие, происходящее в будущем. Только глагол *виэс* «сделаться», «становиться» в форме условного наклонения употребляется как в значении будущего, так и в значении настоящего. При помощи этого глагола образуются описательные условные формы настоящего времени от остальных глаголов:

оакIили виасли «если я уже пришел»

лякьюли виалли «если он идет».

Условное выражает действие, которое, если произойдет, повлечет за собой какое-то другое действие:

ахIси бархIи бакIалли, *вацIализи аркьехIе* «если хороший день придет, в лес пойдем». Условное наклонение в этом предложении служит сказуемым условного придаточного предложения.

Второе условное (*лири* «если бы») выражает какое-нибудь не происшедшее действие, являющееся условием другого действия, которое тоже не совершилось, так как первое не произошло. Это наклонение выражает как действие не происшедшее в прошлом, так и действие на которое в будущем не рассчитывают или имеют мало надежды:

ишбархи хлуни итичи кагъар белкладри, итини хела мурад бири, «если бы сегодня ты ему письмо написал, он твое желание исполнил бы».

Как даргинское второе условное соответствует русской форме с союзом «если бы», так и третье условное совпадает с русской формой в сочетании с союзом «хотя». Это наклонение и второе условное наклонение выражают действие предполагаемое (или допускаемое) не только в прошлом, но и в настоящем и будущем.

Выражение вопроса.

Для выражения вопроса в даргинском языке к концу глагола-сказуемого прибавляется вопросительная частица. Такими частицами являются *у* (после согласного) и *в* (после гласного):

лукла «напишет» — *луклав* «напишет ли?»

луклад «напишешь» — *лукладу?* «напишешь ли?»

арякун «ушел» — *арякуну?* «ушел ли?»

саби «есть» — *се сабив?* «что есть?», т. е. «что такое?»

луклахъу «он заставит писать» — *се луклахъув?* «что он заставит писать?»

При наличии в предложении вопросительного слова (местоимения или наречия) после согласного ставится частица *а*, причем не обязательна, но возможна после нее частица *в*:

чина арякун(а)в? «куда ушел?»

леб «имеется» — *се леба(в)?* «что есть?»

Когда с вопросом обращаются к нескольким лицам, прибавляется *я(в)*:

агара «нет» — *агарав?* «нет ли?»

се сабияв? «что есть?», т. е. «что такое?»

Таким образом, вопросительная форма глагола в акушинском диалекте выражает число тех, к кому обращен вопрос.

В урахинском диалекте при наличии в предложении вопросительного слова прибавляется *а*, «причем»:

а даёт *а*

иа даёт *е*

уа даёт *ва* (с лабиализацией согласного)

либ — *каниб либа?* «где есть?»

ахлукла «не напишет» — *сен ахлукла?* «почему не напишет?»

си сабе? «что есть?»

бикъу «сделает» — *сен ахлбикъва?* «почему не сделает?»

В мугинском диалекте такой вопрос оформляется недолгим *a* только после согласного, причем как после вопросительного *a*, так и после гласного основы прибавляется *я* факультативно:

кинаб леба(я)? «где есть?»

си саби(я)? «что есть?»

сен хлеху(я)? «почему не принесет?» (*хлеху* «не принесет»).

В цудахарском диалекте вопрос выражается частицами *ай*, *уй*, *эй* и *м*.

В даргинском языке для выражения вопроса употребляются также междометия *гьу?* (с неясно произносимым *у*), *я?* *ягь?* Можно полагать, что вопросительные частицы в конце глагола происходят от этих частиц (*гьу* дало *у*; после гласного *у* дало *в*): *лукла, гьу?* «Напишет, а? *луклау — луклав; чина арякьун, я?* «куда ушел, а?»

Для выражения вопроса с оттенком недоумения употребляется *ра*, *ара*:

аги «не было» — *агира?* «не было ли?»

леб «имеется» — *лебара?* «есть ли?».

Для выражения недоумения большею частью в придаточном предложении и для выражения зависимого вопроса прибавляется *л*, *ал* (в цудахарском диалекте *лле*): *багьи, гьари, Али хлехлибал* «ну-ка узнай, не пришел ли Али»
хьтайглив чилра агарал? «нет ли дома кого?»

Вопросительный суффикс, как было сказано выше, заменяет собою связку. При вопросительной форме глагола положительная связка *сай* не обязательна: *лявкьули сай* «идет» *лявкьуливе?* «идет ли?»

Нужно указать также на то, что при образовании вопросительной формы глагола ударение с первого слова часто переходит на второй от начала слова:

сай — *саю'?*

леб — *лебу'?*

ахлен — *ахле'ну?*

ваклиб — *вакли'бу?*

багьур — *багьу'ру?* и т. д.

Времена глагола.

Даргинский глагол в основном имеет три времени: прошедшее, настоящее и будущее (общее). Лишь в кубачинском диалекте, и кое-где еще, для общего времени имеется форма отличная от будущего: *билгяд* «краду» — общее со значением «я (по профессии) ворую», или «я вор» *билгила* «украду» — будущее. В других диалектах одна и та же форма употребляется и для будущего и для общего времени: *итини билгя* «он украдет, будет красть» и «он ворует» (общее).

Как в русском языке настоящее время употребляется в роли общего времени, так и будущее в даргинском языке употребляется двояко: как действие, происходящее в будущем и как действие, которое происходит вообще или в настоящее время. Русские фразы «не знаю», «он знает» и т. п. на даргинский язык можно перевести в зависимости от контекста двояко — формой будущего времени: *«хлебалас»*, *«итини бала»* и формой настоящего времени: *балули ахIенра*, *итини балули сай*.

Как мы говорили выше, из наклонений даргинского глагола формы всех трех времен имеет лишь изъявительное наклонение. Так называемое зависимое от условия или следственное имеет только формы прошедшего и будущего; настоящее время от этой формы не образуется. Это наклонение как в прошедшем, так и в будущем имеет оба вида — совершенный и несовершенный: *белкIиши* «написал бы», *лукIиши* «писал бы»; *белкIиша* «пусть я напишу», *лукIиша* «пусть я пишу, буду писать».

Изъявительное наклонение, как мы говорили, в прошедшем имеет два вида, причем по форме несовершенный вид совпадает с сослагательным наклонением (прошедшим несоверш. временем). От совершенного вида настоящее время не образуется. Будущее совершенного вида совпадает с несовершенным.

Примеры: *белкIун* «он написал», *лукIи* «он писал» и «он писал бы, написал бы»; *лукIули сай* «он пишет»; *лукIа* «он будет писать, напишет»; *лукIар* «будет писать, т. е. займется письмом»; *вакIиб* «он пришел»; *ваши* «он ходил» и «ходил бы», *лявкьули сай* «он идет», *лявкьян* «он придет»; *вашар* «он будет ходить»; *касиб* «он взял», *кайси* «брал» и «взял бы, брал бы»; *кайсули сай* «он берет»; *кайсу* «возьмет» и «будет брать»; *арбухиб* «он унес», *арбихи* «он уносил» и «уносил бы», *архули сай* «уносит»; *арху* «унесет», *арбиху* «унесет»; *хиб* «он принес», *бихи* «он носил, приносил» и «приносил бы, носил бы»; *багьур* «он узнал», *бали* «он знал, узнавал» и «узнал бы, знал бы»; *балули сай* «знает», *бала* «узнает, будет знать, знает».

В то время, как вид различается в основе глагола, а наклонение в окончаниях, категория времени различается и по основе и по окончаниям, в образовании временных форм принимают участие и основа и окончание. Это видно из приведенных выше примеров. Категория времени таким образом в даргинском языке переплетается с категорией вида и наклонения. Прошедшее несовершенное является как бы «будущим в прошедшем». Будущее — настоящее и прошедшее категорическое образуется от основы совершенного вида:

бацун «он вспахал»
бегIун «он посеял»

балцули сай «он пашет»

белгүли сай «он сеет»

балци «он пахал» и «пахал бы, вспахал бы»

белгү «он сеял» и «сеял бы, посеял бы»

балца «он вспашет» и «пашет»

белге «он посеет» и «сеет» (е вместо а в положении после согласного гл).

Перейдем к описанию всех форм времен в отдельности. Начнем с прошедшего времени.

Прошедшее время.

По своему образованию в даргинском языке формы прошедшего времени бывают простые и сложные, описательные, состоящие из деепричастия или причастия с вспомогательным глаголом. При этом возможно даже соединение двух различных деепричастий или деепричастия и причастия.

Простая форма состоит лишь из одного глагола — простого или сложного:

вакIиб «он пришел»,

вакIиши «он пришел бы»,

таманбиуб «закончено»

вакIили сай «пришедши есть» — он здесь; «оказывается, он пришел», *вакIибси сай* «приходивший есть» — он пришел; *вакIибси сайри* «приходивший был» — он приходил; *вакIеси сайри* «он придти должен был»;

ну хъайгIив агархIели, ил вакIили кали сай «когда меня дома не было — он, оказывается, пришел».

Как простые формы прошедш. времени, так и сложные, могут быть образованы от глаголов совершенного и несовершенного вида. По оттенкам значений все разновидности прошедшего времени различны, хотя сейчас говорящими даргинцами не всегда осознаются эти оттенки значений.

Одну из существующих в системе спряжения двух простых форм мы называем прошедшим категорическим изъявительного наклонения, другое — следственно-возможным.

Прошедшее категорическое.

Категорическим прошедшим мы называем ту форму прошедшего времени, которая выражает действие, имевшее место в прошедшем времени, передаваемое говорящим, как очевидцем или как факт, объективность которого не подлежит сомнению. Таким прошедшим в даргинском языке является форма, которую мы получаем прибавлением к одной из основ глагола (совершенного или несовершенного вида) в 3-м лице ед. числа окончаний: *и, иб, уб, ун, ур; кайси*, «брал», *лукIи* «писал», *бали* «знал», *касиб* «взял», *вакIиб* «пришел», *акIуб* «возник, явился», *бехъуб* «разрушил», *бацун* «вспахал», *усаун*

«заснул», *багьур* «узнал» и др. Окончание *и* прибавляется ко всем глаголам несовершенного вида.

В цудахарском диалекте окончание прош. вр. несовершенного вида *-ини*; в урахинском оно (как и совершенного вида) *иб*, для всех глаголов: *луклини* (цудах.), *луклиб* (урах.) вместо акушинского *лукли* «писал».

Остальные четыре окончания (*иб*, *уб*, *ун*, *ур*) являются окончаниями прош. времени глаголов совершенного вида. Ни семантически, ни фонетически до сих пор не выяснены принципы распределения глаголов по этим четырем окончаниям. В любом залоге глагол может принимать любое из этих окончаний: *ваиб* «достиг» (непереходный), *кабихьиб* «положил» (переходный), *ваахьиб* «заставил достичь», *кабихьахьиб* «заставил положить» (каузативы).

За небольшими исключениями во всех диалектах все глаголы имеют одни и те же окончания прошедш. времени. Примером исключения может служить глагол *аклуб*, «он родился, появился», который в урахинском диалекте в этом времени оканчивается на *ун* (*аклун*). Не во всех диалектах встречается окончание *уб*; в урахинском этого окончания нет. Глаголы, которые оканчиваются в акушин. на *уб* — в урахинском оканчиваются на *иб* (*яб*) или (редко) на *ун*.

Акушин.

бехьуб

беруб

бигуб

биуб

игьуб

Урахин.

бяхьвиб «разрушился, рассыпался на части»

бирьвиб «высох»

бигвиб «сгорел»

биб «стал, совершился»

ирьвиб «бросил»

Мы сказали, что дать правило для применения окончаний прошедшего категорического пока не удастся. Можно сказать лишь то, что из этих окончаний чаще всего встречаются *иб* и *ун*, а *уб* и *ур* встречаются редко. Глаголы, в основе которых содержится *л*, оканчиваются большей частью на *ун*; но не все глаголы, которые оканчиваются на *ун*, имеют в основе *л*: *белкун* «написал», «бацун» (несов. *балуц*), *ческун* «прилип»; *беркун*, *бергун* «покушал, съел» (последние три без *л* в основе). И наоборот, есть глаголы с *л* в основе, которые дают другое окончание: *баклиб* «пришел» (несов. *лябкь*), *гиб* «дал» (сов. луг), *аклуб* (несов. *алкл*, в урахинском *аклун*), *бегьуб* «потратил» (несов. *белгь*), *бехьуб* «разрушил» (несов. *белхь*), и некоторые другие.

Жирков формы 3-го лица прош. времени называл деепричастиями. Это было вызвано у него недоразумением, возникшим благодаря неправильному убеждению в существовании «единственного глагола» в даргинском языке.

В школьной грамматике для удобства принято говорить, что: *и, иб, уб, ун* и *ур* — являются окончаниями 3-го лица. Но быть показателями исключительно 3-го лица они не могут, так как они сохраняются и в 1, 2 лицах; 3-е лицо этого времени специального показателя не имеет, иначе говоря, отсутствие показателей 1 и 2 лица является показателем 3-го лица «нулевой» показатель.

В окончании *иб* в 1 и 2 лицах *и* перед деепричастием на *ли, ла* выпадает. В цудахарской группе диалектов оно сохраняется: *вачлибда, ваклибда*.

Характерно, что *б* в окончании *уб*¹ не выпадает, да и в окончании *иб* оно не выпадает в сочетаниях с другим окончанием: *ваклибхлели* «когда пришел»; *ваклибси*, «пришедший» и т. п., оно выпадает лишь перед *р* и *л*.

Окончания прошедшего категорического в 1 и 3 лицах для обоих чисел одинаковы. Во втором лице множественное число принимает окончание *ира* (как в 1 лице) или *ирая*. Что касается прошедшего несовершенного, то оно изменяется и по числам и по лицам.

Примеры:

Совершенное:

ед. ч.	мн. ч.
1 л. <i>ну ваклира</i> «я пришел» <i>нуни багьурра</i> «я узнал»	<i>нуша даклира</i> <i>нушани багьурра</i>
2 л. <i>хлу ваклири</i> «ты пришел» <i>хлуни багьурри</i> «ты узнал»	<i>хлуша даклира(я)</i> <i>хлушани багьурра(я)</i>
3 л. <i>ит ваклиб</i> «он пришел» <i>итини багьур</i> «он узнал»	<i>итди баклиб</i> <i>итдани багьур</i>

Несовершенное:

1 л. <i>ну вашаси</i> «я ходил» <i>нуни баласи</i> «я знавал»	<i>нуша дашехлери</i> <i>нушани балехлери</i>
2 л. <i>хлу вашади</i> «ты ходил» <i>хлуни балади</i> «ты знавал»	<i>хлуша дашадари</i> <i>хлушани баладари</i>
3 л. <i>ит ваши</i> «он ходил» <i>итини бали</i> «он знавал»	<i>итди баши</i> <i>итдани бали</i>

Акушинский диалект здесь отличается от урахинского, цудахарского и большинства других диалектов наличием особого окончания несовершенного прошедш. в 1-м лице ед. ч. В других диалектах мы видим одинаковые окончания в формах прошедшего как несовершенного, так и совершенного вида. Приведем примеры из мугинского диалекта:

- 1 л. *ну вашира, нуша дашира* (вместо акушинского *вашаси, дашехлери*; ср. совершенные: *ваклира, даклира*);
нуни балира, нушали балира (вместо акуш. *баласи, балехлери*; ср. *балира* для обоих чисел).

¹ В губденском диалекте *б* и здесь выпадает, говорят: *ну аклүра* (акуш. *аклүбра*) «я родился», *хлу аклүра* «ты родился».

2 л. *хлу ваклатти, вашатти* (акуш. *вакӀири, вашади*), *хлуша даклатта, дашатта* (я) (акуш. *дакӀира* (я), *дашадари*); *хлуни багъатти, балатти* (акуш. *багъурри, балади*); *хлушали багъатта* (я), *балатта* (я) (акуш. *балада* (я), *баладари*).

Не мешает напомнить о том, что употребление несовершенного прошедшего не всегда совпадает с употреблением русского прошедш. несовершенного вида. Иногда русское прошедшее несовершенного вида на даргинский язык переводится совершенным. Приведем примеры:

«Ты читал эту газету?» — *хлуни иш газета белчӀунрив?* (или: *белчӀири?*).

«Нет, не читал» — *юх, хӀебелчӀунра* (или: *юх, белчӀи ахӀенра*; то-есть ожидается, что он прочитает, но он еще не читал);

«Почему не читал?» — *сен хӀебелчӀунри?* (или: *сен хӀебелчӀири?*)

«Я сегодня не обедал» — *ну ишбархӀи хӀерейс хӀевкунра*, или: *уки ахӀенра* (также);

«Ты завтракал?» — *хлу савли укунрив? укирив?*

«Нет, не завтракал» — *юх, хӀевкунра*, или: *уки ахӀенра*.

Вышеуказанные фразы можно перевести и несовершенным видом, но только в другом контексте. Возьмем такую фразу: когда ты жил в Дагестане, ты читал эту газету (положим) «Дагправду»? Здесь речь идет не об одном номере, а о серии номеров той или иной газеты. Тогда нужно перевести так: *Дагъистайзив вирухӀели, хлуни иш газета бучӀадив?* (несов.) или описательно: *бучӀули вирадив?* (буквально: читая был? *бучӀули* — деепричастие несоверш. вида).

«Нет не читал» — *юх, хӀебучӀаси*; или: *бучӀули хӀейраси*.

«Почему не читал?» — *сен хӀебучӀади?*

«В дни путешествия мы завтракали и ужинали, но не обедали» — *путешествиела бурхӀназир нуша савлира бархӀехӀра дукехӀери, амма хӀерейс хӀевкехӀери* (*дукехӀери, хӀевкехӀери* — формы несовершенного вида).

В этих примерах несовершенный вид выражает повторяемость, многократность действия. Несовершенное прошедшее употребляется и для выражения длительности действия:

«что ты делал вчера?» — *даг хлу сели виркӀади?* (несов.).

«Читал» — *учӀаси*, или описательно: *учӀули калунра* (букв.; читая остался).

«Нет, ты вчера не читал, а гулял» — *юх, хлу даг учӀхӀевчӀадину, умхӀяди* (*учхӀевчӀади* — несов. отрицательн. от *учӀес* «читать», *ну* — союзная частица).

В этих примерах формы несовершенного вида выражают длительность действия.

Употребление даргинского прошедш. категорического вместо русского несовершенного преобладает в отрицательных формах.

не слышал — *хлебакыра*,
не видел — *чехлебаира*,
не ходил — *хлякунра*,
не писал — *хлебелкунра*,
не спал — *ухлеунра*.

Эти и другие подобные глагольные формы могут быть переведены и несовершенным видом, смотря по тому, в каком контексте они встречаются.

Прошедшее обусловленное

Прошедшее обусловленное по лицам не изменяется. Здесь для всех трех лиц мы имеем одну форму — *иши*:

нуни белкшиши «я написал бы»,
хлуни белкшиши «ты написал бы»,
итини белкшиши «он написал бы»,
ну лукшиши «я писал бы»,
хлу лукшиши «ты писал бы»,
ит лукшиши «он писал бы».

В цудахарском диалекте этой форме соответствует форма с окончанием *инди*: *белкшинди* «написал бы», *лукшинди* «писал бы».

Эта форма выражает действие или состояние, которое должно было бы произойти как результат другого действия или состояния, но не произошло ввиду того, что не произошло второе действие или состояние. По своему значению это почти тоже самое, что и сослагательное наклонение:

хлу вакшиши виадри, нура вакшиши «если бы ты пришел, то пришел бы и я». Здесь говорящий не говорит о том, что он пришел бы непременно в случае прихода второго, но выражает обусловленность своего прихода приходом второго лица. Если мы заменим форму *вакшиши* формой *лявкьяси*, то здесь говорящий утверждает, что он пришел бы категорически, если бы пришел тот, к которому обращена речь.

Эта форма большей частью употребляется там, где отсутствием второго факта хотят доказать отсутствие первого: *сунес дигули виалри, вакшиши* «если бы он хотел, то пришел бы», но он не пришел, следовательно он не хотел.

Как мы увидели, значение следственной формы в будущем времени отличается от ее значения в прошедшем.

Сложные формы прошедшего времени.

Сложные формы прошедшего времени образуются посредством присоединения вспомогательного глагола к причастной, деепричастной или инфинитивной форме, причем возможна комбинация и причастия и деепричастия, двух деепричастий и т. д.

В этих формах также, как и в формах настоящего времени, вспомогательный глагол может быть опущен с заменой его

личным окончанием, связкой, вопросительной частицей, или без замены (при восклицании). В 1 и 2 лице вспомогательный глагол в большинстве случаев опускается.

Эти сложные формы не что иное, как сказуемые с глагольной связкой, служащие для выражения того или иного оттенка смысла. Когда мы говорим *вакIили*, мы выражаем чей-то приход не основной формой, а деепричастной; когда же говорим *вакIилри*, мы факт «прихода» выражаем как сказуемое: «*вакIили*» является деепричастной формой вообще, а «*вакIилри*» формой деепричастного сказуемого.

Здесь надо сказать о различных формах причастных и деепричастных сказуемых, выражающих оттенки прошедш. времени.

Приведем эти формы:

Причастные:

ну вакIибсира или *вакIибси сайра* «пришедший (есмь)»;
xIу вакIибсири или *вакIибси сайри* «ты пришедший (еси)»;

ит вакIибси сай «он пришедший есть».

В урахинском диалекте этим формам соответствуют: *вакIибилла*, *вакIибилли*, *вакIибил сай* (урах. *ил* соответствует акуш. *си*).

Эта форма у Услара не была отмечена. Ее можно назвать настоящим-прошедшим временем (перфект). Эта форма обозначает действие, результат которого существует в настоящее время, часто говорящий этой формой выражает факт не как очевидец, а как узнавший о нем из другого источника.

Ну вакIибсири или *вакIибси сайри* «я пришедший был»;

xIу вакIибсири или *вакIибси сайри* «ты пришедший был»;

ит вакIибсири или *вакIибси сайри* «он пришедший был».

В урахинском этой форме соответствует: *вакIибилли*, причем эта форма по лицам не изменяется; в третьем лице здесь можно опустить связку *сай*. У Услара эта форма называлась давнопрошедшей (плюсквамперфект).

Ну вакIесири или *вакIеси сайри* «мне следовало придти»;

xIу вакIесири или *вакIеси сайри* «тебе следовало придти»;

ит вакIесири или *вакIеси сайри* «ему следовало придти».

Данной формы прошедшего времени у Услара нет. В урахинском диалекте эта форма имеет смысловой оттенок упрека: *вакIисилли* «пришел бы, почему не пришел».

Деепричастные:

— *Ну вакIилра* или *вакIили сайра* «я уже пришел», «я здесь»;

хлу ваклири или *ваклили сайри* «ты уже пришел»;
ит ваклили сай «он уже пришел».

Услар эту форму называл прошедшей несовершенной, Жирков — аористом;

— *Ну ваклири* или *ваклили сайри* «я тогда, к тому времени, пришел»;

хлу ваклири или *ваклили сайри* «ты тогда пришел»;
ит ваклири или *ваклили сайри* «он тогда пришел».

Услар эту форму называл «прошедшим упреждающим». Она, как видно из примеров, не изменяется по лицам;

— *Ну ваклеслири* или *ваклесли сайри* «было так, что можно было ожидать мой приход».

Аргэличи хлерикларри, заб дареслири «если смотреть на погоду, было похоже, что дождь пойдет».

От причастия и деепричастия при помощи вспомогательного глагола (*вири* «был», *калун* «остался» и др.) можно образовать еще описательные формы:

ну вашуси вираси «я ходящий был», *вашули вираси* «я ходил»; *убклули хлихли(ла) калун* «умирая чуть остался», т. е. «чуть не умер».

При помощи вспомогательных глаголов *сай*, *ахлен* два деепричастия или причастие и деепричастие образуют другую описательную форму:

лявкбули кали сай «шел, приходил, оказывается»; (он намеревался придти или собирался, но не удалось, не пришел; он находился на пути, но с ним случилось что-то);

лявкбуси уили сай «должен был или надо было придти» (но не пришел);

ваклес дигули кали сай «оказывается, он хотел придти», и др.

В описательных формах с вопросительным глаголом возможны два варианта отрицания: 1) положительная основная форма, затем отрицательный глагол *ахлен*; 2) отрицательная основная форма, затем положительный глагол-связка *сай*:

ваклибси ахлен «не приходил», *вакхлеклибси сай* «не приходил».

Такие же два варианта возможны в настоящем и будущем времени.

Настоящее время.

Настоящее время образуется посредством прибавления к деепричастию несовершенного вида вспомогательных глаголов *сай*, *ахлен*, причем в 1-м и 2-м лице *сай* опускается, заменяясь личным окончанием:

- *ну лявкбулра* «я иду» (или *лявкбули сайра*)
- хлу лявкбулри* «ты идешь» (*лявкбули сайри*)
- ит лявкбули сай* «он идет».

— *Ну хлякбулра* «я не иду» (*хлякбули сайра*), *лякбули ахленра* «я не иду».

Хлу хлякбулри «ты не идешь» (*хлякбули сайри*), *лякбули ахленри* «ты не идешь».

Настоящее время даргинского языка в своем значении не отличается от русского, хотя в значении общего времени оно не употребляется. Такую фразу как «коров доят» на даргинский язык следует переводить формой будущего времени.

Будущее время.

Будущее категорическое время образуется прибавлением к несовершенной основе того или иного личного окончания, причем, как мы уже знаем, 3-е лицо здесь имеет два варианта окончаний — окончания переходного глагола *а*, *у* и окончания непереходного *ан*, *ар*, *ур*.

— *Итини бала* «он будет-знать, узнает»

итини кайсу «он возьмет»

ит лякбан «он придет»

ит ваиар «он будет ходить»

бедира бириГур «ведро наполнится водой».

— *нуни ит валас* «я его узнаю»

итини ну валара «он меня узнает»

хлуни ит валад «ты его узнаешь»

итини хлу валари «он тебя узнает».

Существуют, как мы говорили, и еще формы, выражающие будущее. Одна из них так называемая следственная, о которой была речь в разделе наклонений:

ну ваклиша, нуша даклиша;

хлу ваклиши, хлуша даклишая;

ит ваклес, итди баклес.

Другие две формы — описательные. Одна из них образуется от инфинитива с суффиксом прилагательного *си*, с прибавлением вспомогательного глагола или его замены:

ну ваклесира «я должен придти»

хлу ваклесири

ит ваклеси сай.

Другая форма — это причастие будущего или общего времени с вспомогательным глаголом. Значение его такое же:

ну лякбусира «я должен придти»

хлу лякбусири «ты должен придти»

ит лякбуси сай «он должен придти».

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ.

Среди таких форм различаются две категории: неоформленные и оформленные суффиксами. В акушинском и многих других диалектах слова эти оформляются посредством сле-

циальных суффиксов. Но в цудахарском, мугинском и некоторых других диалектах, они иногда оформляются одним лишь ударением — перемещением ударения с основы на формальную часть слова — на суффикс.

Неоформленное отглагольное существительное равно чистой основе глагола, а неоформленные причастие и деепричастие равны форме 3-го лица прошедшего категорического времени совершенного вида или форме 3-го лица будущего категорического несовершенного вида.

Неоформленные причастие и деепричастие, которые часто, почти параллельно с оформленными, употребляются в цудахарском и в кайтагском диалекте и внешне совпадают с личной формой глагола, можно считать более древними образованиями, чем причастие и деепричастие с отличным от личной формы глагола, оформлением.

Характерной особенностью регулярно образуемых отглагольных существительных, причастий и деепричастий даргинского языка является то, что они наравне с глаголами, от которых они образуются, управляют падежами (т. е. при них имена ставятся в таких же падежах, в каких ставятся они при данных глаголах).

Отглагольные имена и деепричастия образуются или непосредственно от чистой основы или от формы 3-го лица прошедшего категорического или будущего категорического на *y*. Кроме того, причастие и деепричастие образуется также и от формы инфинитива.

Отглагольные существительные.

Основа даргинского глагола сама по себе может выступать как имя. Многие основы (желательное наклон.) употребляются и как существительные; они выступают в роли подлежащего, прямого дополнения, они склоняются на равных правах с другими именами.

белкI «чтобы написал» и «письмо, писание»

белчI «чтобы почитал» и «чтение, учение»

баркь «чтобы сделал» и «дело, действие».

Любая основа даргинского глагола в пожеланиях и заклинаниях употребляется в роли существительного.

иш давла маг хьуливли

мавшуд хьалла бахIли (Батирай) «когда этот, чтоб ему добра не было, дома, не показывайся на краю дома» (*маг* — заклинание от *гес* «дать», *ма* запретительный префикс; *маг* значит букв.: «чтоб ему не было дано»);

чинава иш хьали буъ? «где этот, чтобы дом его загорелся?»

Формы *маг* и *буъ* в этих фразах употреблены в роли существительного и грамматически являются подлежащими.

Среди суффиксов, образующих отглагольные существительные, самым употребительным является *ни*. К любой глагольной основе можно прибавить *ни* и образовать имя действия:

белкI — *белкIни* «написание, грамотность»;

белчI — *белчIни* «чтение, прочтение»;

багъ — *багъни* «значение, узнавание»;

аргъ — *аргъни* «понимание»;

леб — *лебни* «существование, наличие».

В мугинском и некоторых других диалектах различаются две разновидности отглагольного существительного на *ни*: с ударением на основе и с ударением на самом суффиксе *ни* — *бе'лкIни*, *белкIни*; *ди'гъни*, *дигъни*; *бе'лчIни*, *белчIни*. Отглагольное существительное с ударением на основе является более отвлеченным, как бы более далеким от глагола. Оно не управляет падежами наравне с глаголом, в то время, когда отглагольное с ударением на суффиксе управляет падежами как глагол: *бе'лкI* «запись, письмо», *белкIни* «написанное (кем-либо что-либо)».

В цудахарском диалекте параллельно с *ни*, или даже чаще, употребляется суффикс *ри*, ныне в акушинском и урахинском диалектах окаменевший.

Суффикс *деи* к основам глагола не прибавляется, но прибавляется к причастиям и их основам. Он является преимущественно именным суффиксом, образующим отвлеченное имя со значением действия или состояния; исключение составляют «глаголы состояния»: *леб*, *сай*, *ахлен*, *агара*; *лебдеи* «существование, имущество», *агардеи* «отсутствие», *сабдеи*, *ахлендеи*.

Редко употребляются суффиксы *ала* и *ил* (он же является и суффиксом прилагательного). Отглагольное имя на *ил* Услар считал причастием: *нуни хлу ваклибил хлебагъурра* «я не знал, что ты пришел»

бур — *бурала*, «сказание, предание, пословица»,

аргъ — *аргъала* «понимание, сознание».

Остальные суффиксы: *ри* (в акуш. и урач. диалектах), *уди*, *ари* окаменели; они встречаются лишь в немногих глаголах.

Даргинское отглагольное существительное на *ни* в своей синтаксической роли сильно отличается от существительного с нулевым суффиксом и с суффиксами, уже окаменевшими. Последние отглагольные имена не могут управлять падежами, какими управляют данные глаголы и не допускают при себе субъекта в именит. или эргативном падеже. Что же касается отглагольного имени на *ни*, то оно наравне с глаголом управляет всеми падежами, которыми управляет глагол и требует субъекта в именит. или эргативном падеже; однако, иногда субъект ставится и в родит. падеже. Таким образом отглагольное имя на *ни* от других форм глагола отличается тем, что по лицам оно не изменяется, но склоняется по падежам;

от существительного же оно отличается своими синтаксическими свойствами, совпадающими со свойствами глагола.

В этом заключается существенное различие даргинского отглагольного имени на *ни* от русского. Даргинское отглагольное имя в своей синтаксической роли соответствует русскому дополнительному придаточному предложению с союзом «что»:

ну вакни ахиси бетаур «хорошо, что я пришел»;
хуни урчи асни нуни багьурра «я узнал, что ты купил лошадь».

Причастие.

По своей форме причастие в даргинском языке не отличается от прилагательного. Все те суффиксы, которые образуют прилагательное, могут также образовать и причастие.

Прибавлением суффикса *си* (мн. ч. *ти*) к форме 3-го лица прошедшего времени мы получим причастие прошедшего времени:

ваклуб — *ваклубси* «пришедший; тот, кто пришел»;
багьур — *багьурси* «узнавший; узнанный»;
аклуб — *аклубси* «родившийся, рожденный»;
вякьун — *вякьунси* «посетивший; посещенный».

Прибавлением суффикса *уси* (мн. ч. *ути*) к основе несовершенного вида мы получим причастие «общего» времени:

ваш — *вашуси* «ходящий»; тот, кто ходит; тот, к которому ходят»;

бал — *балуси* «знающий»; тот кто знает; узнаваемый; тот, которого знаю»;

алкл — *алклуси* «то, что рождается».

Прибавлением суффикса *си* (мн. ч. *ти*) или (редко) *ил* к инфинитиву мы получим причастие долженствовательное; названное Усларом будущим:

ваклес — *ваклеси* (пишется и произносится с одним *с* — *ваклеси*) «тот, кто должен придти: то место куда нужно придти»;

багьес — *багьеси* «то, что нужно узнать, тот, который должен узнать»;

аклес — *аклеси* «то, что должно возникнуть»

белкес — *белкеси* «то, что нужно написать; тот, кто должен написать».

Прибавлением к основе несовершенного вида суффикса *ан* (*чи, ен*) мы получим причастие общего времени, которое выражает занятие, профессию:

лукл — *луклан* «писарь, пишущий; тот, который занимается писанием; то, чем пишут, где пишут, и т. п.»

урчл — *урчлан* «чтец».

Акушинскому *си* (мн. ч. *ти*) в урахинском соответствует *ил*, (мн. ч. *ти*), а в причастии общего времени параллельно с ним употребляется *ани* (*яни*, *ени*), *багырил*, *аклубил*, *ваклибил*; *балани*, *луклани*; *балул*, *луклул*.

В цудахарском диалекте параллельно с суффиксом *се* (мн. ч. *те*) употребляется и суффикс *ай* (*яй*): *балхунсе* — *балхай*, *гяклубсе* — *гяклай*, *вачлубсе* — *ваклай*, (но: *бахисе*, *гячлвесе*, *вачлесе* — должностное прилагательное).

В цудахарском диалекте, как мы говорили, нередко встречаются причастия (в поэзии и деепричастия), не оформленные суффиксами. Они по форме от глагола отличаются лишь местом ударения:

- адим ва'члиб* «человек пришел»;
- вачли'б адим* «пришедший человек»;
- адимли ба'хур* «человек узнал»;
- баху'р адим* «узнавший человек»;
- дам дила урици и'кку* «я люблю своего сына»;
- икку' урици* «любимый сын»;
- гя'йкку* «не любит»;
- гяйкку' душман* «ненавистный враг».

Ударение в формах причастия стоит здесь на последнем слоге. Такие причастия встречаются в идиоматических фразах и в устной поэзии:

даркы'б дял (муг.) «искусственное лицо» (в смысле «щеголиха»).

Цунтлайзи иргвиб ургюн «как стрела, брошенная в Цунту» (т. е. в страну цезов, дидойцев);

луклули дилкун хлубар «писанием исписанные глаза»;

лусули дилсун нудбар «плетением сплетенные брови»;

дурхайли дихьиб дига «с детства завязавшаяся любовь».

Даргинское причастие не различает залогов. Одна и та же форма употребляется и в роли действительного и в роли страдательного залога русского языка:

ну аклубси дус «год, в котором я родился, год моего рождения»;

нуни белкунси кагъар «письмо, написанное мною»;

набчи ваклибси адам «человек, который пришел ко мне»;

ну валути адамти «люди, которые знают меня».

Причастие своим классным показателем согласуется с именит. падежом; стоящим в предложении, а своим окончанием (*си*, *ти*) оно согласуется по числу со словом, им определяемым:

В кубачинском классные показатели стоят и в начале и в конце причастия и прилагательного.

Существует одна сравнительно редкая глагольная форма на *ари* (*яри*, *ери*), которая употребляется со значением «столько чтобы...»

баари кагъар биха «дай достаточно бумаги» (от базэ «хватить»);

ши кагъар баари леб «этой бумаги достаточно».

Деепричастие.

Даргинский язык богат деепричастными формами. По способу образования они распадаются на две категории: простые деепричастия, образованные при помощи суффиксов, и деепричастия, образованные прибавлением послелогов.

Процесс превращения послелогов в окончания деепричастий продолжается, и часть этих послелогов находится на полпути этого развития. Тем не менее, мы имеем и такие формы, относительно которых нет сомнения, и которые мы без колебания можем причислить к окончаниям или к послелогам.

Перечислим эти окончания и послелогические формы с примерами:

-ли, ули: *вакӀили* «приходя», *вашули* «идя», *учӀули* «читая», *багӀулли* «узнав», *балули* «зная, узнавая»; *багӀесли* «так, чтобы можно было узнать»;

-и: *белкӀи* «написав», *белчӀи* «почитав», *баци* «вспахав»;

-ла, -ула: *вакӀила*, *вакӀибла* «с тех пор, как пришел», *багӀулла* «с тех пор, как узнал», *вашула* «с тех пор, как стал ходить», *батулла* «с тех пор, как покинул»;

-айчи (яйчи, ейчи): *вакӀайчи* «до тех пор, пока не пришел», *багӀайчи* «до тех пор, пока не узнал», *бахӀайчи* «до тех пор, пока не ударил», *бегӀейчи* «до тех пор, пока не посеял»;

-на (наб, набад; б кл. пок.): *вашна* «туда, куда ходил», *чебиъна* «туда, где видно»; *вашнав* «там, где ходил», *вашнавад* «по тому пути, по которому ходил; откуда ходил»;

-хли, -Ӏхли (*хлиб*, *хлибад*): *касабихӀи* «туда, откуда взял» (*касеӀ* «взять»), *вакӀибихӀи* «туда, куда пришел», *вашуӀхли* «туда, где ходит»; *касибихӀиб* «там, где взял», *вакӀибихӀивад* «оттуда, откуда пришел»;

-кад, -укад: *вакӀибкад* «по тому пути, по которому пришел», *аркъукад* «по тому пути, по которому идет; на ходу»;

-глев: *вакӀибглев* «по ту сторону, откуда пришел»; *балуглеб* «так, как знает»; *аарглеб* «хотя нет»;

-мад (мадан, маданал): *вакӀибмад* «как только пришел», *бигӀурмад* (ан, анал) «как только узнал»;

-хлелц (хлелила, хлейс, хлейчивадал): *вакӀибхӀели* «когда пришел», *вакӀибхӀелила* (*вакӀибхӀелла*) «с того времени, когда пришел», *вакӀибхӀейс* «ко времени прихода», *вакӀибхӀейчишидал* «еще с тех пор, как пришел»;

-кѳи, укѳи: *вакӀибкѳи* «хотя пришел», *балукѳи* «хотя знает»;

ѳѳали: *вакӀилихӀѳали* «хотя пришел».

Гласный *у* перед суффиксами *ли, ла, кад, кѳи* и согласный *й* перед *хли* исторически не являются принадлежностью суффиксов.

Окончания *-ли* и *-и*, образующие деепричастия не что иное, как окончания эргативного падежа. Вместо акушинского *и* в урахинском мы имеем *й*. Это окончание (*и*), которое прибавляется к основе глагола, имеющего прошедшее категорическое на *ун*, возводится к *ли*:

вякбун-ли дает: *вякбунни, вякбуй, вякби*.

В положении между двумя гласными группа *ни* выпадает.

Причастие в форме эргативного падежа, как видно, приобрело наречное значение. Мы знаем, что эргативный падеж в даргинском языке имеет много значений, в том числе значение причины, средства действия и т. д.

-ла тоже является падежным окончанием; в цудахарском диалекте *ла* является окончанием исходных падежей соответствующим акушино-урахинскому *ад*: *итала* «оттуда», *хѳулила* «из комнаты, из дома». Отсюда значение, указывающее время начала действия: *ваклила* «с прихода» т. е. «с тех пор, как пришел».

Окончания *-на* и *айчи* являются окончаниями направит. падежей: *на, хли, айчи*; местных: *наб, хлиб*; исходных: *набад, хлибад*.

Деепричастие на *айчи* образуется от формы инфинитива, которая в настоящее время не употребляется в акушинском диалекте, на *ара, ана*: *ваклайчи* из: *ваклараличи, вакларличи, ваклалличи, ваклаши, ваклайчи*. Этой акушинской форме в цудахарском диалекте соответствует *ара*: *ваклара, белклара* «до прихода, до написания», в урахинском — *араши*: *ваклараши, билкларашаши*.

Мы видели, что *кад, мад, глев* употребляются и как префиксы и как наречия.

Послелог или окончание *хлели*, повидимому, происходит от слова *хлял* «время, положение», которое употребляется и как отдельное слово: *иш хляйзиб* «в настоящее время» (*хляйзиб* — местн. падеж от *хлял*).

Отсюда видно, что деепричастие в даргинском языке — это в сущности причастие в косвенных падежах (эргатив, местные падежи), или причастие в именит. падеже с послелогом.

Деепричастие на *-ли, -ули* мы называем общим, так как оно употребляется в различных значениях, в то время, когда другие деепричастия употребляются лишь в одном ему присущем значении. Это деепричастие выражает и образ, и причину и цель действия и др. П р и м е р ы:

вашули ваклара «идя пришел», т. е. «пришел пешком» (образ действия);

аргвесли гѳайиклен «понятно говори»;

хлу хлякьули гьаваклубсири «так как ты не пришел (я) пришел к тебе»; *хлу дигули ваклира* «тебя любя, я пришел» (причина);

хзули аркьяс или дуравхъунра «домой пойду сказав, (я) вышел» (цель);

ваклили арякьун «приходив ушел», т. е. «пришел и ушел» («союз»);

Деепричастие на *ли (и)* в предложении может быть сказуемым как придаточного предложения, так и самостоятельного вопросительного и восклицательного предложения, оно может быть частью составного сказуемого с вспомогательным глаголом *сай, ахлен* и т. п., может быть косвенным дополнением в роли русского творительного падежа и инфинитива:

адам хъайгив агалли, ну киноличи укьес бетхлеур «человека дома не имея, мне в кино пойти не удалось (*агалли* — сказуемое придаточного предложения причины);

хлу льякьурив? «идешь ли ты?» (*лякьули-рив*)

хлера, бец! льякьули! «смотри, волк идет!»

дудеш льякьули сай «отец идя есть», «отец идет».

арши диришили тамандиуб «жатва (сжавши) закончилась»;

кзукъубиклухлели, ургьули ахлси бивар «когда гром гремит, хорошо чтоб дождь пошел».

Временными являются причастия на *ла, ула, айчи, мад, хлели*. Из них: *ла, ула* указывает на начало действия и продолжительность его; — *айчи* указывает на продолжительность действия и конец его: — *мад (мадан, маданал)* указывает на немедленное начало действия; *хлели* — на время действия, «когда...»

Примеры:

ну иша ваклила заб дарили ахлен «с тех пор, как я пришел сюда, дождя не было»;

ну ваклайчи, иша кайи «пока я не приду, садись здесь»;

шаллабуубмад дяв вяшбухъун «как только рассвело, бой начался»;

забли ургьухлели, ну шинкьалав сайри «когда шел дождь, я был на мельнице».

НАРЕЧИЕ.

Наречия даргинского языка исторически не что иное, как имена в том или ином падеже: именит., эргативном, родительном, дательном, или в одном из местных падежей со служебным словом или частицей. Тем не менее между именем и наречием имеется существенная разница, заключающаяся в том, что в отличие от имени наречие не может быть определяемым и склоняется частично, т. е. бывает не во всех падежах. Кроме того, в то время, как именит. падеж имени отвечает на

вопросы: *чи* «кто?»; *се* «что?» — исходная форма наречий отвечает на вопросы: *мурт* «когда?»; *чина* «куда?»; *секьяйда* «как?». Имя может быть подлежащим, прямым или косвенным дополнением, а наречие — не может.

Имеются наречия, которые встречаются как в форме именит. падежа, так и в форме косвенных падежей: *даг* «вчера», *дагла* (родит.) «вчерашний» *дагличи бикайчи* (местн.) «до вчерашнего дня» (букв.: «до вчера», *дагличибад бехлбихьили* (местн.) «начиная со вчерашнего дня» (букв.: «со вчера»); *жагьял* «завтра», *жагьяйс* (дат.) «на завтра», *жагьяйчи бикайчи* (местн.) «до завтрашнего дня» (букв.: «до завтра»).

Имеются наречия, которые встречаются лишь в форме косвенных падежей, что же касается формы именит. падежа, то она уже в роли наречия не встречается, а встречается лишь в роли аффикса; например: *гьала* (направ. пад. от *гьа* «вперед, впереди»; ср. форму направ. п. *кьакьала* «на улицу»); *гьаб* (местн. п. от *гьа*, кл. показ.) «впереди».

Наречия места и частью наречия времени большею частью встречаются во всех трех местных падежах: направ., местн. и исходном; эти три падежа в наречиях образуются при помощи тех же показателей, которые мы имеем в местных падежах имен:

Направ.	Местн.	Исходн.
<i>гьала</i> «вперед, около»	<i>гьалаб</i> «впереди, раньше, в прошлом»	<i>гьалабад</i> «спереди»
<i>урга</i> «между, в середине»	<i>ургаб</i> «в середине»	<i>ургабад</i> «из середины»
<i>гьела</i> «назад»	<i>гьелаб</i> «позади»	<i>гьелабад</i> «сзади»

Такие наречия в форме именительного падежа не встречаются; их исходной формой является направит. падеж, от которого регулярно образуются местн. и исходн. падежи. Эти наречия семантически характеризуются тем, что они большею частью показывают место, и частично время, относительно другого предмета или времени:

- школала гьала* «перед школой» (направ.)
- школала гьалаб* «около школы» (местн.)
- школала гьалабад* «мимо школы» (исходн.)
- хъа гьела* «за дом»
- хъа гьелаб* «за домом»
- хъа гьелабад* «из-за дома» и др.

Такие наречия могут показывать место или время и вообще, т. е. как бы безотносительно к тому или иному предмету:
нуша гьалар сарра «мы впереди»

гъалаб вайтла бири «раньше (в прошлом) было плохо» и т. д.

Но в этих случаях, в сущности, подразумевается предмет или момент, относительно которого наречие показывает место или время.

Возникает вопрос — как рассматривать в школьном преподавании такие формы наречий, как *гъала, гъалаб, гъалабад*? Являются ли они местными падежами от единой формы именит. падежа *гъа*, ныне неупотребительного, и мы имеем здесь дело с одним наречием в различных падежах или же они все являются самостоятельными наречиями, произведенными от *гъа*?

Такие наречия в своих грамматических значениях ничем не отличаются от местных падежей имен (о том, что они вообще семантически отличаются от имен, сказано выше) и их формы совпадают с формами местных падежей. Ввиду такого совпадения, при морфологическом разборе, в частности тогда, когда учащемуся дается задание выделить окончания, он выделяет и эти суффиксы наречий, и преподавателю бывает очень трудно объяснить, почему они не являются окончаниями, тогда, как например: в слове *къакъала* «на улицу», *къакъалаб, къакъалабад* они — окончания. Преподавателю остается лишь один ответ, он говорит, что *гъала, гъалаб, гъалабад* — наречия, а наречия окончаний не имеют, окончания могут иметь лишь имена и глаголы. На вопрос о том, почему они не имена, а наречия, можно ответить тем, что их исходная форма отвечает на вопрос наречия «куда?»; в то время, как исходная форма имени (именит. падеж) отвечает на вопрос «кто?» или «что?». Имя может быть и с окончанием и без окончания, что же касается наречий типа *урга* «в середину», *дура* «наружу», *бухна* «внутри», *гъала* «вперед», которые без показателей направ. падежа *а, ла* и т. п. не встречаются, нужно ответить, что эти показатели «окаменели» (в отличие от показателей местн. и исходн. падежей этих же наречий). Такое объяснение, естественно, не всегда удовлетворяет учащегося, ибо встречаются и такие наречия, основа которых (форма именит. падежа) совпадает с тем или иным именем: *дила мякъла* «около меня» (*мякъ* «бок, основа»), *дила шулгли* «около меня» (*шулгли* направ. п. от *шали* «бок»).

Мы не можем отрицать того факта, что наречия вообще имеют частичное склонение. Они могут быть: в эргативном падеже: *хлерели* «днем», *дугели* «ночью», *жявли* «рано», *къанми* «поздно», *саглатли* «в час, за один час, в течение одного часа», *дусли* «в один год, в течение одного года»; или в родит. падеже: *дагла* «вчерашний», *савлила* «утренний», *бахъхлила* «длинный», «старинный»; или в дательном падеже: *клина* «длинды» *клинайс* во второй раз, потом; *гтур* «после»,

«еще» *гIурлис* «на следующий раз»; или, наконец, в местных падежах.

Таким образом, склонение наречий в даргинском языке явление обыкновенное, почти все наречия частично склоняются. Эта особенность даргинских наречий сближает их с именами, показывает их именное происхождение; их можно называть именами с частичным склонением.

Застывшие формы направ. падежа считать за падеж и выделять *ла* как окончание, по нашему мнению, не следует, это явление в языке историческое. По форме же *гьалаб*, *гьалабад*, *гIелаб*, *гIелабад* и т. п. следовало бы считать за падежи от наречий *гьала*, *гIела*; и в школьных грамматиках нужно говорить о частичном склонении наречий, давая образцы их склонения.

Наречия образа действия не склоняются, так как они в своей основной форме исторически являются эргативными падежами. Количественное наречие может принимать окончание *ли*, *и* — причем тогда получается новое наречие со значением «за столько-то раз, в такой-то раз»: *гьачамли* «одним разом», *кIинали* «в два раза» и т. д. Количественные наречия в дательном падеже дают значение: *гьачамлис* «пока», *кIинайс* «потом, во второй раз», *хIяйнайс* «в третий раз».

Местная форма количественного наречия дает другое наречное значение: «больше (или меньше), чем столько-раз»: *гьачамличиб имцIали ахли* «не больше, чем один раз», *кIиналичиб камли* «меньше, чем два раза» и т. д.

Наречия времени встречаются в родит., дательном и во всех местных падежах: *даг* «вчера» — *дагла* «вчерашний», *жагIял* «завтра» — *жагIяйс* «на завтрашний день»; *мурт* «когда» — *муртлис* «к какому времени»; *дагличи бакайчи* «до вчерашнего дня»; *дагличиб ишбархIи буцIалли саби* «сегодня жарче, чем вчера», *дагличибад бехIбихьили* «начиная со вчерашнего дня» и т. д.

Наречия места, как мы видели, встречаются в трех падежах. Часть местных наречий в своей основной форме является эргативами, но и они принимают формы местн. и исходн. падежей. Исключение составляют наречия места, приводимые нами ниже, которые никакой падежной формы не принимают.

Наречия подразделяются на качественные, наречия образа действия или состояния, которые иногда употребляются и в роли наречий цели или причины, количественные («сколько раз?, по сколько»), наречия времени и наречия места. Наречия места в свою очередь подразделяются на наречия со значениями исхода, покоя, удаления и направления. Что касается наречий времени, то они также подразделяются, и значения: «с тех пор», «до таких-то пор» выражаются или описательно, или же путем образования соответствующего местного падежа (направ. или исходн.) от соответствующего имени или наре-

тия. В наречиях времени мы имеем другого порядка деление: наречия со значением «в продолжение такого-то времени», наречия со значением «в такое-то время»: *дуги* «в прошлую ночь», *сагIятли* «за один час, в течение одного часа».

Наречия образа действия и качественные наречия по своей форме одинаковы: это — имя в эргативном падеже. Все наречия этого типа являются производными, они могут быть образованы от всех тех слов и основ, от которых можно образовать прилагательное. Исключение составляет несколько слов, по всей вероятности, заимствованные из других языков, которые производными не являются: *гIябас* «напрасно» (оно скорее всего ближе к наречию цели, а не образа действия), *мажсахIят* «едва ли». Есть наречие со значением «даром», образованное не при помощи суффикса эргатива, а при помощи суффикса *кЪи* — *иткЪи* «даром».

Таким образом, качественные наречия и наречия образа действия характеризуются тем, что их форма едина; при помощи показателя эргатива можно образовать качественное наречие от любой части речи, от любой основы, от которых можно образовать прилагательное.

Количественное наречие образуется от числительных и от вопросительных местоимений *чум* «сколько», *чуйна* «сколько раз» (при помощи суффиксов *на*, *найс*).

Среди наречий времени встречаются простые и производные, при чем производные большею частью образованы при помощи показателей местных падежей и эргатива. Кроме того, любое имя со значением времени (год, месяц, день, час и т. п.) может употребляться в роли наречия, если оно имеет при себе определение: *ца сагIят калунра* «пробыл один час»; *вай замана вакIади, дила хIурхъан Батирай!* «в плохое время ты пришел, мой Урахинский Батырай! (Батырай).

Наречия места и направления все без исключения являются производными, и большинство их образовано при помощи показателей местных падежей, или эргатива, причем показатель направления в этих наречиях «окаменел».

Перечислим некоторые наречия образа действия и качества:

<i>дуцIли</i> «бегом»	— от <i>дуцI</i> «бег»
<i>касIли</i> «галопом»	— от <i>кас</i> «галоп»
<i>багъIали</i> «медленно»	— от основы <i>багъла</i>
<i>дугIли</i> «напрасно»	— от <i>дугI</i> «вон, без известного направления куда-то»
<i>ити</i> «так просто; даром»;	— от <i>ит</i> «тот, он»
<i>иткЪи</i> «даром» (матай).	
<i>цIакъIли</i> «сильно»	— от <i>цIакъ</i> «сила»
<i>муриIли</i> «сладко»	— от <i>мури</i> (<i>муриси</i> «сладкий»).

Кроме того, среди наречий образа действия и качества встречаются и такие, которые состоят из имени и служебного слова или частицы: *итван* «так, как он», *итцад цакакьси* «настолько сильный». Такие наречия, образуемые при помощи частиц, наречиями являются лишь по смыслу, синтаксически, поскольку они отвечают на вопросы наречия. Морфологически же они являются словосочетаниями. Это видно из того, что такие частицы, как *ван* и *цад* могут прибавляться к имени, образуя как бы наречия, но имя при них остается именем, мы можем заменить местоимение в *итван* и *итцад* именем существительным, определяемым другим словом. Примеры: *нушала Аливан узен хлура* «ты работай так, как наш Али», *хив виштал дурхляла бекцад лебри* «орех был большой, как голова младенца».

Простыми наречиями образа действия являются: *ити*, *или*, *икли*, *ихи* с общим значением «так, таким образом»; оттенки значений приведенных наречий определяются их происхождением от соответствующих местоимений.

Ряд наречий образован при помощи частицы *ван* в эргативном падеже; *ван* когда-то склонялось. В этом мы легко убедимся, если сравним диалектные разновидности этих наречий: *ити-муг. гьитей*, *урах, гьитгой* (из *гьитгонли*), *цудах. итанне* (из *итванне*), *ушиш. гьититле*, *муир. гьитвай*; *акуш. итванли, итанни, итай*.

Перечисляем некоторые количественные наречия:

гьачам «один раз».

клина «два раза».

чуйна? «сколько раз?»

чуйнара «много раз»

чуйна-дигара «сколько угодно раз» и т. п.

Некоторые наречия времени:

даг «вчера»

дуги «прошлой ночью»

савли «утром»

бархлехъ «вечером»

приъ «в прошлом году»

жаглял «завтра»

царахлел «послезавтра»

мурт? «когда?»

мурталра или *сикбилра* «всегда»

жявли «скоро»

кьанни и *кьи* (из *кьий*, из *кьанли*) «поздно»

дугели «ночью»

хлерели «днем»

итхлели «тогда»

итцадхли «столько время»

бахъхли «долго»

итала иша «с того времени, до сих пор»

бархилилис-бархли «с каждым днем»

бахъили «все время, без остановки»

хлерейс «к полудню» и др.

Слово *дуги* бывает и существительным в значении «ночь», слова *савли*, *бархлехъ* тоже иногда употребляются вместо *савлила* «утро», *бархлехъла* «вечер».

Наречие *царахлел* происходит от *цара* и *хлели* (ср. вариант этого слова *цархлели*); сочетание этих двух слов дает буквальное значение «в другое время, на другой день» (т. е. на завтра, а на другой день — «послезавтра»); Слово *архлели* «позавчера» этимологизируется так же.

Что касается слова *хлели*, которое в даргинском языке образует много наречий и деепричастий, то оно происходит от *hle*, *xli*, *gle*, *gli* и элемента *ли*. За это говорит то, что в некоторых диалектах, например, в мекегинском, вместо *хлели* говорят *hle*: *ваклибhle* «когда пришел»; *итхлели* значит «в то время, тогда»; *итцадхли* значит «столько времени, так долго»; *сецадхли* «до каких пор, сколько времени».

Элемент этот мы встречаем в окончаниях местных падежей в роли показателя места: *xli* отвечает на вопрос «куда?», *xlib* — на вопрос «где», *xlibad* — на вопрос «откуда»: *хлеркӀ башуйхли* «туда», где течет река», *кьунбахли* «в сундуки».

Таким образом, мы видим, что показатель места *hle* изменил значение и стал показывать не только место, куда направлено действие, но и время. Принимая окончание *ли*, он стал показывать время действия, отвечая на вопрос: «когда?».

В цудахарском диалекте этот элемент получил другое звуковое оформление: *кьалле* «тогда», в кайт. диалекте этому соответствует *кьалла*. В даргинском языке *кьал*, *кьел*, *кьил* значит «черта, линия», но оно употребляется и в значении срока, времени. Говорят *кьел* (*кьил*) *баили саби* «срок настал; время пришло».

Можно полагать, что *кьи* (ср. *иткьи* «даром», *ваклиб-кьи* «хотя и пришел») происходит от этого слова *кьел*, *кьил*. За это говорит мугинское соответствие элемента *кьи*: мугинцы говорят *кьила*: *ваклибкьила* «хотя и пришел».

Несмотря на то, что *хлели* происходит из двух окончаний, суффиксов *hle* и *ли*, считать его суффиксом, пожалуй, нельзя, оно является служебным словом, образованным от слова со значением места (потом времени) и суффикса *ли*. Оно прибавляется к именам в различных падежах: *итхлели* «тогда, в то время», *итавхлели* «тогда, когда (он, я, ты) был там», *илихлели* «раз так», *сунелахлели*, «поскольку эта вещь его» и т. д.; оно является наречием места (потом времени), потерявшим самостоятельность в употреблении и превратившимся

В последелю; управляя предыдущим именем в именительном падеже, чаще всего оно прибавляется к архаической форме причастия.

Среди наречий времени имеются и такие, которые состоят из двух слов: *итала иша* (букв.: «оттуда сюда», т. е. «с тех пор»), *гьар даим* «всегда», *гьар бархли* «каждый день» и пр.

Особое наречие времени образуется также при помощи служебного слова *мад* (*мадан*): *итмадан* «с того же момента, с тех пор».

Перечисляем наречия места:

направ.	местн.	исходн.
<i>дура</i> «наружу»	<i>дураб</i>	<i>дурабад</i>
<i>бухна</i> «внутри»	<i>бухнаб</i>	<i>бухнабад</i>
<i>урга</i> «в середину»	<i>ургаб</i>	<i>ургабад</i>
<i>гьала</i> «вперед»	<i>гьалаб</i>	<i>гьалабад</i>
<i>гелпа</i> «назад»	<i>гелпаб</i>	<i>гелпабад</i>
<i>уди</i> «вниз»	<i>удиб</i>	<i>удибад</i>
<i>чеди</i> «вверх»	<i>чедиб</i>	<i>чедибад</i>
<i>чина</i> «куда»	<i>чинаб</i>	<i>чинабад</i> (<i>чинад</i>)
<i>гьамли</i> «близко»	<i>гьамлихлиб</i>	<i>гьамлихлибад</i>
<i>гьарахъли</i> «далеко»	<i>гьарахълиб,</i> <i>гарахълибад</i>	<i>гьарахълихлибад</i>
<i>гляшли</i> «низко»	<i>гляшлихлиб</i>	<i>гляшлихлибад</i>
<i>ити</i> «туда»	<i>итаб</i>	<i>итабад</i> (<i>итад</i>)
<i>иша</i> «сюда»	<i>ишаб</i>	<i>ишабад</i> (<i>ишад</i>)
<i>икла</i> «туда вверх»	<i>иклаб</i>	<i>иклабад</i> (<i>иклад</i>)
<i>иха</i> «туда вниз»	<i>ихаб</i>	<i>ихабад</i> (<i>ихад</i>)
<i>ила</i> «туда, ко 2-му л	<i>илаб</i>	<i>илабад</i> (<i>илад</i>)

Во всех исходных формах наречий может факультативно прибавляться элемент *ли*: *дурабадли*, *бухнабадли*, *итабадли*, *итадли* и т. д., как в исходных падежах существительных.

Другие наречия места имеют по два падежа: направ. и местный, исходного же у них нет, за исключением наречия *архляли*:

Направ.

шер «замуж»
хьулкнад «на кражу»
сукни «с предложением выдать
или выйти замуж»
гляр «на охоту»
умцлес «искать» (что-либо)

Местн.

шерир «замужем»

архляли «(куда-нибудь) «в путь»
 («с какой-то целью»), *архлялив, архляливад,*
гечли «кочуя»
шадив «гуляя».

Как видно из этих примеров, некоторые из этих наречий напоминают по значению наречия цели, но в даргинском языке все они отвечают на вопрос «куда» (чина?), а не на вопрос «зачем» (сен?). На вопрос: *сен арякбуна?* «зачем (почему) ушел» нельзя ответить, например: *сукни, хьулкнад* и т. п.

Наречиями направления можно называть такие наречия, которые выражают лишь направление вниз, вверх, и т. п., но не выражают то место, куда направившийся дошел, как это выражено в наречиях места в направит. падеже. Такими наречиями являются:

лаг «вверх»
катхлел «вниз»
бетхлел «туда (горизонтально)»
сатхлел «сюда (горизонтально)»
дугI «вон, прочь»
дугли «зря, напрасно».

Эти наречия не имеют ни местного, ни исходного падежа, за исключением слова *дугI*, которое употребляется и в роли существительного в значении прогулки: *дугличив калунра* «я был на прогулке», *дугличивад* «с прогулки».

Характерной особенностью даргинских наречий нужно считать то, что многие из них принимают классные показатели и согласуются с тем существительным, к действию (или состоянию) которого они относятся. Таковыми являются все наречия, образованные от основы с классным показателем. Кроме того, все наречия в местном и исходном падеже тоже содержат классный показатель:

бахъли, вахъли, рахъли, дахъли «долго»;
бацли, вацли, рацли, дацли «пусто»;
гьалаб, гьалав, гьалар «впереди»;
ургабад, ургавад, ургарад «из середины» и др.

Изменение по классу, даргинских наречий и согласование их по классам и числам (поскольку классный показатель выражает и число) аналогично изменению прилагательных. Однако, в прилагательных число выражается и окончанием (суффиксом), чего нет в наречиях.

ПОСЛЕЛОГИ.

Последогом называется такое служебное слово, которое управляет предшествующим именем, находящимся в синтаксической связи с ним.

В даргинском языке имеются такие наречия места и времени, которые обыкновенно употребляются только в сочетании

с тем или иным именем в определенном падеже. Если такие наречия употребляются и без такого имени, то часто в таких случаях все же подразумевается имя, управляемое этим наречием. Такие наречия мы называем послелогами. Таковыми являются например:

эргъи «после, за» — *итала эргъи* «после этого»; *итис эргъи* «за ним, после него»;

дураб «вне, наружу» — *хъа дураб* «вне комнаты»;

бухIнаб «внутри, в» — *хъа бухIнаб* «внутри комнаты, в комнате».

ургаб «между, в середине, посреди» — *гулгри ургаб*, *гулг-рала ургаб* «между деревьями, среди деревьев».

гъалаб «вперед, до, впереди, около» — *шқолала гъалаб* «около школы»; *итис гъалаб* «впереди него, до того».

гIелаб «за, позади» — *хъа гIелаб* «за домом, позади дома»; *ну итис гIелав сайра* «я позади него».

удиб «внизу» — *столла удиб* «под столом».

чедиб «на, над, сверху» — *столла чедиб* «над столом, на столе».

алав «вокруг» — *хъайс алав* и *хъали алав* «вокруг дома».

дахIли «напротив» — *бархIли дахIли* «напротив солнца»;

бархъли «напротив» — *галгаличи бархъли*, *галга бархъли* «напротив дерева».

къадин «за, вместо, взамен» — *итис къадин* «за него, вместо того».

багъандан «для, ради, за, из-за, ввиду» *ити багъандан* «ввиду того, ради того, для него»; *вакIни багъандан* «из-за прихода, ввиду того что пришел»; *бекIес багъандан* «для того, чтобы написать».

барх «вместе, с» — *итичил барх* «вместе с ним».

сабабли «по причине, ввиду» — *ит сабабли* «по той причине, ввиду того».

шулгIиб (мякълаб) «около, рядом» — *дила шулгIиб*, *дила мякълаб* «около меня, у меня».

гъамли «близ, близко» — *шараличи гъамли* «близко к озеру».

къаришили «против» — *набчи къаришили* «против меня».

дурабадра «кроме» — *илала дурабадра* «кроме того, помимо того».

гъанни «из-за, за, ради (букв.: «помня») — *вацIализир бецI дучIар*, *дубрир мукъара гъанни* «волк воет в лесу из-за ягненка на горе» (песня).

Кроме наречий, в роли послелогов употребляются и другие слова: деепричастия, имя в местн. падеже и др.

къел «время» — *дусла къел* «в продолжение года».

барили «согласно» (букв.: «сделав») — *хIукмуличи барили* «согласно постановления».

хӀерхӀеили «несмотря» — *итичи хӀерхӀеили* «несмотря на то».

хӀекълизиб «о, про» (букв. «об истине») — *колхозла хӀекълизиб* «о колхозе».

мерла, мерлаб «вместо» — *итала мерлаб* «вместо того».

Как видно из примеров, некоторые послелогои (*эргъи, гъалаб, гӀелаб, ургаб, алав, бархъли, багъандан*) употребляются то с одним, то с другим падежом, причем значения послелогов *эргъи, гъалаб, гӀелаб, багъандан* с различными падежами различны. Послелогои *ургаб, алав, бархъли* употребляются то с родит., дат. или направит., то с именит. падежом в одном и том же значении.

Послелог *багъандан*, когда перед ним стоит отглагольное имя, выражает причину «ввиду, по причине», а когда употребляется с инфинитивом, он выражает цель «для того, чтобы, с целью». Когда же он стоит после не отглагольного имени, он может выразить и то и другое в зависимости от контекста:

вакӀни багъандан «ввиду прихода, ввиду того что пришел»;

вакӀес багъандан «для того чтобы придти»;

ит багъандан «ввиду того, ради него».

Кроме послелогов, являющихся совершенно отдельными словами, иногда употребляемыми и без дополняющих их значение имен, в даргинском языке есть послелогои, примыкающие своей формой к окончаниям и словоизменительным суффиксам.

Таковыми являются:

кад(ли) «по, вдоль» — *къадакад* «по долине», *гъуникад* «по дороге»;

шал «по, в отношении» — *рангӀашал ити ахӀси саби* «по цвету это лучше»;

сун «по» — *суналасун* «по-своему, по своей манере»;

бяхӀ(ли) «в», «на», «к» — *итабяхӀ* «в ту сторону», *дудешличивяхӀ* «к отцу, в сторону отца»;

гӀеб(ли) «в» — *итгӀеб шурбатес* «повернуть в ту сторону»;

гӀебли «в стороне, за, с» — *Китай нушагӀебли саби* «Китай с нами»;

хӀели «когда» *вакӀибхӀели* «когда пришел», *итхӀели* «тогда»;

мад, мадан, маданал вакӀибмад «как только пришел»;

къэ «хотя» — *вакӀибкъэ* «хотя пришел», *балукъэ* «хотя знает» (*иткъэ* «даром; без цели»).

СОЮЗ.

Даргинский язык союзами не богат. Это объясняется, с одной стороны тем, что в большинстве случаев подчинительная и частично сочинительная связь между членами пред-

ложения и между предложениями осуществляется посредством глагольных форм сказуемого. Эти-то формы в даргинском языке и играют роль союзов. Вместо русского подчинительного союза «что» в даргинском языке мы имеем форму отглагольного существительного на *ни* или вопросительного наклонения на *л*, которые выступают как сказуемые в придаточных предложениях дополнения. «Русские союзы» «когда», «как только», «с тех пор как», «хотя», «если» и др. даргинский язык выражает глагольными окончаниями на *хлели, мад, ла, кзи, алли* и др.

Причинность в дарг. языке выражается большею частью формой отглагольного существительного на *ни* с послелогом *багъандан* «по причине, ввиду»; цель выражается формой инфинитива с прибавлением, или без прибавления послелога *багъандан*. Здесь приведем некоторые примеры:

хлу хъайгъив агни нуни багъурра «я узнал, что тебя дома нет»;

ну ваклибхлели, ил арякун «когда я пришел, он ушел»;

шаладикибмад, нуша датдихъира «как только рассвело, мы отправились»;

июль баз бехлбихъила, забли ургъули саби «с тех пор, как начался июль, дожди идут»;

балукъи, хлуни бурули ахленри «хотя знаешь, ты не говоришь»;

хлу аркъядли, нура аркъяс «если ты пойдешь, то и я пойду»;

хлянци таманхлебъни багъандан, ну ишбархлира арукъес вирули ахленра «так как работа не закончена, я и сегодня не могу выехать»;

ит араварес багъандан, тухтурли дебали къайгъибариб «для того чтобы вылечить его, врач очень постарался»;

Амир ваклили аракун «Амир пришел и ушел» и др.

Подобные формы, являющиеся одновременно и членами предложения и союзами, нужно считать союзными словами. Но кроме того, в даргинском языке мы имеем и настоящие союзы, и союзные частицы, или суффиксы сочинительные и подчинительные. Сочинительные союзы подразделяются на соединительные, разделительные и противительные.

Соединительными союзами являются: «*ра* (суффикс) «и»; *ва* «и»; *биаб* (букв. «будь») «как... так и...»; *я* «или-или, ни-ни»:

хурра, жарра, нялпялага нушачир имцали къаршидиркур «липа, ива и осина у нас часто встречаются»;

нушала халкъанала узидеш нушала партияла бархъси политикаличи делшунти сари «дружба наших народов зиждется на правильной политике нашей партии»;

хур биаб, жар биаб нушачир имцали къаршидиркур «как липа, так и ива у нас встречаются часто»;

я заб агара, я дахли агара «нет ни дождя, ни снега».

Особенностью союзного суффикса *ра* является то, что он повторяется при каждом соединяемом слове.

Другой особенностью *ра* является то, что он прибавляется лишь к именам и наречным словам, к глаголу в личной форме он не прибавляется, а прибавляется к первой части сложного глагола, которая является именной частью, основой или префиксом, причем после *ра* глагол повторяется полностью: *председатель вакIра вакIиб, арра арякьун* «председатель и пришел и ушел».

Когда союзным суффиксом *ра* соединяют целые предложения, он находится всегда в середине этих предложений, а не в конце: *забра дариб, хIуркIбира кадухьун* «и дождь пошел и речки потекли».

Союз *ра* в сложно-сочиненном предложении иногда употребляется в роли подчинительного союза. При этом первое предложение выражает причину второго — главного:

итра арякьун — нушала анцIбукьунира вайтIбдикиб «и он ушел и наши дела расстроились», т. е. по причине его ухода наши дела пострадали. В разговорной речи это значение *ра* подчёркивается особой интонацией. В письме целесообразно ставить между предложениями тире.

Союз *ра* иногда переводчиками употребляется вместе с союзом *ва*. Таким образом, они сочетают два союза одного и того же значения. Это объясняется тем, что *ва* для даргинского языка является новым заимствованным союзом. В разговорной речи он почти не встречается. Он был заимствован из кумыкского языка уже после того, как даргинцы начали писать на родном языке.

Союз *ва* своим значением от *ра* не отличается; при помощи *ва*, соединяют как члены предложения, так и сами предложения. Обыкновенно, при перечислении он ставится только перед последним членом перечисления.

Наличие двух союзов-синонимов в даргинском языке создает большое стилистическое удобство при построении сложных предложений.

Разделительными союзами являются: *я-я* «или-или», *гьачам-гьачам* «то-то»:

я кайи, яра арукьен «или садись, или уходи»;

гьачам ургьули саби, гьачам дагIбикIули саби, «то дождь идет, то ветер дует».

Разница между разделительными и соединительными союзами *я-я* заключается в том, что *я-я* для соединения употребляется только с отрицанием в то время, как разделительный союз *я-я* употребляется и без отрицания. Кроме того, при разделительном союзе ко второму союзу факультативно прибавляется *ра*: *я-яра*.

Противительными союзами являются: *амма, вамма, ваамма-ки* «но»; *ну* «а»; *гу* «но»:

ваклиб, амма селра хлеб «пришел, но не сказал ничего»;
иш галга пялпялаг ахленну, махъ саби «это дерево не осина, а береза»;

ваклибгу, жявли арякьун «пришел, но скоро ушел».

Союзные суффиксы *ну* и *гу* в отличие от суффикса *ра* прибавляются только к глаголам и к другим словам в роли сказуемого. Эти два союза даргинского языка употребляются и для подчинительной связи: *ну* — для придаточного предложения причины, *гу* для уступительного:

нуни ибсилочи лехлехъирину, хлечи къян баклиб «так как ты не слушал меня, то тебя настигла беда»;

хлеб садалигу, гъачам ванабушли ахлен «хотя весна настала, но еще не тепло».

Подчинительными союзами также являются наряду с союзами *ну, гу*

— *сенкун* «потому что», *хъалли, или, къи* «хотя», *или* (букв. «сказав»), *эгер* «если», и другие формы, употребляемые в роли союзов:

иш хлела хлянчи ахленну, бати «это не твое дело, оставь» (союз *ну* выражает, что *хлела хлянчи ахлен*, служит причиной для *бати* «оставь»);

неш раклибгу селра хлехиб «хотя мать приехала, но не привезла ничего»;

ну хлеклара, сенкун хлебагъурра «я не пришел потому, что не знал»;

ургъули хъалли, дашес агнили саби «хотя дождь идет, но ехать надо»;

хяса хледамахъес или, нуни улъвай къяндарра «для того, чтобы пыль не летела, я закрыл окно» (букв. «чтобы не дать пыли входить — сказав, я закрыл окно»);

эгер нушани къасбарехлелли, нуша бархлехълис хъябличи дурадкеркехе «если мы решимся, то к вечеру доедем до перекрестка».

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ.

Под служебными словами мы подразумеваем послелоги и союзы. Частицами мы называем такие служебные слова, которые не являются ни послелогам, ни союзами. Большею частью они почти потеряли облик отдельных слов и превратились как бы в составные части других слов, но аффиксами они не являются.

Какая же разница между служебными словами, частицами и аффиксами?

Служебные слова употребляются для характеристики, для отнесения другого слова или целого предложения, они служат

для осуществления связи между членами предложения. Такие слова от самостоятельных слов отграничиваются без особых трудностей. Но очень трудно найти границу между служебными словами и частицами, с одной стороны, и аффиксами и окончаниями, с другой. Очень трудно также провести точное размежевание внутри самих служебных слов и частиц.

Почему отдельные служебные слова в даргинском языке с таким трудом разграничиваются с аффиксами? Например, в русском языке отличить предлог от приставки не представляет трудности: между предлогом и именем, к которому относится предлог, можно вставить определяющее слово, относящееся к тому же имени, и предлог, стоящий перед определением остается в том же отношении с именем, в каком он был до введения предлога.

Таким способом мы в русском языке устанавливаем, что предлог — это отдельное слово, а не часть его. Иначе обстоит дело с приставкой в русском языке: ее нельзя отделить от глагола. Предлог здесь является принадлежностью имени, при глаголе предлога не бывает; это помогает отличить предлог от приставки.

В даргинском языке не так. Здесь мы имеем дело не с предлогами, а с послелогами, стоящими за именем, как и суффиксы и окончания. Послелоги так тесно примыкают к именам, что между ними нельзя вставить другого слова, послелог есть как бы часть предыдущего слова, с которым он дает лексическое целое: *хӀянцилашал* «в отношении работы, по работе»; *сунеласун* «по-своему» (*хӀянцила* родит. от *хӀянци* «работа»; *сунела* — родит. от *сай* «сам, он», согласно принятой орфографии *шал* и *сун* пишутся слитно с предыдущим именем).

Такое положение могло бы заставить нас называть подобные послелоги и другие служебные слова аффиксами, тем более, если сочетание такого послелога и имени путем прибавления суффикса прилагательного дает прилагательное (*хӀянцилашалси* «относящийся к работе»; *большевикуналасунси* «то, что по-большевистски», если бы это не было общим свойством служебных слов, в том числе и тех, относительно которых мы не сомневаемся в том, что они отдельные слова, а не части слов, как *гъала* «вперед», *гъела* «назад», *ахъ* (дубур) «высокая гора»; *ахъ* — неоформленное прилагательное.

Метод вставления постороннего слова между служебным словом и именем для доказательства того, что оно действительно является отдельным словом, а не частью слова, для даргинского языка не годится, поскольку и явно отдельное слово нельзя отделить вставлением другого слова от имени, к которому относится это слово. Если вставить такое слово, то служебное слово (или неоформленное прилагательное) будет относиться по смыслу к этому вставленному слову.

Для разграничения послелогов и других служебных слов и частиц от аффиксов нам необходимы другие основания:

Что касается словообразовательных аффиксов, то их можно отличить от служебных слов и частиц тем, что они (аффиксы) изменяют значения слов, к которым они прибавляются, а служебное слово или частица не изменяет; в основном служебные слова и частицы связывают слова между собою.

Возьмем суффикс *кьяна* и послелог *кад*. Если мы прибавим *кьяна* к слову *гьуни* «дорога», то мы получим имя со значением «путник» — *гьуникьяна*; если же мы присоединим к нему *кад*, — *гьуникад* — то получим значение «по дороге». Значение «дорога» здесь не изменилось. Мы можем говорить *ахлси гьуни* «хорошая дорога» и *ахлси гьуникад* «по хорошей дороге», и в обоих случаях *ахлси* относится к *гьуни* в отдельности, а не к *гьуникад* в целом.

Иначе будет, если мы сопоставим *ахлси гьуни* «хорошая дорога» и *ахлси гьуникьяна* «хороший путник». Здесь мы прилагательное *ахлси* относим к двум различным словам, а не к одному и тому же, как в предыдущем случае. Следовательно, *кьяна* сливается в единое целое со словом *гьуни*, а *кад* не сливается. В первом случае (*гьуникьяна*) от слова *гьуни* образуется другое производное слово, составленное из *гьуни* и *кьяна*.

Таким образом, словообразовательные суффиксы как бы выполняют семантические задания в то время, как окончания (или словоизменятельные суффиксы), служебные слова и частицы — выполняют синтаксические и модальные функции и не являются частями слов. Правда, есть частицы, которые очень близко примыкают к суффиксам и окончаниям и по функции, и по форме. Их можно пожалуй признать за части слов. Тем не менее они не являются суффиксами, так как они не меняют семантику слова, они не являются также окончаниями, т. к. они прибавляются к имени в любом падеже, к наречиям и глаголам. Но среди частиц имеются и такие, которые могут стоять только после имени или наречного слова (союзная частица *ра*), или после сказуемого (союзные частицы *чу*, *гу*).

Разница между частицами и послелогоми заключается в том, что частицы не управляют именем, стоящим перед ними, а послелог управляет. Что касается союзов, то в даргинском языке мы имеем союзные частицы, и союзы, являющиеся самостоятельными словами. Из служебных слов послелог служит для подчинительной связи слов в предложении в то время, как союзы и частицы служат, как для подчинительной, так и для сочинительной связи.

ЧАСТИЦЫ.

В даргинском языке имеется много частиц, со многими и самыми разнообразными значениями. Группировать их по значению и по роли их в речи удастся лишь с трудом, причём можно наметить следующие группы некоторых из них:

Второстепенная частица, которая сопровождает вопросительное предложение: *гытӀи* «разве»: *мар сабира, гытӀи?* «разве это правда?»

Звательные частицы: *эй* — при обращении к одному мужчине: *эй, Али!* «О Али!» *Эйхъали* — при обращении к многим мужчинам; обычно при слове *эйхъали* имена людей, к которым обращается говорящий не называются: *эйхъали, даширая, аркьяхӀену* «эй, давайте пойдём»;

жав (цуд. *гьуй*) — при обращении к женщине: *жав, Разият:* «О Разият! *жей* (цуд. *гьей*) — при обращении к женщине и мужчине: *жей, Али!* (Что касается цуд. *гьей*, то эта частица употребляется как женщинами, так и мужчинами).

Утвердительные частицы: *гле* «да», *гьайгъай* «конечно».

Отрицательные частицы: *юх* «нет» (когда говорящий возражает собеседнику); *гьеч*, *сеналра*, *бекӀли* «никак».

Усилительные частицы: *кӀун* «же, ведь» — ставится только после имен и наречных слов: *ит кӀун дудеш сай* «ведь он отец». Частица *кӀун* в сочетании с местоимением *сен* «почему» дает подчинительный союз причины: *сенкӀун* «потому что» (пишется слитно); *кьалли* «оказывается, то, же» и др. (в различных диалектах употребляется для выражения различных оттенков значений); *ахӀен кьалли* «оказывается, нет»; *ит кьалли викӀули сай, хӀу сен или викӀусири* «он-то говорит, а ты почему так говоришь?» *Либакку кьалли* (муир.) «ведь нет, нет же» и др.; *гьу* «же» — *вашигу!* «иди же!» *ишгу ишаб* «вот же здесь»; *балли, бархли* «даже» — *дурхӀни бархли (балли) дурабухъун* «даже дети выступали, дети и то выступали».

Частица *(а)л* имеет много значений, которые вскрываются в следующих примерах:

— для усиления отрицания: *архӀякьян* «не пойдёт» — *арал хӀякьян* «ни шагу не возьмет»;

— для выражения значения: «еще» в таких случаях как: *даг* «вчера» — *дагал* «еще вчера», *итхӀели* «тогда» — *итхӀелил* «еще тогда»; *итаб* «там» — *итабал* «еще там»;

— для выражения значения: «собственный»: *дила* «мой» — *дилал* «собственный мой»; *сунела* «свой» — *сунелал* «собственный свой»;

— для выражения: «бывший» (в мугинском диалекте):

Алила урчи «лошадь Али» — *Алилал урчи* «лошадь, принадлежащая Али»;

— для выражения косвенного вопроса:

ваклиб «пришел» — *ваклибал* «пришел ли».

Уподобляющие частицы: *гбуна* «подобный». *Гбуна* имеет множественное число; иногда имя, к которому относится эта частица и сама частица принимает суффикс мн. числа: *ишегбуна* (пишется слитно) «такой, как это» — *ишидигбунги* «вот такие, как эти» (*гбуна* прибавляется к имени в любом падеже и само по себе склоняется).

Ван (урах. *он*, цудах. *ванне*) «как», в акушинском диалекте упрощается, причем остается лишь *ан*, или просто *н*: *итан* «так как он», *Алин* «как Али». Частица *ван* с ее упрощенными формами употребляется и с глаголом, выражая незначительность, кратковременность действия; употребляясь с деепричастием, она выражает значение «как только»: *ваклибмадван*, *хлянчилизи вехлихъиб* «как только приехал, взялся за работу»;

тяп «как раз, точно» — *ишра тяп итегбуна сай* «и этот как раз такой же, как тот»;

гьалли «как будто, словно» — *гьалли ургьусиван чебиули саби* «словно как будто дождь идет».

Частица неопределенности *ца* «некий» (букв. «один»): *ца адам ваклиб* «пришел один человек» (т. е. неизвестный или же такой, о котором говорящий не хочет говорить, кто именно он).

Частица равняющая: *цад* «столько, так» — *Алицад* «столько, сколько Али» (по величине, росту и т. п.), *итцад халал* «столько большой».

В даргинском языке имеются и еще частицы с различными значениями, имеются также самостоятельные слова, которые употребляются в роли частиц: *гбу* «ну», *гьари* «ну-ка», *белики* «авось, может быть»; *секлал* (букв.: «вещь»): *кьацI-секлал хIебукаду?* «не покушаешь ли хлеба и т. п.?»; *мага*: *чаймага агарав?* «нет ли чая и т. п.?» *гьари* — выражает возмущение: *я гьари, вашигу?* «иди же наконец»; *сера* «около, такой»: *вецIалра-сера* «около десяти», *хIура-сера итаб бажардихIебирар* «такой как ты и подобные там не справятся»; *имцIа* «больше»: *вецIалра-имцIа* «больше десяти» и др.

Мы коснулись здесь значений лишь некоторых частиц, поскольку подробный анализ частиц должен быть дан, с одной стороны, в синтаксисе, с другой — в словаре.

О Г Л А В Л Е Н И Е

стр.

От редакторов	3
Введение	5
Из истории даргинского письма	15
Звуки даргинского языка и буквы даргинского алфавита	23
Краткие и долгие гласные	30
Слог	34
Чередование гласных	35
Выпадение гласных	38
Дифтонги	47
Ассимиляция гласных	48
Усиленные согласные	49
Лабиализация согласных	51
Чередование согласных	54
Выпадение согласных	55
Ассимиляция согласных	58
Диссимиляция согласных	60
Метатеза	61
Ударение	61

М о р ф о л о г и я

Классы и классные показатели	72
Имена в даргинском языке	79
Существительное	84
Первичные и вторичные падежи	116
Прилагательное	126
Числительное	135
Местоимение	139

Г л а г о л

Общая характеристика даргинского глагола	143
Классные показатели в глаголе	145
Инфинитив	146
Основы глагола и её состав	148
Глагольные префиксы	158
Согласование глагола по лицу	162
Глаголы утверждения и отрицания	164
Глаголы-связки	165
Переходность и непереходность глагола	167
Наклонения и времена	172
Причастие	190
Деепричастие	195
Наречие	197
Послелог	205
Союз	207
Служебные слова и частицы	210

Редактор *С. М. Гасанова*

Сдано в набор 6/VII-1954 г. Подписано
к печати 25. X. 1954 г. С 02971. Формат
60×92/16. Объем 13,5 п. л., бум. л. 6,75.
Тираж — 800; зак. № 877.

Типография Дагестанского филиала
АН СССР, г. Махачкала, Комсомольская, 14.

О П Е Ч А Т К И

стр.	строка	напечатано	следует читать
29	11 сверху	тоже	то же
30	3 сверху	формой	фонемой
47	4 сверху	'есть'	'сесть'
48	17 сверху	бах-бях	бахъ-бяхъ
57	17 сверху	хІекиб	хІекиѢб
72	4 снизу	в-ебкІуб	в-ебкІѢб
89	20 сверху	диха	дихъа
101	в начале страницы пропущено: дев		
102	3 снизу	адамличи	адамличил
106	4 снизу	тот больной умер	он умер от болезни
125	18 сверху	оплачивание	оплакивание
135	2 сверху	при чем	причем
145	19 снизу	определить	опередить
157	25 сверху	сделаться	дойти
160	3-я табл. сверху	балкІан	бадкІен
178	7 сверху	если бы он написал	если бы ты писал
201	25 сверху	при чем	причем